

АЛЕКСЕЙ СИСАКЯН

Дружба

Творчество

Память

2009

**Дружба
Творчество
Память
2009**

Алексей Сисакян

**Дубна • ОИЯИ
2009**

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С40

Художник *Ольга Трифонова*

Фотографии *Юрия Туманова*
и из семейного архива *А. Н. Сисакяна*

В составлении и редактировании книги участвовали
Г. М. Арзуманян, А. А. Леонович, Е. В. Калининкова,
И. Н. Мелькова, А. А. Сисакян, Н. И. Сисакян,
за что автор приносит им сердечную благодарность.

Сисакян А. Н.

С40 Дружба. Творчество. Память. 2009. — Изд. 2-е, доп.
и испр. — Дубна: ОИЯИ, 2009. — 407 с., фото.

ISBN 978-5-9530-0231-8

В новую книгу известного ученого-физика и поэта
Алексея Сисакяна вошли эссе о замечательных ученых, деяте-
лях культуры и воспоминания о близких автора.

С прозой переплетается стихотворная часть книги —
«Дневник моей души».

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Сисакян А. Н., 2008
© ООО «Престиж Бук», 2008
© Сисакян А. Н., 2009, допол-
нения
© Объединенный институт
ядерных исследований, 2009

ISBN 978-5-9530-0231-8

ПРОЛОГ

Каждый человек — немного писатель.

Жизнь диктует ему свою повесть. А он, преломляя реальность своим воображением, предается воспоминаниям.

Воспоминания свойственны всем. И большим, и маленьким. В них есть что-то изначальное и человеческое...

Если меня спросят, что отличает человека от остального живого мира, то я отвечу тремя словами:

ПАМЯТЬ, ДРУЖБА, ТВОРЧЕСТВО.

Все остальное человеческое в нас можно составить из этих первоначал (как древние строили мир из огня, воды, воздуха и земли, а мы строим его из кварков, лептонов, глюонов).

Память — это наша связь с прошлым, быть может, с историей всей Вселенной.

Дружба — большое счастье, наполняющее наше сегодня.

Творчество — это завтра, истинное творчество смотрит в будущее.

Память воплощается в воспоминания.

Мы предаемся им во сне или мучась от бессонницы глубокой ночью. И только подрагивание ресниц или раздавленный в пепельнице окурок связывает с внешним миром эту молчаливую повесть. Повесть одного читателя и одного писателя...

То, что в прошлом, уже не отнять... И не исправить.

И ушедшие близкие мне люди блуждают тропинками моей памяти.

Их судьбы, их годы, их воспоминания переплетаются в моем воображении. Я будто беседую с ними, их память — уже часть моей памяти.

Часть I

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

УЧИТЕЛЬ*

Теперь, когда два года отделяют нас от скорбной даты — кончины Николая Николаевича, острее чувствуешь, как невосполнима потеря этого замечательного ученого и человека. Для тех, кто имел счастье пользоваться его мудрыми советами и поддержкой, эта потеря ощущается каждодневно.

Вспоминая о Николае Николаевиче, невольно испытываешь чувство светлой благодарности и гордости за то, что судьба сделала нас его современниками. Нас — многочисленных его прямых и косвенных воспитанников, работающих в разных областях математики, физики, механики во многих городах мира. Он был моим учителем со студенческой скамьи, затем, после МГУ, почти четверть века нас связывала работа в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

Мы, его ученики младшего поколения, попали в орбиту Н. Н. Боголюбова, когда он был уже всемирно известным ученым; его окружал ореол заслуженного признания, который внушал мысль о недоступности.

Но его «недоступность» была, скорее, иллюзорной. Глубоко погруженный в ежедневный напряженный умственный труд (а Николай Николаевич работал очень много и буквально до последнего вздоха), он нечасто открывался собеседнику, умел внимательно выслушать, чаще молчал, но совершенно преображался, если высказанная мысль казалась ему интересной, заслуживаю-

---

* Николай Николаевич Боголюбов: Математик, механик, физик. Сб. ст. / Под ред. П. Н. Боголюбова, В. Г. Кадышевского, А. Н. Сисакяна, Д. В. Ширкова. Дубна, 1994. С. 128–130.

щей поддержки. Он никогда не говорил: «Это плохо, неправильно, неинтересно», но каждый, кто с ним работал, знал, *что* его молчание означает... Зато, если удавалось чем-нибудь удивить Н. Н. (так его любя называли ученики), он поражал стремительностью проникновения в самую суть проблемы, находил поразительные аналогии, буквально видел ответ уже тогда, когда задача, казалось бы, была еще только поставлена. Такая его реакция была не только лучшей оценкой идеи, но и, как правило, мощным толчком к решению проблемы. Часто на следующий день Н. Н. приносил стопку листков, аккуратно исписанных его четким и разборчивым некрупным почерком. Он любовно называл эти листки «рукоделием». «А вот посмотрите, что у Вас должно получиться...» — говорил он своим бархатным голосом и с чуть заметной улыбкой затягивался очередной ароматной сигаретой (иногда он курил трубку).

Никогда не оставляли его равнодушным не только интересные научные идеи, но и людские нужды. Его не надо было упрашивать похлопотать о лечении больного (даже незнакомого ему человека), об оказании помощи нуждавшимся... Но часто Николай Николаевич бывал очень грустным после очередного приема по личным вопросам, так как не все человеческие проблемы, к сожалению, оказывались подвластны даже его возможностям — человека доброжелательного, сильного, облеченного директорскими, академическими и депутатскими полномочиями.

Да, Н. Н. был доброжелателен и терпим к людям, но его можно было лишить равновесия, если ты опаздывал или не сдерживал данное ему слово. Сам он был весьма требовательным к себе.

Мне очень стыдно это вспоминать, но однажды я опоздал на встречу с ним на четверть часа. И хотя у меня было оправдание (время поездки по зимней дороге из Дубны в Москву было трудно рассчитать), разговора у нас с Н. Н. не получилось, он ничего не хотел слушать, был раздражен и сказал, что от меня он такого «кабака»

не ожидал. «Кабак» — это было его редкое, но самое крепкое слово. Урок этот я запомнил на всю жизнь...

Николай Николаевич не любил деклараций и нравочений. Своим доброжелательным отношением к окружающим, поистине христианской терпимостью, своим примером титанического трудолюбия, непоказной скромностью и, иногда, вовремя сказанным метким словом он влиял на людей. Благородное влияние это до сих пор ощущается и в Дубне, и в Стекловке, и в Феофании, и в других местах, где осталась частичка его богатой души.

А слово он чувствовал как никто другой. Н. Н. любил играть в слова, искусно прослеживая их трансформацию со временем при переходе из одного языка в другой. Он знал десяток языков. Если бы он не увлекся в юности математикой, наверное, он был бы талантливым лингвистом.

«Талант великой личности редко бывает направленным, он проявляется во всем». Это изречение я услышал давно, но прочувствовать его позволил мне лишь пример Николая Николаевича. Перелистывая страницы памяти, обнаруживаешь, что Н. Н. умел удивлять окружающих поистине внезапным и талантливым проникновением в неожиданную для него область... Приведу лишь один эпизод, безусловно, не самый яркий, но очень необычный.

Дело было в гостях на даче одного известного ученого, компания собралась преимущественно кавказская, напряженный день заканчивался восточным гостеприимством. После очередного тоста хозяин стола вышел под звуки музыки на середину гостиной, вызывая Н. Н. на кавказский танец. Думаю, никто не мог вообразить, что семидесятилетний Боголюбов, не отличавшийся спортивной выправкой, усталый и никак не приспособленный к танцам, примет этот вызов. Но Николай Николаевич вдруг преобразился: он приподнялся на носках, выпрямился, красивые руки его приняли позицию кавказского танца, и он артистично пошел на партнера в

ритме темпераментной музыки. И это было талантливо, красиво и неожиданно. Все гости буквально ахнули. А Н. Н. умело разыграл танец с кинжалом, и, когда естественная усталость подсказала ему, что нужно успокоить развеселившегося партнера, он занес воображаемый кинжал над «противником» и жестом, означавшим победу, поставил точку в танце...

До этого момента я мог вообразить возможность проявления таланта Николая Николаевича, пожалуй, в любой области, кроме танца, но ... талант великой личности поистине проявляется во всем.

Труды, открытия и деяния Николая Николаевича остаются в нашей жизни, имя его принадлежит лучшим страницам истории российской интеллигенции. Но его характерные черты, улыбку, голос, умный и грустный его взгляд сохранит лишь память.

И трудно и легко писать эти строчки об Учителе. Трудно, потому что жива в нас боль невозвратимости, потому что невольно думаешь, а как он посмотрел бы на все это. А Н. Н. очень не любил статьи и речи о себе... Легко, потому что согревает надежда: может быть, удастся этими страничками хоть немного донести до детей и внуков наших, поселить в их памяти характерные черточки его светлого образа.

Дубна, 1994 г.

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Память часто оживляет страницы, связанные с Николаем Николаевичем. В различных рабочих и житейских ситуациях Николай Николаевич (как и при жизни) непроизвольно подсказывает всплывающими в памяти эпизодами линию поведения. Так мудрый отец не нравоучениями, а личным примером воспитывает своих детей...

Мне посчастливилось начиная с 1960-х гг. тесно общаться с Н. Н., учась на его кафедре в МГУ, работая в Дубне в его лаборатории, а затем выполняя обязанности ученого секретаря ОИЯИ, в то время когда Н. Н. был директором... Знакомство же мое с Николаем Николаевичем восходит к 1957 г., когда наша семья и семья Боголюбовых стали соседями по подмосковному дачному поселку Дарьино АН СССР. Несколько раз мне, тогда московскому школьнику, довелось встречать Н. Н. и моего папу, когда они возвращались из совместных зарубежных научных командировок. Небольшого роста, слегка картавивший, но очень элегантный академик в бабочке (вместо привычного для того времени галстука) и с ароматной сигаретой в мягких руках — таким мне запомнился ученый, которого сегодня с гордостью могу называть своим Учителем.

...Перелистываю страницы памяти.

1970-е гг. Однажды спрашиваю у Н. Н.: «Были ли X и Y Вашими учениками?» На что он совершенно неожиданно отвечает: «Человек не может никого называть своим учеником, даже если был чьим-то наставником многие годы. А вот наоборот можно сказать: этот человек — мой Учитель...»

Н. Н. был требовательным учителем, хотя, принимая экзамены у студентов, думаю, он ни разу никому не поставил неудовлетворительной оценки. Просто «хорошо» (а не «отлично») в его шкале уже означало плохую отметку. Н. Н. очень ценил в учениках (и в людях вообще) «самоходность» и с большим энтузиазмом помогал именно самостоятельным, целеустремленным и трудолюбивым сотрудникам. Он много помогал окружающим людям, а мешать кому бы то ни было вообще не вписывалось в его правила, он предпочитал влиять на происходящие процессы позитивными шагами. Очень не любил, когда кто-либо говорил про другого плохо или излагал негативную платформу. Хмурился и подолгу молчал, а иногда прерывал говорящих вопросом: «А у Вас есть позитивная программа?» Сам он был сугубо Человеком Позитивной Программы. Н. Н. всегда жалел малоимущих, давал возможность подработать студентам и молодым сотрудникам, постоянно старался накормить (или, по крайней мере, напоить чаем) своих гостей... Когда мне приходилось готовить тот или иной научно-популярный материал, неизменно гонорар полностью передавался «помощнику».

«Николай Николаевич не жадный, но деньги считать умеет», — иногда любя говорила его жена Евгения Александровна (Женя, или Булочка, как ее называл Н. Н.). «Просто я не люблю транжирить», — оборонялся Н. Н.

...Опять в беседе с Н. Н. попадаю впросак.

— А кто, Николай Николаевич, по Вашему мнению, сильнее как математик, академик X или академик Y?

— О, Алексей Норайрович, множество академиков — это несчетное множество, их нельзя пронумеровать или упорядочить...

Вообще, для Николая Николаевича было характерно вежливое (на «Вы» и «по имени-отчеству») обращение к любому собеседнику. По пальцам могу сосчитать часы, когда он называл меня Алеша. Это бывало редко, после длительной беседы в расслабляющей обстановке, когда

Н. Н. приходил в теплое состояние душевного равновесия. В те часы он подолгу цитировал любимых русских писателей Булгакова, Мандельштама... «Из легких виноградных вин я лично предпочитаю «Сосняк» (искаженное коньяк. — *А. С.*), он и с кислинкой, и не пьянит...» — не раз цитировал Н. Н. фразу одного дореволюционного писателя-юмориста. «А Вы знаете, разбираться в винах и коньяках я научился у Вашего батюшки, — часто вспоминал в разговорах со мной Н. Н. — Норайр Мартиросович много сделал в биохимии вина... Мы с Мстиславом Всеволодовичем (Келдышем. — *А. С.*) во время поездки любили слушать увлекательные рассказы Вашего папы о свойствах бродильных ферментов, биосинтезе белка и поведении дрожифил в космическом пространстве. Да и дегустации он устраивал отменные».

Свои научные рукописи он ласково называл «рукоделием». Писал Н. Н. четким красивым почерком (как будто сразу набело), излагал математически строго, что называется, с «железной» логикой.

Спрашиваю Н. Н., будучи уверенным в его приверженности к логике (против интуиции!):

— Как Вам удастся так последовательно строго вывести свои формулы, Николай Николаевич?

— Э нет, Алексей Норайрович, я сперва, как правило, вижу ответ, а потом выстраиваю логическую последовательность... — неожиданным ответом сражает меня Учитель.

Вот, оказывается, как велика роль интуитивного даже в творческом методе такого блестящего математика, как Боголюбов!

...Еще по поводу фамильярности и корректности. Он никогда не употреблял нецензурных слов. Самым бранным для него было слово «кабак». В обиходе не было слова «черт», в крайнем случае — «нечистый» или «лукавый». Матерные выражения он называл «средмашевскими» (руководители Минсредмаша частенько употребляли такие слова, как, впрочем, и обращение на «ты» к подчиненным или равным по рангу лицам).

Как-то я спросил Н. Н.:

— А почему он (один из замминистров Средмаша) Вас называет на «ТЬ»? А Вы его на «ВЬ»?

— Я привык людей называть на «ВЬ». В нашей среде даже родителей дети называли на «ВЬ». Это — проблема моего воспитания... А то, что он меня называет на «ТЬ», — это проблема уже его воспитания, — хохотнув, ответил мне Н. Н.

Николай Николаевич воспитывался в патриархальной семье с крепкими христианскими традициями. Мне довелось наблюдать трепетное и трогательное отношение между тремя братьями Боголюбовыми: Николаем, Алексеем и Михаилом (все трое — яркие ученые, высокоинтеллигентные люди!).

— Николенька, дай мне поцеловать твою архиерейскую ручку, — так младший брат поздравлял Н. Н. с днем рождения...

Память переносит меня не только во времени, но и в пространстве...

...1970-е гг. Париж, куда мне, молодому тогда научному сотруднику, доверили сопровождать самого Н. Н. Боголюбова.

Едем на поезде (Н. Н. не любил летать самолетом, хотя и был близок к авиационной технике: нелинейная механика Боголюбова–Крылова лежит в основе конструирования современных летательных аппаратов!). Перед традиционным перекусом в купе — по 70 граммов дефицитного тогда американского виски (любимый напиток Н. Н.!). Вдруг большое огорчение у Н. Н. вызывает отсутствие яблока в снеди, припасенной Евгенией Александровной — его обаятельной женой. К счастью, удастся достать яблоко в вагоне-ресторане... Н. Н. очень любил после глотка виски «прикусить на зуб яблоко» — и это было как суеверие, как ритуал...

В Париже для меня все было в новинку, а у Николая Николаевича и Евгении Александровны было много хороших знакомых и любимых уголков в знаменитом городе. Латинский квартал, Елисейские поля, Нотр-Дам...

— А не пойти ли нам, Алексей Норайрович, на Елисейские поля, чтобы выпить там по кружечке пива «Лёвенброй»? — удивляет меня Н. Н.

— Разве Вы любите пиво, Николай Николаевич? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— Если вам скажут, что Николай Николаевич пьет «Жигулевское» пиво в Доме ученых в Дубне, то плюньте в глаза сказавшему, а «Лёвенброй» в Париже — это совсем другое дело! Также если вы увидите Николая Николаевича на прогулке по Парковой улице в Дубне, то не верьте своим глазам, а если по Крещатику в Киеве — это совсем другое дело, — неожиданно открыл Н. Н. свои жизненные пристрастия...

Только сейчас, по прошествии более чем шестнадцати лет, как с нами нет Николая Николаевича, начинаешь лучше понимать: какое счастье нам, его ученикам, подарила судьба. «Большое видится на расстоянии...»

Удивляешься поразительной энциклопедичности Н. Н. Боголюбова, неиссякаемой творческой силе его научного наследия, христианской мудрости его поступков и взглядов.

Но, наверное, самое редкое везение — это видеть великого человека в простых житейских обстоятельствах, где, несмотря на обыденность, проявляются ум, талант и большое человеческое обаяние.

Мне приходилось прогуливаться с Н. Н. и по Дубне, и по Москве, и по Ялте, плыть на теплоходе по Волге и даже однажды посетить киносеанс («Мужчина и женщина») в дубненском ДК «Мир». Н. Н., как правило неторопливый, уравновешенный, погруженный в свои мысли, умел быть душой компании, незаменимым рассказчиком, привлекательным кавалером...

...1980-е гг. Возвращаемся с Н. Н. и Евгенией Александровной из Финляндии на поезде. Суббота. Выборг, где у поезда меняют колеса, так как железнодорожная колея в России отличается от заграничной. Н. Н. в вагоне мечтательно говорил о возможности поужинать в ресторане пограничного города. Те, кто помнит, как было трудно в те годы вечером в выходные дни попасть

в ресторан, поймут мое состояние. Я понимал, что мне предстоят непростые объяснения с ресторанный администрацией, чтобы реализовать мечту Н. Н.

Однако настойчивость (чтобы протиснуться в очереди) плюс упоминание о депутатских, геройских и лауреатских регалиях Н. Н. (в разговоре с администратором) сделали свое дело. Мы — в ресторане, но свободных столиков не нашлось. А ждать, пока столик освободится, нет времени... Нам предлагают места за большим столом, за которым заводская молодежь отмечает свадьбу. Первая реакция компании, расположившейся за «нашим» столом, сугубо недружелюбная. Но Н. Н. настроился на ужин в ресторане и, несмотря ни на что, устраивается на самом краешке свадебного стола. И, о чудо! Пожалуй, я никогда не видел такого Н. Н.! Он не только успокоился, обретя место, но абсолютно преобразился, источал дружелюбие, обаяние, рассказывал молодежи забавные истории, темпераментно произносил поистине кавказские тосты... Молоденькие девушки уже влюбленными глазами смотрели на убеленного сединой ученого. Когда дело подошло к нашему уходу из ресторана (поезд не ждет!), компания, которая встретила нас без энтузиазма, теперь буквально не хотела отпускать Николая Николаевича. Он неожиданно раскрыл свою необыкновенную способность овладения умами и вниманием людей, далеких от него и по возрасту, и по социальной принадлежности...

Поистине талантливый человек талантлив во всем!

У Николая Николаевича были некоторые привычные восклицания. Например, если на вопрос: «Как дела?» — ты отвечал: «Спасибо, Николай Николаевич, все нормально», то он, как правило, с обаятельной энзовской улыбкой восклицал: «Не надо отчаиваться, никогда не надо отчаиваться...» Это получалось у него весело и необидно, но служило неким предостережением — мол, не надо терять бдительность.

Одно время у него была привычка (но с ней он, видимо, боролся, потому что в последние годы она исчезла)

время от времени в разговоре произносить раскатистое «Что-о-о?», а через короткий промежуток — «Всё-о-о».

Характерно отношение Николая Николаевича к вредным привычкам. Известно, что он любил выкурить сигарету и выпить немного хорошего виски (или коньяка!). Однажды, после воспаления легких, он долго выдерживался от курения. На мой бестактный (увы!) вопрос, бросил ли он курить, раздраженно ответил: «Ничего не бросил, просто не курю, и все...», а потом добавил с легкой улыбкой: «Вредные привычки для нас — это как балласт для путешественника на воздушном шаре. Сбросил — и летишь дальше. А если нет вредных привычек — и бросить нечего...»

Отношение к недостаткам. Николай Николаевич, по-моему, никогда не занимался спортом. Он не раз повторял: «Напрасно говорят, что, дабы иметь железное здоровье, надо заниматься спортом. Я скажу точно наоборот: чтобы заниматься спортом — надо иметь железное здоровье...» И его лицо озаряла чуть саркастическая боголюбовская усмешка.

Последнее, что мне довелось услышать от Н. Н. в декабре 1991 г., когда я (после желтухи!) навестил его в московской квартире и отказался выпить виски (после желтухи долго не мог пить), были слова: «Что ж, Вы и на Пасху не выпьете?» «Увы», — ответил я. «Жуть, жуть, жуть...» — троекратно повторил Николай Николаевич. Это был последний наш разговор. После этого я могу общаться с Учителем лишь мысленно... Иногда в часы такого общения рождаются поэтические строки:

Учитель, таинство твое
Я понял лишь сейчас,
Ты не ушел в небытие,
А растворился в нас...

Москва–Дубна, 2008–2009 гг.

К ПОРТРЕТУ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ВЕРНОВА*

Академик Сергей Николаевич Вернов принадлежит к блестящей плеяде советских физиков-ядерщиков ушедшего столетия. Он был одним из первых, кто перенес фундаментальные ядерные исследования на орбиту искусственных спутников Земли и пилотируемых космических кораблей. Его тяга в космос проявилась задолго до того, как он стал признанным авторитетом в области физики космических лучей, первооткрывателем внешнего радиационного пояса вокруг Земли. Сергей Николаевич проходил подготовку и был утвержден членом экипажа легендарного стратостата «Осоавиахим-1»**, который при выполнении правительственного задания потерпел аварию 30 января 1934 г. Незадолго до этого трагического дня Сергей Николаевич заболел ангиной, и место летчика-исследователя в полете занял его ровесник физик Илья Усыскин. Мировой рекорд высоты (22 км), установленный П. Ф. Федосеенко, А. Б. Васенко и И. Д. Усыскиным, и их гибель при спуске стратостата были одной из героических страниц нашей науки и техники XX в.

По воле судьбы мне посчастливилось близко знать Сергея Николаевича Вернова и его семью. Это позволя-

---

* Академик С. Н. Вернов — ученый Московского университета: Сб. ст. / Под ред. Ю. И. Логачева, М. И. Панасюка, Е. А. Романовского. М.: УНЦ ДО, 2004. С. 116–122.

** Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству — массовая добровольная организация в СССР в 1927–1948 гг.

ет мне поделиться некоторыми воспоминаниями, которые будут лишь скромными штрихами к его портрету.

Дни моего детства проходили в коммунальной квартире (которая именовалась тогда общежитием докторантов) на московской улице Горького, дом 22а, где среди нескольких семей научных работников Академии наук СССР жили и наши семьи — Верновых и Сисакян. Приведу страничку маминых воспоминаний* о нашем чудесном пятом этаже.

«Общежитие аспирантов. Общежитие докторантов. И, наконец, общежитие докторов наук, многие из которых впоследствии стали академиками: Гагик Степанович Давтян, Иван Владимирович Тананаев, Нораир Мартиросович Сисакян, Сергей Николаевич Вернов. На девять семей столько известных ученых! Марк Иосифович Голдин, Сергей Галустович Саркисян, Василий Патрушев, Николай Турбин, Николай Нуждин, Федор Иванович Рукавишников (погиб в Великую Отечественную войну) — все доктора наук, профессора.

Но не только этим был необыкновенен наш милый пятый этаж. 9–10 молодых хозяек — научные сотрудницы (и я уже получила это звание), бабушки, няни, более десятка прелестных малышей и, наконец, «хозяева» — отцы семейств — вот и все народонаселение пятого этажа. Все размещались в одиннадцати комнатах, расположенных по обе стороны длинного коридора, на одной обширной кухне с тремя четырехконфорочными газовыми плитами. На всех два туалета и два умывальника, не всегда с водой днем: напор мал, вода доходила до пятого этажа только ночью. Отсюда частые ночные авралы — запасали воду. Воды надо было очень много: у всех пеленки! Не думайте, что мы часто ссорились, наоборот, помогали друг другу жить. Не дай бог, если кто-нибудь заболел, все начинали суетиться: звонили по единственному телефону, вызывая врача, тащили

---

* *Сисакян В. П.* Малое из большой — недолгой жизни // Академик Нораир Мартиросович Сисакян. На путях к населенному Космосу: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2001. С. 98–99.

больному (больной) термометр, лекарства, диетическую еду, фрукты. Были случаи, когда кто-то не успевал приготовить обед, тогда другие были готовы разделить с ними свою трапезу. Все это было в порядке вещей на нашем милом пятом этаже...

Война разбросала всех — кого куда. Вернувшиеся вместе переживали радость Победы, скорбь за погибших... Первый орден, первый на пятом этаже, получил Норик*. И, неожиданно для нас, наш этаж устраивает торжество — застолье, Норику преподносят подарки, адрес в стихах и пр. Очень трогательно. Подарки дарили и вновь появившемуся малютке — новому жителю нашего этажа. Каждый Новый год встречали семьями в своих комнатах, а уже после двенадцати было трудно разобрать, кто где: всеобщее веселье, да какое! Не утихло всю новогоднюю ночь!

Доктора постепенно начинали получать квартиры, и это послужило началом «распада» необыкновенного, восхитительного общества. До сих пор раздумываю, в чем причина слаженности нашего тяжелого быта, чуткого отношения друг к другу? Что служило истоком и что способствовало интенсивному творчеству и успехам молодых ученых с пятого этажа? Ответить пока не могу, необходимо подумать...

Бессонная ночь объяснила все просто. Наука объединяла и роднила всех, на обывательские дразги не оставалось ни времени, ни желания, ни сил. Учитывать следует и то, что все мы были молоды, полны надежд, в нас жил добрый дух студенчества. На пятом этаже родился наш сын Алеша...»

И наша мама, и Мария Сергеевна Вернова (Меркулова) были научными работниками. Мама — агрохимик, а Мария Сергеевна была видным радиохимиком, доцентом, ученицей и сотрудницей знаменитого академика В. Г. Хлопина. В семье Верновых — двое детей: Юра — ровесник моего старшего брата Ивы (Иосифа) и Леноч-

---

* Так близкие звали Норайра Мартиросовича Сисакяна.

ка — моя ровесница. В нашей семье — еще сестра Людмила.

Поскольку и Мария Сергеевна, и Сергей Николаевич были очень занятыми людьми, дом Верновых держался в те годы на плечах тетушки Сергея Николаевича Евдокии Степановны Верновой — сестры его отца Николая Степановича (старого петербургского интеллигента). Она была очень милая и благородная женщина (как, впрочем, и все Верновы). В свое время она училась в Институте благородных девиц. Своей семьи у нее никогда не было, и она всецело отдавала себя благополучию семьи племянника. Они были большими друзьями с моей бабушкой Февроньей (Фаиной) Яковлевной, и я помню, что был очень привязан к Евдокии Степановне. Называли мы ее тетя Дуся. Именно она в октябре 1944 г. отвезла мою маму в роддом, где вскоре я появился на свет. Уже после того, как на рубеже 1940–1950-х гг. семьи, заселявшие пятый этаж, разъехались (мы — на Большую Калужскую улицу, дом 13, Верновы — в корпус «Л» нового здания МГУ на Ленинских горах), Евдокия Степановна и моя бабушка поехали с детьми на дачу в Долгопрудное, тайно покрестили меня в тамошней церкви. По крайней мере, так свидетельствовала впоследствии моя бабушка. Она не была слишком религиозной, в отличие от Евдокии Степановны, которая верила и была хранительницей православных традиций. Это делалось, конечно, в очень большой тайне, в том числе от родителей. Такие были времена. Строго говоря, в Долгопрудном у Верновых была не дача, а служебная квартира, так как Сергей Николаевич был профессором Физтеха.

Он был, без преувеличения, любимцем пятого этажа. Может быть, в силу его чисто профессорской рассеянности, какой-то неприспособленности к решению бытовых задач о нем все старались заботиться, и он отвечал неизменным доброжелательством и обаятельной, почти детской улыбкой.

Они с нашим папой очень хорошо, по-дружески относились друг к другу. Это проявлялось и дома, и в рабо-

чей обстановке. Контакты не прерывались и после разъезда по разным квартирам. Несмотря на различие специальностей и характеров, они были духовно родственнее друг другу, чем многие близкие сослуживцы или родственники. Папа всегда с интересом расспрашивал Сергея Николаевича о новых достижениях физиков. Сказывалось, наверное, то, что в юности папа хотел поступить на физико-математический факультет, но как выходцу из сельской местности ему дали путевку комсомола на агрохимический (селу были нужны агрономы!). Видимо, поэтому папа стремился, чтобы сыновья стали физиками. И эта мечта его сбылась.

Надо сказать, что в судьбе Ивочки большую роль сыграл именно Сергей Николаевич. Он посоветовал им с Юрой после окончания физфака МГУ поступать в аспирантуру ФИАНа. Ивочкиным шефом стал близкий знакомый Сергея Николаевича — Евгений Львович Фейнберг — человек широко эрудированный и благородный, известный ученый в области теоретической физики. Через Сергея Николаевича наша семья познакомилась и с другими интересными физиками: Александром Игнатьевичем Лебединским, Николаем Алексеевичем Добротиним, Дмитрием Владимировичем Скобельцыным, а позднее с Игорем Борисовичем Тепловым и другими замечательными учеными и яркими людьми.

Во время работы в Дубне муж моей сестры Юлиан Арамович Будагов и я постоянно чувствовали дружескую поддержку Сергея Николаевича. С благодарностью мы вспоминаем и его помощь и доброе участие в судьбе Милы Будаговой (дочери Людмилы Норайровны и Юлиана Арамовича)...

Уже в начале 1950-х гг. Сергей Николаевич и папа были вовлечены в разработку программы исследований на искусственных спутниках Земли и пилотируемых космических кораблях: Сергей Николаевич в части исследований радиационной обстановки и космических лучей, а папа — в части медико-биологических проблем. В конце 1950-х — начале 1960-х они неоднократно

совместно участвовали в пресс-конференциях, посвященных полетам в космос, а также в других совещаниях в Академии наук, где подводились итоги очередного космического этапа. Помню, они несколько раз после таких собраний появлялись у нас дома, подолгу беседовали и вспоминали о жизни на пятом этаже. Мама всегда хлопотала у плиты и расспрашивала о житье-бытье.

К этому времени уже не было тети Дуси, Мария Сергеевна тяжело болела, а вскоре не стало и ее... Лена вышла замуж и жила в Ленинграде. Мама вспоминала, как в детстве мы озорничали с Леной, которую все звали Леля. Мама, увлекавшаяся стихотворчеством, даже написала целую поэму о Леле и Леше, которые заблудились в лесу. Было ли это на самом деле — я, честно говоря, не помню... Но факт, что в детстве мы были большими друзьями.

Про Юру мы знали гораздо больше, так как он работал вместе с Ивой (а позже в близкой области начал трудиться и я). Юра стал известным физиком-теоретиком, женился на Мелите Николаевне Мнацакановой (она тоже физик-теоретик!). А недавно и их сын Сергей тоже стал физиком. Очень приятно среди участников представительных научных конференций видеть Сергея Вернова... Традиции продолжаютя!

Когда я вспоминаю о Сергее Николаевиче, передо мной встают как бы два образа. Один — немного рассеянный моложавый и веселый профессор с «пятого этажа», а другой — Сергей Николаевич 1970–1980-х гг. с пышными седыми усами, собранный и значительный, признанный руководитель ядерно-физического направления в нашей стране. Это, безусловно, свойство памяти — фиксировать какие-то наиболее запоминающиеся черты образа. Сам Сергей Николаевич всю свою жизнь оставался очень добрым и доступным человеком, бесконечно преданным науке.

В 1970–1980-е гг. мне посчастливилось сотрудничать с Сергеем Николаевичем и его коллегами при организации ряда научных мероприятий, в том числе школ мо-

лодых физиков. Довольно часто мы с ним встречались на научных конференциях или когда он приезжал в Дубну по делам филиала НИИЯФ МГУ, одним из создателей которого он был. Его связывали близкие товарищеские отношения с Дмитрием Ивановичем Блохинцевым и Николаем Николаевичем Боголюбовым — первыми директорами Объединенного института ядерных исследований в Дубне, Венедиктом Петровичем Желеповым — одним из основателей научной Дубны. Николай Николаевич всегда отмечал большую деликатность и интеллигентность Сергея Николаевича, он сильно печалился, узнав об уходе из жизни Сергея Николаевича, которого знал не только по науке, но и как соседа по подъезду в корпусе «Л» МГУ, где были их квартиры.

Сергей Николаевич, безусловно, был мягким человеком, но эта мягкость не распространялась на науку и деловые отношения. Я несколько раз был свидетелем его довольно резкого поведения при обсуждении научных вопросов.

Вернов с интересом отнесся к моим работам, которые вошли в докторскую диссертацию, посвященную процессам множественного рождения частиц при высоких энергиях. Он блестяще знал эту тематику, так как был одним из первопроходцев в области физики космических лучей. Именно он посоветовал мне перед тем, как представлять диссертацию к защите, добавить исследования по эффекту лидирующей частицы в рамках развиваемой мной модели, так как это, по его мнению, значительно усилило бы работу в целом. Я был достаточно молодым, впечатлительным в то время и, видимо, загрустил, услышав замечания Сергея Николаевича, расценивая, что учет этого замечания может привести к задержке с защитой. Он это понял и, улыбнувшись, сказал: «Знаешь, Алеша, мне очень дорога твоя судьба в науке, поэтому я бы хотел, чтобы твоя диссертация была не просто хорошей, а очень хорошей... Ведь мы были друзьями с твоим папой...»

К тому времени папы уже не было более десяти лет. А эти слова Сергея Николаевича (как и его светлый образ) я буду помнить всю жизнь...

Через полтора года я защитил диссертацию, перед этим, конечно, учтя замечания Сергея Николаевича. (В папочке с наиболее дорогими мне документами и письмами хранится отзыв Сергея Николаевича на мою докторскую.) Через несколько дней после защиты мы встретились в его московской квартире. Он поздравлял меня, был очень веселым и сказал: «Знаешь, что я теперь Гертруда?» Ему в тот год вручили звезду Героя Социалистического Труда. Тамара Васильевна, которая опекала его последние годы, наливала нам чаю с вареньем. Сергей Николаевич много вспоминал о прошедшем. С грустью говорил об ушедших Александре Игнатьевиче Лебединском и о папе. «А ты знаешь, что твой папа давал мне рекомендацию в партию, а тогда это было не так просто...» — вдруг сказал Сергей Николаевич. Через полтора года его не стало. Навещая на Новодевичьем моих родителей и брата, я всегда захожу на могилу Сергея Николаевича и Марии Сергеевны...

Мои друзья и коллеги (и среди них, в первую очередь, В. Г. Кадышевский, В. А. Матвеев, В. И. Саврин, А. Н. Тавхелидзе) часто и с любовью, особенно в последние тяжелые для науки годы, вспоминают Сергея Николаевича, его роль в становлении нашей науки. Его научный стиль и идеи с годами видятся все более значительными.

Дубна хранит память об ученом, определившем развитие одного из важнейших научных направлений, разрабатываемых в Объединенном институте ядерных исследований. В новом районе Дубны проспект Боголюбова пересекается с улицей Вернова. Люблю проезжать этот перекресток: будто бы два великих ученых, близких мне человека, только что разошлись по сторонам, оставив нам эти улицы, этот город и нашу науку, которой они верно служили...

Февраль 2003 г.

И. М. ФРАНК*

Он говорил тихим, словно извиняющимся голосом — как будто боялся обидеть собеседника. Но все фразы его были продуманные и законченные, сложно-сочиненные. В разговоре с ним я часто ловил себя на мысли, что так, наверное, вели беседу интеллигенты ушедшего века. И во внешности его, неспешной походке было что-то от предыдущих времен, неторопливых и спокойных, не шумных...

Таким память сохранила образ одного из ярчайших физиков нашего бурного столетия — Ильи Михайловича Франка. Его облик, казалось, не отвечал деяниям своего обладателя: одного из создателей (совместно с Таммом) теории излучения Вавилова–Черенкова, сделавшего революцию в современной физике элементарных частиц; человека, которому вместе с Д. И. Блохинцевым принадлежит идея (и ее реализация!) создания новейших исследовательских реакторов на быстрых нейтронах, признанного классика науки, заложившего основы физики нейтронов. И трудно поверить, что эти дерзновенные идеи и деяния принадлежали человеку, который был так тих, будто бы прост и небросок... А может быть, тут и нет противоречия — просто в Илье Михайловиче сфокусировались и отразились черты его предшественников, предков... Семья Франк была носителем традиций российской интеллигенции, это относилось и к родителям, и к дяде (известному философу), и к брату Франка.

---

* Илья Михайлович Франк: К 90-летию со дня рождения / Под общ. ред. В. Л. Аксенова. Дубна, 1998. С. 170–173.

Впервые увидеть Илью Михайловича мне довелось в 1950-е гг., когда я был еще любознательным школьником. Это произошло в подмосковном Ново-Дарьино, где в поселке Академии наук были дачи и Франков, и нашей семьи. Мой отец в тот период плотно сотрудничал с братом Ильи Михайловича — Глебом Михайловичем (известным биофизиком) по вопросам создания Пушкинского биологического научного центра. Во время одной из наших частых прогулок с папой по «бетонке» молодого тогда поселка и произошла первая для меня встреча с братьями Франк, которые остановились, чтобы договориться с Норайром Мартиросовичем о встрече в президиуме АН.

Мог ли я знать, что через несколько лет мне доведется попасть в Дубну и работать в непосредственной близости от Ильи Михайловича Франка? Позже я часто ловил себя на мысли, что в последующие годы Илья Михайлович почти совсем не менялся: и облик, и движения, и манера говорить остались, по крайней мере в моем восприятии, как в тот летний день далекого 1958 г.

В период с 1968 по 1990 г., летом которого Илья Михайлович ушел из жизни, мне посчастливилось много общаться с этим исключительно глубоким, интеллигентным человеком, большим ученым. В 1960–1970-е гг. он часто бывал на семинарах и дискуссиях в Лаборатории теоретической физики — по-видимому, сказывался их общий с Дмитрием Ивановичем Блохинцевым интерес к реакторам на быстрых нейтронах и к ряду перспективных направлений в физике конденсированного состояния вещества.

Меня всегда поражала глубокая интуиция, присущая Илье Михайловичу. Причем его интуиция распространялась не только на науку, но и на житейские ситуации.

Горько вспоминать, но однажды я не прислушался к совету Ильи Михайловича и способствовал приему на ответственный участок работы в Управлении ОИЯИ человека, которого Илья Михайлович характеризовал как

«неинтеллигентного»... Будущее подтвердило правоту И. М. Франка.

С другой стороны, мне приятно вспоминать, что и я в свое время удачно порекомендовал Илье Михайловичу молодого талантливому теоретика из Лаборатории теоретической физики на руководящую работу в Лабораторию нейтронной физики. Он не сразу согласился с моими доводами, но через некоторое время, уже поближе познакомившись с этим молодым человеком, признался, что очень доволен его работой и высоко ценит его и как ученого, и как человека. Имя этого ученого сегодня известно в научном мире — это Виктор Лазаревич Аксёнов...

С болью вглядывался Илья Михайлович в последние годы своей жизни в намечавшийся развал российской науки. Его последняя статья, проникнутая заботой о сохранении науки, воспитании молодых научных кадров, была опубликована в газете «Дубна» незадолго до его кончины. Перечитывая эту статью сегодня, можно только удивляться, как много Илья Михайлович предвидел из того, что произошло с нами в 1990-е гг., а в конце 1980-х нельзя было и предположить.

По своим взглядам Илья Михайлович не был «розовым» оптимистом, хотя элемент романтизма, мне кажется, ему был присущ, как и многим представителям этой замечательной плеяды ученых, определивших научно-техническое лицо XX в. В последние годы он часто говорил на философские и религиозные темы. Мне кажется, что это были не только естественные размышления пожилого человека, но и результат многолетнего внутреннего процесса, происходившего в сознании и душе. В его философской позиции было много от толстовского «непротивления злу насилием». Я в этом имел возможность убедиться в горькие для моей семьи дни гибели моей дочери Ани.

Один из наших последних разговоров был в коттедже Ильи Михайловича (а мы жили по соседству) в присутствии отца Александра — настоятеля дубненской

церкви Похвалы Пресвятой Богородицы. Илья Михайлович от философских размышлений перешел к судьбе нашего Института: «Очень трудно будет...» Какими пророческими оказались его слова! После этого разговора, который был весной 1990 г., я лишь раз видел Илью Михайловича в больнице Академии наук. В тот год я часто приходил туда навещать мою маму. Она очень уважала Илью Михайловича и сильно горевала, узнав о его кончине... А через несколько недель и ее не стало.

Отпевали Илью Михайловича в храме неподалеку от дома, где он жил, на улице Петровского в Москве. Был жаркий день. После гражданской панихиды в ФИАНе, где столько лет трудился Илья Михайлович, на Немецком кладбище закончился земной путь одного из замечательных ученых нашего времени...

Дубна, 1998 г.

УЧЕНЫЙ-ЛЕГЕНДА*

В яркой плеяде ученых из поколения наших научных предшественников у Георгия Николаевича Флёрова — особое место. И не только потому, что хрестоматийной еще при его жизни стала история письма с фронта лейтенанта Флёрова самому Сталину с соображениями о необходимости развернуть работы по «урановой проблеме», по созданию атомного щита Родины. Письма уникального и по историческому предвидению молодого ученого, и по смелости изложения государственной задачи в послании, обращенном к вождю народов. Чего стоит начало письма: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Вот уже 10 месяцев прошло с начала войны, и все это время я чувствую себя в положении человека, пыгающегося головой прошибить каменную стену... Вообще говоря, сейчас не время устраивать подобные научные турниры, но я лично вижу в этом единственный способ доказать свою правоту — право заниматься ураном, так как иные способы — личные переговоры с А. Ф. Иоффе, письмо т. Кафтанову** — все это не приводит к цели, а просто замалчивается. На письмо и 5 телеграмм тов. Кафтанову ответа я не получил. При обсуждении плана Академии наук говорилось, вероятно, о чем угодно, но только не об уране».

---

* Георгий Флёров. Ученый. Творец. Первопроходец (К 95-летию со дня рождения) / Под общ. ред. Ю. Ц. Оганесяна, С. Н. Дмитриева; ред.-сост. Е. М. Молчанов. М.: Этерна, 2008. С. 7–12.

** Кафтанов Сергей Васильевич — в годы войны член Государственного Комитета Обороны СССР, курировавший АН СССР.

Конечно, несмотря на молодость, Георгий Николаевич уже тогда имел имя в науке. Он был известен как автор открытия совместно с Петржаком явления спонтанного деления атомных ядер. Но смелость и редкое чутье, которое можно назвать научным предвидением, чутье, в каком-то смысле определившее саму логику развития науки в СССР начиная с 40-х гг. XX в., — именно эти черты, на мой взгляд, выделяли Г. Н. (так его с любовью называли сотрудники) среди коллег, в числе которых были, безусловно, выдающиеся ученые.

Боголюбов, Блохинцев, Франк, Флёрв, Понтекорво, Шапиро, Марков, Мещеряков, Желепов, Векслер, Балдин, Говорун, Чувило, Саранцев...

Этот неполный перечень имен только российских ученых-гигантов, на плечах которых стоит сегодня научная Дубна — мировая столица физики атомного ядра и элементарных частиц.

Они были такие непохожие друг на друга — люди, создавшие отечественную и мировую ядерную науку...

Нередко по утрам (около 6 часов!) меня будил телефонный звонок. Я слышал характерный голос (немного в нос): «Здравствуйте, это Георгий Николаевич, я Вас не разбудил?.. У меня тут есть одна идея...»

Сам Георгий Николаевич очень рано вставал по утрам и сразу погружался в работу. У него даже и мысли не было, что в 6 утра еще можно спать, а вопрос («я Вас не разбудил?») задавался не всегда и был проявлением скорее «протокольной» вежливости. Кстати, такая же привычка — звонить рано утром — была и у Венедикта Петровича Желепова. Несмотря на его предельную тактичность, Венедикт Петрович также погружался утром в работу и не мог предположить, что рабочий день наступил еще не у всех...

Г. Н. вообще была присуща определенная эксцентричность, что хорошо видно по его цитатам, развешенным в коридорах Лаборатории ядерных реакций (ЛЯР), которая сегодня носит имя Г. Н. Флёрва. Высказывания о «птичьем языке теоретиков», об отношении к

эксперименту: «ноль можно получить и на выключенной аппаратуре» и т. д. — это не только яркие афоризмы. Это и жизненная позиция автора, говорящая о том, что лишь эксперимент является критерием истины (!).

Г. Н. всегда исходил из того, что окончательный ответ на любой вопрос может дать лишь эксперимент... Он часто говаривал: «Когда есть предсказание, что бы ни говорили теоретики — эксперимент нужен!»

Несмотря на то, что сам я — теоретик, мне не кажется эта позиция Г. Н. обидной. Напротив, она, на мой взгляд, является верной платформой для любого естествоиспытателя, не отрицающего теоретического или философского подхода к изучаемому предмету. Но все же лишь «эксперимент — критерий истины»!

Коллеги Г. Н., особенно сотрудники ЛЯР, знают, что он был очень требовательным (иногда жестким) руководителем, у него был непростой характер и в то же время он чутко относился к житейским проблемам своих коллег и сотрудников, старался им помочь.

Я никогда не забуду действенную поддержку, которую оказал Георгий Николаевич моей семье в дни, когда была зверски убита моя дочь Анюта. Он очень чутко отнесся к нашему горю и приложил немало сил, чтобы преступник не ушел от наказания — обращался в генпрокуратуру, помогал в поисках адвоката, подключал свои связи в мире культуры...

Георгий Николаевич, несмотря на свою, безусловно, патриотическую позицию по главным вопросам, водил тесные знакомства среди свободолюбивой творческой интеллигенции, близкой к диссидентам советского периода.

Благодаря знакомствам Г. Н. с Ю. Любимовым, В. Высоцким, артистами и режиссерами «Современника» и театра на Таганке состоялись их выступления в ДУ и ДК, которые стали знаковыми явлениями в жизни всего Объединенного института ядерных исследований, всей Дубны. Их выступления с довольно смелыми по

тем временам спектаклями и концертами закрепили за Дубной славой «вольного города».

Г. Н. был свобододолюбивым человеком эпохи тоталитаризма. Отсюда «шла» его эксцентричность, переходящая иногда в эпатаж.

Его беседы с отцом Наумом (настоятелем болгарской церкви в Москве), который приехал в Дубну в День освобождения Болгарии от османского ига, начались с бурного выяснения отношений религиозного деятеля и естествоиспытателя. А закончились дружбой, дружбой умных и обаятельных людей, но стоящих на разных философских позициях...

Сам Георгий Николаевич очень радовался, что в Дубне всегда была более свободная атмосфера, чем в других научных городах. Вспоминая с теплотой свою работу и в Курчатовском институте, и в Сарове, он не раз подчеркивал, что всей душой полюбил Дубну «за открытый интернациональный характер этого городка».

Побывав в последние годы неоднократно в Сарове, я мог убедиться, что память о Флёрове и его безусловном вкладе в оборонный атомный проект бережно хранится коллегами из ВНИИЭФ (Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики). Недавно на корпусе, где он работал, появилась мемориальная доска в память о Флёрове...

Вспоминаю несколько дружеских бесед Флёрова с Боголюбовым, свидетелем которых мне посчастливилось быть. Они («за рюмкой чая») вспоминали минувшие дни, особенно общие киевские адреса и общих украинских друзей... Хотя их отношения нельзя было назвать простыми, могу с уверенностью сказать, что они, будучи очень разными по характеру и темпераменту людьми, относились друг к другу с большим уважением...

Несколько раз я бывал у Г. Н. дома в Дубне. Удивляла спартанская обстановка его коттеджа: очень простая мебель, груды книг и журналов, стопки рукописей. Г. Н. с палкой ковыляет, не теряя уверенности в походке (что

присуще людям сильным и решительным) по приусадебному участку и внушает мне, тогда уже вице-директору Института, то, как важно поддерживать прикладные исследования, в особенности тематику ядерных фильтров.

Разговор иногда шел о перспективах развития ОИЯИ. Г. Н. высказывал разумные (иногда спорные), но всегда смелые идеи о реформировании науки и Института, давал советы по кадровым вопросам. Разговоры с ним всегда были интересными и, как правило, неожиданными...

Линия Г. Н. на поддержку прикладной тематики оказалась пророческой, она явилась как бы пролегоменом эпохи инновационного пути развития, на который повернула Дубна (да и наука в целом) в последние годы уже нового столетия.

А Г. Н. говорил об этом еще в 1970–1980-е гг., когда очень немногие воспринимали эти призывы как предвидение того «вызова», которое общество выдвинет перед фундаментальной наукой в скором будущем.

«Ядерные фильтры обернутся для Дубны золотым дождем, который позволит нам развивать и фундаментальную науку», — эти слова Г. Н., сказанные четверть века назад, актуально звучат сегодня, и жаль, что вчера научное сообщество еще не было готово адекватно воспринять это предвидение. Справедливости ради отмечу, что опережающие время высказывания и действия в пользу, как сегодня говорят, «экономики знаний», принадлежали и П. А. Капице, и Г. И. Будкеру, и М. А. Лаврентьеву, и ряду других крупных отечественных ученых... Да и сегодня можно сказать, что скорее политики (а не ученые) были тогда не готовы к инновационному пути развития отечественной экономики...

Конечно, не следует упрощать вопрос о взаимодействии фундаментальных и прикладных наук. Одно без другого вряд ли может развиваться! Но для меня одно очевидно: именно переданная Г. Н. как эстафета поколений своим последователям (и, в первую очередь,

Ю. Ц. Оганесяну, М. Г. Иткису, С. Н. Дмитриеву...) эта истина предопределила устойчивое развитие (модное сегодня словосочетание!) ЛЯР и всего направления физики тяжелых ионов в Дубне. Сочетание успехов в фундаментальной физике и прикладных направлениях (фильтры, ускорители для прикладных задач...) — сегодня не только характерная особенность ЛЯР, но и пример для развития других направлений в нашем Институте.

Г. Н. был многогранен. Не многие знают, что он был основателем Института нейтронного каротажа (ВНИИГеосистем), многолетним директором которого был Олег Леонидович Кузнецов — ректор университета «Дубна», президент РАЕН. В приходе Кузнецова и его команды в Дубну есть и влияние личности Г. Н. Флёрова. А о тех исторических задачах, которые он ставил, особенно на первом этапе развития ВНИИГеосистем, мне приходилось не раз слышать от Олега Леонидовича и его коллег.

Я живу на улице Флёрова, ежедневно прохожу мимо дома, где он жил, мимо замечательного памятника Г. Н. (изваянного скульптором М. Сагателяном), недавно имя Флёрова было присвоено одному из лучших лицеев города... Но без преувеличения могу сказать, что влияние его мы все испытываем, не только сталкиваясь с мемориалами в его честь, но и в нашей каждодневной работе.

Идеи Флёрова в области ядерной физики, его подход к научной истине, смелость и прозорливость — это замечательное научное наследие и ценность, которая живет с нами и после ухода Георгия Николаевича...

Дубна–Алушта, август 2006 г.

КРАСИВОЕ ИМЯ — УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК*

Когда, еще будучи школьником, я услышал имя этого человека — Бруно Понтекорво! — оно поразило своей необычной звучностью, каким-то страстным порывом... Такое имя могло принадлежать только темпераментному, отважному и талантливому человеку.

Ореол таинственности и легенды окружал это имя... О Бруно Максимовиче очень мало писали, и мало о нем знали школьники и студенты моего поколения.

Знали только, что работает в Дубне «секретный профессор», ученик великого Э. Ферми, который по идейным мотивам решил переехать со всей семьей в Советский Союз. Немного позже он удостоивается самых престижных премий за исследования в области физики нейтрино, становится членом Академии наук СССР, еще позже начинают появляться статьи о нем и интервью с ним.

В студенческие годы мне посчастливилось впервые столкнуться и познакомиться с Бруно Максимовичем Понтекорво в достаточно необычной обстановке...

Это было в апреле 1966 г. в крымском санатории «Парус», где проходила школа по физике элементарных частиц. Первая для моих друзей Вити Саврина, Миши Савельева (ныне известные физики-теоретики) и для меня «взрослая» научная школа. Мы были дипломниками, и участвовать в такой престижной школе для нас

---

* *Понтекорво Б.* Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Воспоминания / Под общ. ред. С. М. Биленького. М., 1997. С. 241–243.

было и большим счастьем, и довольно трудной работой.

В первый же выходной день на школе мы с ребятами отправились на море купаться, но вода была очень холодная (12–14 °С), и купание заключалось лишь в том, что мы стремительно вбегали и выбегали из воды, а потом сидели на камушках и смотрели на море.

Вдруг из моря из-за скалы появились две фигуры с аквалангами, с подводными ружьями и в ластах. Это произошло как раз в тот момент, когда Витя Саврин у самого берега поймал буквально за хвост большую рыбину, которую волной ударило о камень.

И вот мы стоим и разглядываем рыбину, а из моря появляются два «подводных» охотника без какой-либо добычи.

«Очень большую рыбу вы поймали...» — сказал с сильным акцентом один из аквалангистов. И это был Бруно Максимович, которого мы сразу узнали, так как он читал лекции дубненской группе студентов и время от времени появлялся на физфаке в Москве. Вторым аквалангистом был Алексей Алексеевич Тяпкин.

Бруно Максимович не знал, что рыба была схвачена только потому, что волна ударила ее о камень, и очень поэтому удивлялся, как нам удалось руками у берега поймать такую рыбину. Мы старательно подыгрывали этому заблуждению, но, будучи разоблаченными, пригласили Бруно Максимовича отведать ухи из этой рыбы и неожиданно получили согласие.

Готовить рыбу пришлось мне, так как Миша и Витя обладали меньшим опытом в кулинарии. Рыба была такая большая, что удалось сразу приготовить и уху, и жаркое. Миша был размещен оргкомитетом на квартире, поскольку санаторных номеров на всех многочисленных участников не хватило, и это обстоятельство помогло проще справиться с поставленной задачей, так как в нашем распоряжении была неплохая кухня.

Помню сейчас, что Бруно Максимович пришел совсем ненадолго, но был очень прост, демократичен и

много шутил и смеялся. А для нас это было почти фантастическое событие — ужинать со знаменитым Бруно Понтекорво. Это первое яркое воспоминание, которое хранит память.

А потом были многие и многие годы знакомства с Бруно Максимовичем и его замечательной семьей.

В Дубне семья Понтекорво жила в коттедже по соседству с семьей Николая Николаевича Боголюбова, крупнейшего ученого и замечательного человека. Он был моим учителем, и мне часто приходилось бывать у него дома. Понтекорво и Боголюбов всегда относились друг к другу с большим уважением и теплотой.

Сыновья Понтекорво — Джиль, Тито, Антонио — как будто бы каждый по-своему унаследовали ум и красоту своего великого отца.

Увлеченность Тито коневодством, его безусловный и редкий талант организатора стали целым явлением в жизни нашего города. Джиль сочетает в себе талант ученого-физика с прекрасным, профессиональным владением иностранными языками. Антонио живет в основном в Москве, но всегда радуют отзывы его друзей о нем как о добром и способном человеке.

В дубненской жизни к образу Бруно Максимовича добавлялись новые, порой анекдотические черточки. Анекдоты рассказывают, как правило, про тех, кого любят... «По Дубне ходят шлюхи...» — иногда начинал с улыбкой свой рассказ Понтекорво. И можно было только догадываться, что имелось в виду: наверное, просто с акцентом сказал слово «слухи».

Бруно Максимович был всегда очень темпераментен на семинарах, конференциях, любых обсуждениях научных проблем.

К людям, достойным самой жесткой критики, он, как правило, применял термин «он не гений». О, это очень много значило в его устах! Это выражение до сих пор живет и используется в Дубне.

Сегодня о той роли, которую сыграл Б. М. Понтекорво в науке, особенно в физике нейтрино, широко извест-

тно и много написано. Думаю, что нам никогда не удастся до конца проникнуть в тайну его переезда в Советский Союз. Появляющиеся в последнее время воспоминания об этом периоде противоречивы и по понятным причинам субъективны. Его звучное научное имя принадлежит сегодня и Италии, и России... и всей мировой науке.

Бруно Максимович, безусловно, был красивой и талантливой личностью, которая влияла на всех окружающих людей.

Помню, как в 1960-е гг. (когда Бруно Максимович не мог ездить на родину, в Италию) во время Московского кинофестиваля он впервые за долгие годы встретился со своим братом — известным кинорежиссером. При огромном стечении народа Бруно Максимович, очень бурно жестикулируя, буквально поднял весь зал — приветствовать овацией историческую встречу двух выдающихся братьев.

Он очень радовался, что в последние годы имел возможность часто посещать сестру, братьев, общаться и работать с итальянскими коллегами, давать интервью итальянским журналистам. Но какая горечь и боль звучали в его голосе, когда однажды он позвонил мне в Дубну из Рима, чтобы опровергнуть информацию одного из журналистов, что академик Б. М. Понтекорво навсегда покинул «вторую родину»... «Я напишу опровержение», — сказал он, но опровержение внесла сама жизнь.

Довольно скоро после этого он вернулся в Дубну и внезапно умер, сразу после того, как отпраздновал свой 80-летний юбилей в стенах родного ему Объединенного института, в Лаборатории ядерных проблем. Все восприняли его уход как неожиданное и несправедливое событие, несмотря на болезнь, которая его преследовала последние годы. Ведь он умел оставаться оптимистом, веселиться с друзьями на вечеринках, «без рук» ездить на велосипеде, рассказывать смешные истории («Много ли "ноль" для охоты на африканских тигров? Для афри-

канских тигров — достаточно...»), оставаться принципиальным и требовательным в науке (хотя уже наступили не самые светлые годы в российской науке).

За два дня до ухода его из жизни он пришел на Научно-технический совет ОИЯИ, несмотря на плохое самочувствие, отказался от машины, чтобы его отвезли домой. Задержался на несколько минут в зале, а на мой вопрос: «Как себя чувствуете, Бруно Максимович?» — ответил: «Все нормально. Не беспокойтесь. Идите, ведь в институте так много дел...» И как-то грустно улыбнулся.

Вся Дубна просталась с Бруно Максимовичем. И не только научная Дубна, но и две его большие родины, Италия и Россия, склонили головы в память об удивительно ярком человеке с таким звучным красивым именем.

Москва, 1997 г.

АРТИСТИЧНЫЙ М. Г.*

Впервые познакомиться с Михаилом Григорьевичем Мещеряковым мне довелось в середине 1960-х гг., когда я еще был студентом физического факультета МГУ.

Мы с моим другом, тоже студентом-физиком Мишей Савельевым (недавно он внезапно ушел из жизни, будучи уже известным физиком-теоретиком), познакомились с симпатичной девушкой Олей Мещеряковой, которая училась с нами на одном факультете, но была на два курса моложе. Миша ухаживал за Олей, мы вместе бывали в одной компании, и как-то она познакомила нас со своим папой — Михаилом Григорьевичем, который был известным ученым-ядерщиком, одним из создателей международной Дубны. Для нас, молодых студентов-физиков, в то время было почти фантастикой познакомиться с одним из творцов первого крупного ускорителя страны и города науки, который тогда был, может быть, более известен среди населения, чем сейчас: фильм «Девять дней одного года», стихи Вознесенского, Слуцкого, проза Галины Николаевой, Даниила Гранина, Михаила Колесникова воспевали физиков-ядерщиков и города науки, хотя такого понятия, как «наукоград», тогда еще не было.

Вспоминая те далекие дни, я всегда думаю, что нам (нашему поколению молодых тогда ученых) фантастически повезло. Романтический ореол вокруг физики воодушевлял нас и в годы студенчества, и в первые годы

---

* Михаил Григорьевич Мещеряков: К 90-летию со дня рождения / Под общ. ред. Р. Г. Позе, Е. М. Молчанова. Дубна, 2000. С. 210–213.

работы в науке. Этот ореол сохранился в наших душах и по сей день.

А с какими замечательными учеными нам посчастливилось общаться в те годы! В. С. Фурсов, И. Г. Петровский, Р. В. Хохлов, И. Е. Тамм, М. А. Леонтович, Н. Н. Боголюбов, В. Г. Зубов, Д. Д. Иваненко, А. А. Власов, И. К. Кикоин и многие-многие другие — во время учебы в МГУ. Многим из тех, кто попал в Дубну, посчастливилось работать с Н. Н. Боголюбовым, Д. И. Блохинцевым, И. М. Франком, Г. Н. Флёрвым, Б. М. Понтекорво, В. П. Желеповым, В. И. Векслером, М. А. Марковым, А. М. Балдиным, Н. Н. Говоруном, Ф. Л. Шапиро, В. Г. Соловьёвым, а позже с ныне здравствующими Д. В. Ширковым, А. А. Логуновым, А. Н. Тавхелидзе, В. А. Матвеевым, В. Г. Кадышевским, Ю. Ц. Оганесяном...

В плеяде выдающихся ученых Дубны Михаил Григорьевич Мещеряков занимал достойное место не только как крупный физик, но и как человек яркого организаторского таланта, который особенно проявился при создании научной Дубны.

Косвенно мне пришлось узнать о М. Г. (так его часто называли коллеги) даже раньше, чем в студенческие годы. Отец мой, Норайр Мартиросович, будучи в 1950–1960-е гг. заместителем главного ученого секретаря, академиком-секретарем Отделения биологических наук и главным ученым секретарем АН СССР, сотрудничал с М. Г. в годы становления Института ядерных проблем АН СССР и Объединенного института ядерных исследований в Дубне, а муж моей сестры Людмилы профессор Юлиан Арамович Будагов работал с М. Г. бок о бок с начала 1950-х гг. М. Г. был личностью, безусловно, яркой, и в 1950-е гг. о нем по Дубне ходили разные легенды... Одна из них, видимо, самая правдивая, что в те годы в дубненском кинотеатре сеанс не начинался, пока не приходил М. Г., для которого специально «держали» целый ряд...

Тогда я, конечно, не мог предположить, что в конце 1960-х гг. попаду в Дубну, а в 1970–1990-е мне придется довольно тесно общаться с Михаилом Григорьевичем, который в то время был директором созданной им Лаборатории вычислительной техники и автоматизации.

В те годы как главному ученому секретарю Института мне довелось достаточно много общаться по разным вопросам с тогдашними руководителями лабораторий, лидерами научных направлений в ОИЯИ. Все они, упомянутые в этом рассказе выше, безусловно, были выдающимися личностями, каждый в своем роде. М. Г. выделялся среди них своей артистичностью. Он довольно ловко мог пародировать других людей, обладал богатой мимикой, «играл» голосом. Всем этим он умело пользовался, чтобы завоевать симпатию аудитории. Причем кстати сказанная им шутка могла разрядить довольно напряженную обстановку во время некоторых директорских совещаний.

Надо сказать, что когда встал вопрос о моем переходе на работу в дирекцию Института, меня, молодого тогда теоретика, это предложение Николая Николаевича Боголюбова несколько озадачило. В дни моих тяжких раздумий (согласитесь, такие перемены в жизни вызывают определенные переживания) в Доме ученых проходил интернациональный вечер, во время которого я оказался рядом с М. Г. Немного выпив, я разоткровенничался и начал советоваться с ним насчет предложения перейти в ученые секретари. М. Г. с большим энтузиазмом принялся рассуждать, что «настоящий мужчина не должен бояться перемен в своей жизни... что для роста личности следует несколько раз в жизни преодолеть себя и заняться чем-то абсолютно новым, попасть в новую среду... Настоящий мужчина от этого только выигрывает». Этот разговор развеял мои сомнения, и позже я довольно часто вспоминал эти житейские советы М. Г.

Мне приходилось бывать в поездках, на конференциях в одной делегации с М. Г. Его присутствие всегда

очень оживляло обстановку. Большой опыт и природный ум позволяли ему находить выход из самых затруднительных положений, в которые могли попадать советские ученые за рубежом.

По возвращении с Международной конференции по физике нейтрино, которая была организована ИЯИ АН СССР в Баксанском ущелье, когда дубненская делегация уже расходилась по домам, М. Г., как всегда артистично, раскланялся, приподняв шляпу, и, обращаясь к более молодым коллегам, изрек: «Прощайте, а если что не так сказал, то простите меня, ста-ри-ка-шеч-ку...» Эта сценка запомнилась мне своей необычностью, эксцентричностью...

Память хранит только наиболее выразительные эпизоды, и часто припоминаются ситуации с участием М. Г., потому что сам он был, несомненно, человеком ярким. Многие его поступки и убеждения, наверное, будут не очень понятны молодым людям, которые недавно пришли или завтра придут в науку. М. Г. был носителем черт своей эпохи, которая ушла в прошлое. Об этой противоречивой эпохе можно многое сказать, и нельзя ее рисовать в радужных тонах, но что безусловно — эта эпоха дала нам могучую ядерную науку и технику, а М. Г. был одним из ее создателей: он — участник первых атомных проектов, наблюдатель от СССР на американских ядерных испытаниях, один из создателей Дубны, первого ускорителя (синхроциклотрона), активный исследователь, автор многих работ в области физики ядра и частиц, первопроходец в области автоматизации экспериментальных исследований...

У М. Г. был нелегкий характер. Как мне кажется, он нередко подавлял свой внутренний порыв под влиянием внешних обстоятельств (эпоха!) и часто оказывался прав. Мы не всегда соглашались друг с другом (последний раз эти разногласия проявились по вопросу кандидатуры на пост директора ОИЯИ в 1992 г., когда М. Г. выступил сторонником приглашения на этот пост ученого из другого научного центра), но всегда с уважением

относились к позиции друг друга и старались действовать с помощью аргументов и логики.

В последние свои дни он как бы чувствовал приближение конца, был в подавленном состоянии, лишь изредка у него загорались глаза и он рассказывал какую-нибудь смешную историю. М. Г. вообще был блестящим рассказчиком, что видно, в частности, из оставленных им записок, статей и воспоминаний. Несколько наших с ним последних встреч запомнились мне тем, что М. Г. выражал серьезную озабоченность будущим Института, который он очень любил. Людмила Васильевна, его милая жена, которая ушла из жизни вслед за ним, говорила ему: «Ты всегда хочешь казаться пессимистом, а в душе ты — оптимист...» Это были не самые лучшие годы для российской науки, для нашей международной Дубны...

Память о Михаиле Григорьевиче Мещерякове хранят знавшие его люди, его научные труды и ускоритель (который на днях отметил свой полувековой юбилей), лаборатории Института и город науки Дубна, который раскинулся на берегах любимой им реки Волги...

Дубна, 2000 г.

О ВИКТОРЕ АМАЗАСПОВИЧЕ*

Долго не решался откликнуться на предложение учеников Виктора Амазасповича Амбарцумяна написать несколько страниц воспоминаний о нем. Не решался, потому что считал несущественными небольшие эпизоды моих с ним встреч, несущественными для такой знаковой фигуры, какой был и остается Виктор Амазаспович. Но проходят годы (большое видится на расстоянии!), и все меньше остается людей, которые могли бы свидетельствовать о дружбе, связывавшей Виктора Амазасповича и моего учителя Николая Николаевича Боголюбова, — дружбе двух великих ученых, во многом определивших развитие фундаментальной науки в XX столетии!

«...Я не могу вспомнить, в каком году мы встретились впервые, так как в моей памяти и в моем воображении он присутствовал и я был с ним знаком как с крупнейшим и талантливейшим русским ученым задолго до нашей реальной встречи. Могу только сказать, что это было еще до начала Второй мировой войны, когда я жил в Петербурге...» — писал В. А. Амбарцумян в своей мемориальной статье о Н. Н. Боголюбове в 1993 г.**

Мне посчастливилось быть свидетелем их встреч в 1960–1980-х гг., главным образом, в Москве и Дубне.

---

* Виктор Амбарцумян (Посвящается 100-летию со дня рождения) / Сост. чл.-корр. НАН РА Э. С. Парсамян. Ереван: «Гитутюн» НАН РА, 2008. С. 421.

** Николай Николаевич Боголюбов. Математик, механик, физик / Под ред. П. Н. Боголюбова, В. Г. Кадышевского, А. Н. Сисакяна, Д. В. Ширкова. Дубна, 1994. С. 37.

Хотя мои первые детские впечатления о Викторе Амазасповиче и Вере Федоровне относятся к 1950-м (а может быть и к 1940-м гг.), когда они бывали в гостях у моих родителей в Москве. Мой папа — известный биохимик Норайр Мартиросович Сисакян* — всегда с неизменным уважением относился к Виктору Амазасповичу. Они подолгу (порой достаточно темпераментно) о чем-то говорили при встречах, но я могу только догадываться, что это были обсуждения путей развития научных направлений в АН СССР и АН Армении, — хотя понять их мне было трудно, и не только потому, что я еще был школьником, но и потому, что они чаще всего говорили по-армянски. Я же практически не знал армянского языка, за что неоднократно (и справедливо!) был критикован Виктором Амазасповичем. Никакие оправдания моих доброжелателей (он же родился и вырос в Москве!) на Виктора Амазасповича не действовали: сын такого отца должен знать армянский язык...

Помню, как-то в конце 1950-х гг. к нам домой заходил Амазасп Асатурович, отец Виктора Амазасповича — очень интеллигентный и располагающий к себе человек. Он просил папу помочь ему опубликовать книгу воспоминаний (в том числе и о сыне), которую Виктор Амазаспович (видимо, из-за скромности) не хотел печатать... Папа оказался в довольно трудном положении, но сумел как-то найти выход из него. Ни с Виктором Амазасповичем, ни с его отцом папа не осложнил отношений.

Вера Федоровна с моей мамой Варварой Петровной всегда находили общий язык. Видимо, в жизни и в судьбах русских жен армянских ученых было много общего. Виктор Амазаспович неизменно тепло и с любовью относился к Вере Федоровне, ту же теплоту я видел и в отношениях моих родителей...

---

* См. о нем: Академик Норайр Мартиросович Сисакян. Ученый, учитель, патриот. М.: Наука, 2003.

Но вернусь к В. А. Амбарцумяну и Н. Н. Боголюбову. Николай Николаевич часто мне говорил, что беседы с Виктором Амазасповичем его очень обогащают. Он также подчеркивал, что мнение о Викторе Амазасповиче как о крупнейшем астрофизике достаточно однобоко. В. А. Амбарцумян — крупнейший физик, ученый-естествоиспытатель, ему принадлежат замечательные работы и по физике атомного ядра, и по физике элементарных частиц... Николай Николаевич любил обсуждать с В. А. Амбарцумяном проблемы расходимостей в квантовой теории поля.

«...Наши взгляды на многие научные вопросы общего характера были настолько сходны, что редко давали повод к спорам. Понимая это, мы больше времени посвящали обмену впечатлениями о протекающей вокруг нас жизни, о событиях в жизни Академии наук», — писал в своих воспоминаниях В. А. Амбарцумян.

Приезжая в Дубну из Москвы с заседаний в Академии наук, с научных конференций, с заседаний Верховного Совета СССР, Николай Николаевич непременно привозил не только приветы от Виктора Амазасповича, но и яркие впечатления от бесед с ним, часто это были оригинальные научные мысли. Николай Николаевич несколько раз был гостем Виктора Амазасповича в Армении. В. А. Амбарцумян (насколько я помню) специально приезжал в Москву и Дубну на 60-летие, 70-летие и 75-летие Н. Н. Боголюбова. Могу свидетельствовать об их многочасовых беседах, радостных застольях и теплых встречах — так радуются друг другу только настоящие друзья...

Благодаря дружбе Н. Н. Боголюбова и В. А. Амбарцумяна дополнительный (и весьма положительный!) импульс получало и сотрудничество между физиками Армении и Объединенного института ядерных исследований в Дубне. Мне посчастливилось неоднократно участвовать в обсуждении вопросов этого сотрудничества в присутствии В. А. Амбарцумяна и/или Н. Н. Бого-

любова в Москве, Дубне, Ереване и Бюракане, где в различные годы В. П. Джелепов, А. М. Балдин, Г. Н. Флёров, Ю. Ц. Оганесян, А. Н. Тавхелидзе, В. А. Матвеев, В. Г. Кадышевский, Д. В. Ширков, А. Ц. Амадуни, С. Г. Матинян, Р. М. Мурадян, Г. С. Саакян, Р. М. Мартиросян, Э. В. Чубарян, Д. М. Седракян и другие коллеги рассказывали о проблемах современных исследований ученых Дубны и Армении (АН Армении, ЕрФИ*, ЕГУ**). Наше сотрудничество (несмотря на экономические трудности — примета времени!) продолжает динамично развиваться. Пусть это тоже будет памятником нашим учителям...

Особенно теплые личные воспоминания я храню о двух наших встречах с Виктором Амазасповичем, произошедших в Бюракане, куда мы приезжали с Гургеном Серобовичем Саакяном — замечательным физиком-теоретиком, человеком большой души. Благодаря ему в Ереванском государственном университете появилась сильная группа физиков-теоретиков, внесших значительный вклад в сотрудничество с Дубной (В. Тер-Антонян, В. Папоян, Г. Погосян, А. Мардоян, И. Луценко, С. Саакян, А. Давтян и др.).

Во время встреч в Бюракане Виктор Амазаспович раскрылся для меня как личность не только яркая, но и по-человечески доступная и теплая. В память врезались его глубокие и пронизательные глаза, смотрящие из-под толстых стекол очков...

И хотя (как всегда!) он журил меня за армянский язык, уезжал от него я в приподнятом настроении, с чувством приобщения к чему-то вечному и возвышенному...

Сегодня, когда прошло уже много лет, как нет с нами В. А. Амбарцумяна и Н. Н. Боголюбова, невольно испытываешь душевный подъем из-за того, что судьба сде-

---

* Ереванский физический институт.

** Ереванский государственный университет.

лала нас их современниками, дала счастье быть свидетелями их большой и трогательной дружбы...

Виктор Амазаспович писал о Николае Николаевиче: «Лично я счастлив, что находился в дружеской связи с этим замечательным ученым. Для меня он был и остается примером для подражания».

Виктор Амазаспович, как и Николай Николаевич (они из созвездия крупнейших ученых XX в.), — большой пример для всех нас. Недостижимый пример...

Дубна, декабрь 2006 г.

ВСТРЕЧА В МИНСКЕ

Зарисовка

То, что говорит народ,
когда-нибудь сбудется.

Из восточной мудрости

Белоруссия. Беларусь. Отмечается юбилей Национальной академии наук. Много гостей. Верных или случайных друзей. Попугчиков...

Юбилей — это всегда хороший повод собраться, сказать друг другу добрые слова. Юбилеи сближают!

Среди верных друзей: представители интернациональной Дубны, ученые России, многих стран СНГ — это украинские друзья, возглавляемые великим Б. Е. Патоном, молдаване (Г. Дука), азербайджанцы (М. Керимов) и армянская делегация во главе с президентом НАН Армении Р. Мартиросяном.

На заключительном приеме сталкиваюсь с армянскими коллегами. Меня знакомят с послом Армении в Белоруссии Олегом Есаевичем Есаяном. Яркий и обаятельный человек. Высокого роста, стройный немолодой мужчина харизматического типа... Герой Арцаха, во время войны секретарь райкома партии, потом проректор Степанакертского университета, лидер Правительства и спикер Парламента Нагорного Карабаха...

В компании белорусский ученый (армянин по происхождению) Володя Агабеков рассказывает о недавнем посещении своей родины — Арцаха (Нагорного Карабаха). «Удивительно, но, произнося тост за погибших сыновей, в Арцахе чокаются и говорят о них как о жи-

вых», — делится Володя разбередившими его душу впечатлениями.

«Знаете, друзья, когда первые ребята погибли в той войне, в народе сложилась традиция не вычеркивать их из списка живых, — спокойно пояснил Есяян. — Когда мы с Р. Кочаряном и С. Саргсяном хоронили первых героев, их родители не бросали нам в лицо проклятья, а говорили, что они принесли своих детей в жертву ради справедливости, но только пусть их ребят не забудут и они тем самым останутся среди живых... Позже мы в Степанакертском университете приняли решение переводить с курса на курс погибших студентов, выплачивать стипендию их родителям и по окончании "срока учебы" выдавать дипломы (вручая их матерям героев), где в графе "специальность" проставлялось — "высшее образование, посмертно". Матери со слезами на глазах принимали эти свидетельства нашей памяти об их погибших сыновьях».

За нашим столом никто не смог сдержать слез от услышанного из уст Есяяна рассказа.

Много еще на нашем свете несправедливости, жестокости, боли... Наука сближает, а политика разобщает народы...

Всю ночь после этой встречи не мог забыть слов Есяяна. Как много в рассказанной им истории силы и правоты...

Москва, январь 2009 г.

РЫЦАРЬ ДРУЖБЫ И СОЗИДАНИЯ

Есть люди, как будто рожденные для Дружбы и Созидания. В ряду этих замечательных людей ярко выделялся мой друг — Нодар Сардионович Амаглобели. Он был высок ростом, могуч телосложением, а на красивом и благородном его лице часто появлялась искренняя, почти детская улыбка... Она оставалась детской, даже когда стала очень грустной — после гибели во время войны в Абхазии его горячо любимого сына.

Мне кажется, что я знал Нодара всю жизнь. Он был другом семьи моей сестры, хорошо знал нашу маму, с моим старшим братом их связывали теплые товарищеские отношения.

В 1957–58 гг. он впервые появился в Дубне и начал работать в Лаборатории ядерных проблем, руководимой Венедиктом Петровичем Желеповым. С этого времени Нодар Сардионович связывало тесное научное сотрудничество с Юлианом Арамовичем Будаговым (мужем моей сестры Людмилы). Научные контакты вскоре переросли в крепкую дружбу.

В грузинское землячество Объединенного института ядерных исследований в те далекие годы входило много талантливых и ярких людей, но выделялась тройка друзей: Альберт Никифорович Тавхелидзе, Нодар Сардионович Амаглобели, Реваз Георгиевич Салуквадзе. Они были такие непохожие друг на друга — и внешне, и по темпераменту, и по привычкам... Но их объединяло трепетное отношение к дружбе и беспредельная преданность науке.

Нодар выделялся спокойствием, иногда как бы медлительностью, мягким философским отношением к

окружающему. Но спокойствие чаще всего было кажущимся — он очень остро воспринимал все, что происходило вокруг. Он был тверд и непримирим в вопросах, которые имели принципиальное значение. Эти качества ярко проявились во время его деятельности как члена Ученого совета ОИЯИ и полномочного представителя Правительства Грузии в ОИЯИ (он им стал в 1991 г., когда Грузия вступила в Институт). Его принципиальная позиция и активная работа в значительной мере помогли нашему Институту выйти из кризиса, связанного с экономическими трудностями и политическими катаклизмами конца XX — начала XXI в.

В те времена директором ОИЯИ был выдающийся ученый Владимир Георгиевич Кадышевский. Я был его заместителем. Мы оба знали, что на Нодара можно опереться в любой, даже самой сложной ситуации. Нас объединяло горячее желание сохранить наш Институт, дать возможность ученым наших стран участвовать в самых передовых научных исследованиях, сберечь наше единое интеллектуальное пространство...

Уверен, что эти созидательные и дружеские качества Нодара Сардионовича проявлялись и в его научной деятельности в Грузии — и как депутата парламента, и на посту директора Института физики высоких энергий Тбилисского государственного университета, и в его работе в грузинской академии, и при организации многочисленных научных форумов...

Особенно мне запомнилась наша совместная работа на Международной конференции по физике высоких энергий (Рочестерской конференции), проходившей в Тбилисском университете в июле–августе 1976 г. Он взвалил на себя большую тяжесть по организации конференции, очень уставал, но никогда не терял спокойствия, деликатности и тактичности во взаимоотношениях с людьми. Эти замечательные черты характера были ему так присущи!

С теплой благодарностью моя жена Наташа и я вспоминаем зиму 1987–88 гг., когда мы были в Тбилиси

в предсвадебном путешествии. Мы еще не были расписаны, но он вместе с милой его женой Мэри принял нас очень радушно дома, в семье, что было нетривиально с учетом патриархальных грузинских традиций... В нашей семье память о Нодаре Сардионовиче — свята...

Мне не раз приходилось быть приглашенным в его гостеприимный дом, где на каждом предмете был отпечаток его интеллигентной и благородной личности.

Эти записки — лишь штрихи к портрету моего друга. Здесь не место описывать его выдающиеся научные заслуги. Засвидетельствую, что он был ярким ученым — общение с ним обогащало. Это справедливо, что в год 50-летия ОИЯИ специальным решением Комитета полномочных представителей правительств государств-членов ОИЯИ имя Нодара Сардионовича Амаглобели присвоено одной из аллей на площадке Института.

Нодар глубоко верил, что ученые дальновиднее политиков. Они сохраняют свое единое научное пространство, дружбу... Он верил, что это хорошая основа для возрождения дружбы между странами...

Для всех нас, его друзей, было большим потрясением известие о его кончине в апреле 2005 г. Несмотря на то, что он тяжело болел, мы надеялись, что организм победит болезнь... Но судьба рассудила по-иному.

Я никогда не забуду его истинно дружеского поступка, который он совершил буквально за день до смерти, уже будучи в очень тяжелом состоянии. Он первым из полномочных представителей написал письмо в поддержку моей кандидатуры на пост директора ОИЯИ. Он понимал, что ситуация в тот момент была непростой, понимал, что уходит из жизни. И продиктовал Мэри это письмо, подписал его и сказал: «Как хорошо, что я успел это сделать!» Такое невозможно забыть...

В свои последние минуты он думал о судьбе далекого Института, о своих друзьях, обо мне. Проходят годы, но в Дубне бережно хранится память о Нодаре. Он был рыцарем Дружбы и Созидания.

Я пишу эти записки ровно через 30 лет после того, как мы вместе с Нодаром работали по организации «Рочестера» в Тбилиси. Сегодня мы открыли Рочестерскую конференцию в Москве. В подобные минуты особенно остро ощущаешь, как мало таких людей, как Нодар.

Как нам его не хватает.

Москва, июль–август 2006 г.

ВСПОМИНАЯ Я. А. СМОРОДИНСКОГО*

Среди славных имен отечественных физиков-теоретиков достойное место занимает Яков Абрамович Смородинский. В нем поражала энциклопедическая широта знаний — и эти знания далеко не ограничивались физикой или естественными науками в целом. Поэзия, живопись, музыка, различные виды искусств — причем разных времен и народов — были знакомы этому улыбочивому и быстрому человеку с непослушной копной темных (пока не поседел!) волос...

Близко познакомиться с Яковом Абрамовичем мне довелось в 1966 г., когда я попал в Дубну для подготовки дипломной работы в Лаборатории теоретической физики. До этого были лишь эпизодические встречи при организации занятий физматшколы при МГУ и олимпиад для школьников, которым Я. А. Смородинский отдавал часть своей большой души.

То время было поистине периодом расцвета Лаборатории теоретической физики (ЛТФ) (и Дубны, и физики вообще). Н. Н. Боголюбов, Д. И. Блохинцев, А. М. Балдин, А. А. Логунов, М. А. Марков, В. И. Огиевский, Я. А. Смородинский, В. Г. Соловьёв, А. Н. Тавхелидзе, Д. В. Ширков вместе со своими учениками и коллегами активно разрабатывали теоретические представления о строении ядерной и субъядерной материи на новом кварковом уровне. Интенсивно входили в физику микромира и новые представления о симметриях. Увлеченность и редкое единство (несмотря на яркую индивидуальность и на различие взглядов по многим

---

* Яков Абрамович Смородинский: Сб. ст. Дубна, 1997. С. 9–11.

вопросам) отличали тогда коллектив ЛТФ... Семинары в лаборатории посещались всеми сотрудниками и студентами и были любимым и обязательным атрибутом повседневной научной жизни.

Доброжелательная активность Я. А. Смородинского, которая ярко проявлялась на семинарах, привлекала внимание коллег, в особенности молодежи. Доступность его и открытость для обсуждения любых вопросов поражали. К тому же он был известен не только своими блестящими работами по теории частиц и ядра, но и многочисленными научно-популярными выступлениями. Много обязанностей (но всегда как бы легко и весело) выполнял Яков Абрамович: сектор в Дубне и отдел в Курчатовском институте, редколлегии «Ядерной физики» и «Науки и жизни», переводы, редактирование и написание большого числа научных и популярных книг и статей, многочисленные конференции, симпозиумы и семинары, организатором которых он являлся...

В первые месяцы своей дубненской жизни, будучи стажером-исследователем ЛТФ, я зашел как-то с Генрихом Колеровым поужинать в Дом ученых и попал за один столик с Я. А. Смородинским и с другим старшим коллегой Н. А. Черниковым. Николай Александрович с присущей ему прямоотой спросил меня: «И долго ты здесь собираешься работать?» Я ответил, что поработаю 2–3 года и вернусь в Москву, так как там у меня семья и, как коренной москвич, я хотел бы жить и работать там... «Я тоже москвич. Лет 15 тому назад так же думал. Ничего не выйдет. Дубна — это болото... Засосет!» — произнес серьезно Н. А. Я был сперва ошарашен таким выводом, но веселый смех Якова Абрамовича вернул мне утраченное душевное равновесие. «Коля шутит, — сказал Я. А. — На самом деле, тебе повезло, Дубна — это очень хорошее ”болото“!»

Теперь, по прошествии почти трех десятилетий, я с улыбкой и благодарностью вспоминаю тот давний разговор. Дубна — да, была географическим болотом, но никогда — научным и человеческим...

Вспоминаю жуткий для моей семьи февраль 1986 г. В нашей московской квартире при ограблении была убита моя шестнадцатилетняя дочка Анюта.

Как в тумане помню заплаканное лицо Якова Абрамовича, который влетел в прихожую в день земного прощания с Аней. «Как же это может быть...» — только и сказал он и затрясся. Много дней спустя он заглянул к нам еще: «А, вы суп варите? Ну и хорошо, тогда выживете...» В те тяжелые времена для меня особенно раскрылась его добрая человеческая натура, открытая для дружеского участия и поддержки.

Яков Абрамович любил науку, любил молодежь, любил книги и жизнь во всех ее многогранных проявлениях.

Непростой и поэтому особенно ценной была его научная и человеческая поддержка группы молодых талантливых физиков-теоретиков из Ереванского университета (В. Тер-Антоняна, Г. Погосяна, И. Луценко, Л. Давтяна, Л. Мардояна и др.), с которыми меня связывают многие годы тесного сотрудничества. Кроме научных обсуждений, Я. А. всегда живо интересовался событиями жизни в Армении, новыми армянскими книгами, а в последние годы с болью в сердце переживал последствия землетрясения в Армении и военных конфликтов в Закавказье.

В научном общении с Я. А. Смородинским мы многому научились и после внезапного ухода из жизни Якова Абрамовича продолжаем поддерживать творческие контакты со многими его учениками и коллегами — П. Винтернитцем, А. Измestьевым, И. Лукачем, И. Патерой, М. Шефтелем и многими другими.

Вот уже четвертый раз без Якова Абрамовича организуется международный симпозиум «Симметрии в физике». Симпозиум из серии им задуманных и проведенных. С любовью и вниманием к этим дням Смородинского готовятся его многочисленные друзья, коллеги, ученики, его вдова Валентина Александровна и дочь Ная.

«Человечество состоит из тех, кто живет на земле сегодня, и тех, кто ушел, оставив по себе добрую память...» Человеческая память переплетается с сегодняшним днем. Во время прогулок по Дубне с женой Наташей и дочерью Настей мне часто кажется, что из-за поворота появится взлохмаченный ветром Яков Абрамович и, улыбнувшись, скажет что-нибудь доброе...

Дубна–Москва, сентябрь 1995 г.

НАШ ДОБРЫЙ СОСЕД*

Уже более шести лет прошло с того печального дня, как не стало Владислава Павловича Саранцева — яркого ученого, человека тонкой, легкоранимой души. Его как-то очень стремительно не стало. Казалось, жил человек полной жизнью, а потом вдруг посыпались болезни одна за другой. И все... Окружающим он виделся человеком очень выносливым — теннисист, пловец, спортсмен... До последней его осени 1994 г. — с теннисной ракеткой в руках.

Последние семь лет мы с ним (и его милой семьей) прожили соседями, занимая на две семьи один небольшой коттедж на улице Советской (ныне улица Флёрова). Надо сказать, что именно Владислав Павлович был инициатором нашего с Наташей переезда в соседнюю половину коттеджа. До этого в ней жила вдова старейшего сотрудника Лаборатории ядерных проблем Е. А. Григорьева — Полина Савельевна. Одной ей было тяжело осилить ремонт дома и справляться с домашним хозяйством. Как-то встретившись на улице с Владиславом Павловичем, я и узнал о желании его соседки поменяться с кем-нибудь квартирами. Это было летом 1987 г., а на следующий год мы уже (соблюдая определенные условия) произвели обмен. В том же 1988 г. и родилась у нас с Наташей Настенька.

С 1988 по 1995 г. я узнал Владислава Павловича поближе, хотя формальное знакомство наше восходит к концу 1960-х гг. Произошло оно на общественном по-

---

* Владислав Павлович Саранцев: Жизнь, отданная науке / Под общ. ред. И. Н. Иванова. Дубна, 2001. С. 124–125.

прище, которого Владислав Павлович никогда не избегал. И, надо сказать, с общественной работой он всегда блестяще справлялся, так как его человеческие качества, включая безусловное личное обаяние, весьма этому способствовали. Позже мы активно сотрудничали с Владиславом Павловичем и когда он был руководителем ОНМУ, и при формировании новой Лаборатории сверхвысоких энергий (позднее — физики частиц), и в последние годы, когда он занимал пост главного инженера ОИЯИ.

В моем представлении вокруг Владислава Павловича всегда ощущался ореол возвышенности и романтичности. Наверное, «срезонировали» мое романтическое восприятие того периода в развитии атомной науки (кинофильм «Девять дней одного года» и др.) и образ Владислава Павловича в одном из ранних фильмов о Дубне. С подачи Юрия Туманова этот фильм был пронизан кадрами, где очень красивый и очень нервный Саранцев, не выпуская сигареты изо рта, работает над новыми ускорительными проблемами. Мог ли я, тогда еще начинающий физик-ядерщик, без трепета воспринимать образ Саранцева?!

Позже, уже став его соседом, я все равно не смог относиться к Владиславу Павловичу в отрыве от начального заочного (киношного) с ним знакомства...

Если в работе мне приходилось его видеть довольно разным, то как сосед он мне запомнился исключительно спокойным и мягким человеком. Он любил поэзию. Иногда, собравшись по-соседски «за рюмочкой чая», мы читали друг другу любимые стихи. Чаще всего он читал Константина Симонова, который, видимо, ассоциировался в душе его с военным детством... Если надо было что-то у нас дома починить, то и Наташа, и Настенька всегда первым делом вспоминали о «дяде Славе». А он по-доброму и с большим умением помогал починить телевизор или утюг, что мне — несчастному теоретику! — было не под силу.

С Владиславом Павловичем всегда было очень интересно беседовать. Меня поражали его энциклопедические познания не только в инженерных и научных вопросах, но и в политике, и в искусстве... Он избегал декларативных утверждений, но умел деликатно и спокойно высказать свою точку зрения...

Научная и человеческая судьба Саранцева была непростой, в его жизни было много трудностей и разочарований, но он сам нес в себе ощущение человека счастливого и удачливого.

Часто весной, выходя во двор нашего дома, я ловлю себя на мысли, что глазами невольно ищущу на соседской скамеечке Владислава Павловича с его вечной сигаретой в руке, с его задорной и неизменно доброжелательной улыбкой...

Дубна, июнь 2001 г.

СЛОВО О ДРУГЕ*

Он человек был,
Человек во всем.
Такого я уж никогда
Не встречу...

В. Шекспир. Гамлет

Вот уже скоро год, как внезапно оборвалась яркая жизнь Михаила Владимировича Савельева, нашего дорогого Миши... Если сказать, что нам его очень не хватает, — это значит почти ничего не сказать. И слова, кажется, не способны выразить адекватно ту тоску, которая поселилась в сердцах его друзей с 20 сентября 1998 г., когда пришла тяжкая весть о его безвременном уходе из жизни...

Хочется оживить хотя бы в воспоминаниях его образ, мысленно вернуть дни нашей дружбы.

Познакомились мы с Мишей еще в школьную пору, где-то в конце 1950-х гг. Хотя мы и учились в разных московских школах, нас сблизил общий интерес к математике и физике. В то время для учеников старших классов было очень характерно и престижно работать в кружках по научным направлениям при ведущих вузах, посещать лектории в Политехническом музее, участвовать в физических и математических олимпиадах. Во время одной из таких «тусовок» (такого слова тогда, правда, не было) мы с моим одноклассником Виктором Савриным (теперь известным физиком-теоретиком) и

---

* Симметрии и интегрируемые системы: Труды семинара / Под общ. ред. А. Н. Сисакяна. Дубна, 1999. С. 295–297.

познакомились с симпатичным блондином с очень живыми и слегка насмешливыми глазами — Мишей Савельевым.

Это было романтическое время не только в жизни нашего поколения, но и для всей науки в нашей стране. После запуска в 1957 г. первого спутника и сооружения крупнейшего в мире ускорителя — дубненского синхрофазотрона — каждый школьник буквально бредил профессией физика, конструктора, атомщика... Наше поколение и в России, и в далекой Америке (мне приходилось это там слышать) называют поколением спутника и синхрофазотрона. Миша уже тогда был очень коммуникабельным и выделялся среди ровесников не только глубокими знаниями, но и острой реакцией на все происходящее.

Его талант ученого проявился очень рано. Помню, что им был завоеван не один приз на олимпиадах для школьников в престижных вузах, что тогда было сделать непросто. Миша пользовался устойчивым авторитетом среди товарищей-студентов. В наши студенческие годы мы учились на «соседних» кафедрах: Миша и Витя — на кафедре электродинамики у М. А. Леонтовича, а я — на кафедре квантовой статистики у Н. Н. Боголюбова.

В те годы мы особенно сблизились с Мишей, проводя вместе не только часы учебы, но и досуга, вместе были в студенческих отрядах и военных лагерях. Мишу очень любили за его высокие качества товарищества, доброту и смекалку. Он был единственным сыном своих родителей — Нонны Михайловны и Владимира Ивановича Савельевых, которых Миша любил преданной и трогательной сыновней любовью. Это благодарное чувство он пронес через всю жизнь... Родители часто присылали Мише в военные лагеря что-нибудь вкусненькое, и он всегда делился с друзьями. В моем семейном альбоме сохранился снимок 33-летней давности: мы с Мишей и

нашими товарищами «по спецухе» расправляемся с гостинцами, присланными Мишиными родителями...

После физфака наша дружба сохранилась и окрепла, хотя судьба опять нас развела по «соседним» институтам. Миша и Витя оказались в аспирантуре в ИФВЭ (Институт физики высоких энергий, Протвино), а я стал стажером в ОИЯИ (Дубна). Встречи на конференциях, семинарах и школах, дни рождения, праздники и товарищеские застолья были, конечно, не очень часты, но я постоянно ощущал рядом надежное Мишино плечо и в радостях, и в печали. Особенно теплой и нужной была его поддержка в тяжелые для нашей семьи дни после трагической гибели моей дочери Ани...

У Миши всегда можно было многому научиться и в науке, и в жизни, и в отношении к семье и друзьям. А друзья у него были и остаются (многие со школьной скамьи). Это и журналист Слава Алексеев, и преподаватель мехмата МГУ Володя Потапов, и мы с Виктором Савриным, и другие — всех не перечесать. Мне было очень интересно обсуждать с ним научные новости, слушать его выступления на семинарах, работать с ним (у нас есть несколько совместных работ) и даже просто «потрепаться» за чашкой чая...

Он был очень обаятельным человеком, а главное, очень открытым для восприятия мнения другого человека, для всего нового и непривычного, поэтому очень хотелось именно с ним поделиться новостью, обсудить появившуюся необычную идею. При этом меня изумляло его отношение к науке — особое, бережное, не потребительское: как к кормилице, как к плодородной земле... Он сам был вскормлен наукой и оставил на ее ниве не одно плодоносящее дерево...

Его часто донимала мысль: надо дерево посадить, надо дом построить... Миша спешил делать добро, хотел оставить после себя результаты своего неутомимого труда. Хотя буквально до последних месяцев в его разговорах не было и тени пессимизма. Мы, друзья, думали,

что ему, как его родителям и многим другим предкам, суждена долгая и наполненная событиями жизнь. Видимо, плохо почувствовав себя, в марте 1998 г. Миша внезапно приехал к нам в Дубну, просто на один вечер, как бы без дела. Буквально за месяц до этого он выступал на нашем семинаре в Лаборатории теоретической физики с очень интересным докладом...

После семинара мы пару часов посидели за чашкой чая, Миша очень тепло отзывался о нашем семинаре, обещал привозить своих друзей и единомышленников для выступления на его заседаниях, советовал (как и другие участники) периодически издавать труды семинара... И с большой грустью мы вспомнили нашего безвременно ушедшего друга, молодого талантливого ученого Игоря Луценко... Не могли даже вообразить тогда, что это Мишино пожелание воплотится в жизнь в столь грустном виде...

Да, мартовский его приезд был довольно неожиданным, хотя и, как всегда, приятным. Он неизменно приезжал с подарками, знаками внимания моей жене Наташе и нашей маленькой дочке Насте, которая до сих пор его называет дядя Барсик (потому что он любил ей рассказывать сказки про кота Барсика). Надо сказать, что в Мише очень много оставалось от ребенка до конца... И верно говорят, что «в человеке столько хорошего, сколько в нем осталось от ребенка».

Беседа наша за дружеским столом была, как всегда, откровенная и, как никогда, грустная. Миша жаловался на неважное самочувствие и говорил о своих плохих предчувствиях, которые связывал с долгосрочной поездкой в Бразилию. Рассказывал о планах, если получится, позже посетить фамильные места своих предков в Красноярске. В конце вечера он спокойно так сказал, что приехал попрощаться навсегда... Мороз по коже прошел у меня от Мишиных слов, но как-то хотелось верить, что это всего лишь минутная слабость уставшего

человека, а жизнь показала, что это действительно было прощание...

Мишины слова до сих пор звучат у меня в ушах: «Жаль не умереть, а быть забытым, пройти по этой земле, не оставив следа...» И еще он просил не забывать его любимых Свет (жену и дочь) и хранить память о его родителях. Он (вместе с учениками Владимира Ивановича Савельева) подготовил материалы об отце и очень хотел донести их до людей...

Дубна, август–сентябрь 1999 г.

КРЫЛАТЫЕ ФРАЗЫ

Бывают фразы, которые на первый взгляд не представляют из себя ничего особенного, но в различных жизненных ситуациях всплывают, каждый раз проявляя все новые оттенки когда-то выраженной мысли... Они становятся своего рода афоризмами (среди друзей), крылатыми фразами (в приятельских компаниях), хотя очень часто связаны с самыми приземленными ситуациями. Эти «афоризмы» обладают неистребимым дружеским обаянием: стоит только начать такую фразу, как являются целые пласты дорогих сердцу воспоминаний.

Много таких крылатых фраз было в обиходе нашей молодежной компании, которая сложилась в Дубне в далекие 1960–1970-е гг. Компания была разношерстной, хотя практически все были сотрудниками нашего большого научного центра. Среди нас были и теоретики (большинство!), и экспериментаторы... Нас связывали и совместные дела (организация школ, конференций, подготовка экспериментальных программ и т. д.), и просто приятельские встречи и вечеринки (многие жили в общежитиях, и компании друзей заменяли нам семью). Среди участников тусовок (так говорят сейчас) были и Володя Кадышевский, и Виктор Матвеев, и Руфат Мир-Касимов, и Вова Кекелидзе, и Леня Слепченко, и Саша Квинихидзе, Вахтанг Гарсеванишвили, Маг Матеев, Санди Донков, Страшимир Мавродиев, Алеша Барышников, Рустам Ибадов... Как видите, компания вполне многонациональная: русские, грузины, болгары, азербайджанцы, узбеки...

Расскажу две-три маленькие истории о наших «крылатых фразах», которые сохранила память.

1

Леня Слепченко — близкий мой друг. Сколько веселых и горьких минут связано у меня с ним!

Середина 1970-х, мы с Леной прогуливаемся по центру Москвы и на улице Кирова около книжного магазина встречаем полуинтеллигентного мужчину средних лет, который из-под полы продает рукописи своих собственных стихов... «Не желаете ознакомиться?» Тогда в магазине было трудно купить хорошие книги, поэтому предложение взглянуть на рукопись, торчащую за пазухой, выглядело вполне естественно... Перелистав перемежающиеся печатные и рукописные страницы, замечаю несколько вполне симпатичных стихотворений... На каждой странице имя автора (по-моему, Сергей Волков). Слегка тюремно-поэтический жанр сменяется искренней интимной лирикой...

«Молодые люди, если желаете, можете купить с авторскими правами — это по три рубля за страницу... А если без прав, то по рублю». Я замешкался, по тем временам три рубля были вполне большие деньги (особенно для мэнэсов), да и авторские права его были нам не нужны (вся прикроватная тумбочка у меня в общежитии была забита собственными виршами). Леня, следуя тбилисской рыночной привычке, начал торговаться. «Молодые люди, вы меня поймите правильно: я человек, который живет своим талантом. Чувствую, и вы такие же, мы должны уважать друг друга», — промолвил наш собеседник слегка дрожащим (может быть, в предвкушении глотка живительной влаги) голосом. От его помятой фигуры веяло каким-то необъяснимым обаянием. Он как будто был на грани между падением и взлетом, а балансом его было ускользящее чувство собственного достоинства...

Мы купили на три рубля четыре листка его стихов.

«Молодые люди, вы меня не осуждаете? Я же человек, который своим талантом живет!» — с немного театрального проявлением чувства собственного достоинства сказал нам на прощание поэт.

Мы часто длинными дубненскими вечерами (порой за бутылочкой) вспоминали этот случай, перелистывали страницы купленной тогда маленькой рукописи неизвестного поэта. А Ленья с улыбкой говорил: «Нас нельзя осуждать! Мы же человеки, которые своим талантом живут!»

2

А вот другой случай, тоже связанный с Леней.

Прогулка с Лениными детьми по Тбилиси 1970-х гг. У Лени две дочки — Ниночка и Наташа. Отношения в семьях у нас в то время складывались непросто... Зоопарк с громадными и нахальными гориллами, восхитительный тбилисский фуникулер, веселый и какой-то беззаботный (тогда!) проспект Руставели... Проходим мимо кладбища — и вдруг Ленья заходится от смеха, буквально сквозь слезы (он недавно похоронил маму — милую заботливую грузинскую маму, а его папа — украинец, инженер-строитель, умер еще раньше, не дожив до 60 лет, — мы только что вспоминали о них).

— Ты знаешь, Алеша, — рассказывает мне мой друг, — на этом кладбище есть несколько памятников, а на них выбиты стихотворные посвящения, например, такое:

Дорогому Вахтангу!

Какой светильник разума угас,
Какое сердце биться перестало.
Гоги

или такое:

Не говорите мне: «Он умер», он — живет.
Пусть жертвенник разбит, огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает.

— Ленья, — прерываю я моего друга, — эти эпитафии — известные стихи известных поэтов...

— Да, конечно. Более того, когда я заказывал надгробие, то и мне предложили «заготовку» с уже выбитыми стихами Лелика Апухтина. Я выразил недоумение директору кладбища. А он мне в ответ: «Слушай, молодой человек, заказчику нравится... Это — уровень заказчика, понимаешь? Уровень заказчика...»

Много раз в жизни нам с Леней приходилось сталкиваться с разными несуразностями, проявлением невежества и безвкусицы. Леня очень тонко чувствовал и всегда с юмором реагировал на такое. И тогда звучало его знаменитое: «Уровень заказчика! Понимаешь? Уровень заказчика...»

Леня, который очень много для меня в жизни значил, умер 9 апреля 2000 г. (как и его папа, не дожив до 60 лет). Последние годы он тяжело болел, но, будучи прикованным к постели, все равно сохранял удивительное жизнелюбие, большой интерес к науке, преданность своим друзьям...

9 апреля

Памяти Леонида Слепченко

Леонид Алексеич,
Что случилось с тобою?
Твои острые плечи
Обнимаю я с болью...
Твои бледные губы,
Что девчонок ласкали,
Их уже не погубят,
Изогнулись в печали...
Твои руки в уколах,
Но бессильны медсестры.
Боль уход твой ускорит,
Это чувствую остро...
Потеряли мы друга.
Плоть со временем тает...
Как без Лени нам худо,
Как его не хватает...

2000 г.

3

А эта небольшая история произошла уже сравнительно недавно в небольшом австрийском городке во время одной из европейских школ по физике высоких энергий (которые с 1970 г. традиционно проводятся совместными усилиями Европейской организации ядерных исследований — ЦЕРН и Объединенного института ядерных исследований — ОИЯИ). Я приехал в Австрию буквально на два дня, так как мне предстояло прочесть одну лекцию и поучаствовать в заседании оргкомитета (постоянным членом которого я являлся в течение многих лет). В городке был один относительно большой магазин, где во время обеденного перерыва на школе мы с Таней Донсковой (сотрудницей международного отдела, непременным секретарем оргкомитета школ) намеревались купить подарки для наших близких...

В незнакомом месте всегда трудно сориентироваться, а английский язык (не говоря о русском), к сожалению, не являлся любимым для продавщиц этого городка. Через несколько минут пребывания в магазине, разглядывая детские товары, вдруг с удивлением слышу, что общительная Таня недалеко уже с кем-то беседует на абсолютно русском языке. Подойдя к ней, обнаруживаю Танину собеседницу — молодую и симпатичную брюнетку, которую за руку держал маленький (лет пяти) мальчуган. Таня, с присущей ей несколько нарочитой непосредственностью, расспрашивает новую знакомую: откуда она и что здесь делает...

Брюнетка с подкупающей откровенностью рассказывает историю своего появления в Австрии. Женщина (звали ее, кажется, Соня) оказалась в прошлом москвичкой, вышедшей замуж за польского еврея, с которым они познакомились будучи студентами МГУ. Несколько лет молодая семья прожила в Москве, затем переехала в Тель-Авив к родителям мужа. Родился сын, муж работал, Соня занималась домашним хозяйством. Жили

дружно, но небогато. Поиски места на земле, где лучше живется и дышится, привели, наконец, эту небольшую семью в маленький австрийский городок.

— А что же Вам в Москве и Тель-Авиве жить не нравилось? — спросила любознательная Татьяна.

— Да нет, мне больше всего нравилось жить именно в Москве, там у меня так много друзей. Но, к сожалению, ни в Москве, ни в Тель-Авиве не уважают наши деньги, а здесь — уважают, — уверенно сказала не совсем понятную фразу молодая мамаша, оттаскивая мальчугана от витрины с игрушками.

— Как это «не уважают наши деньги»? — не выдержал уже я, проявляя любопытство.

— Знаете, когда здесь я забираю Мишу из детского садика раньше ужина, то из нашего счета за садик вычитают стоимость котлетки, которую он не съел. Если здесь что-то продают дороже, чем в соседнем магазине, я точно знаю, почему этот товар лучше. Здесь уважают мои деньги, — пояснила Соня.

Эта встреча тогда не показалась мне сколько-нибудь значительной. Купив с помощью нашей новой знакомой необходимые сувениры, мы с Таней отправились в гостиницу, а утром вернулись в Москву (где все больше и больше в нашу жизнь входила рыночная экономика).

Я думал, что этот эпизод в австрийском городке навсегда уйдет из моей памяти... Но как (черт побери!) часто приходится вспоминать слова: «Они не уважают наши деньги». Не буду развивать простую мысль, думаю, что каждый из вас может применить эту формулу к собственным жизненным ситуациям... Вот такая оказалась «крылатая фраза»!

Январь 2009 г.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТРУТНЕВ*

Среди ученых, чьи достижения сыграли определяющую роль для защиты Отечества, имя Юрия Алексеевича Трутнева занимает почетное, можно сказать, особое место.

Много лет назад, будучи молодым сотрудником крупнейшего математика, механика, физика Николая Николаевича Боголюбова, я впервые услышал именно от него о той выдающейся роли, которую сыграл и продолжает играть Ю. А. Трутнев для создания ядерного щита Родины. Его имя стоит в одном ряду с именами таких прославленных ученых-атомщиков, как Ю. Б. Харитон, А. Д. Сахаров, Я. Б. Зельдович...

И это притом, что Н. Н. Боголюбов (Н. Н.) сам работал в 1950-е гг. в КБ-11 (Н. Н. говорил — «на Тайване») и, в силу этого, никак не склонен был к комментариям «по закрытой тематике» и к «упорядочиванию ученых». (Однажды на мой вопрос, кто внес в науку большой вклад — академик X или академик Y, Н. Н. ответил: «Алексей Норайрович, запомните, множество академиков — неупорядочиваемое множество, академиков нельзя пронумеровать 1, 2, 3...»)

Много теплых слов об академике Ю. А. Трутневе уже позднее я слышал от Дмитрия Васильевича Ширкова — замечательного физика-теоретика (до новосибирского Академгородка и Дубны на славу поработавшего в Арза-

---

* Жизнь для России (К 80-летию академика Ю. А. Трутнева) / Под ред. акад. Р. И. Ильяева. Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2007.

масе-16*), с конца 1980-х гг. моего соседа по дубненским коттеджам. Именно в доме Светланы Николаевны и Дмитрия Васильевича Ширковых нам с моей женой Натасей и посчастливилось впервые близко познакомиться с Юрием Алексеевичем.

К этому времени в моей голове уже четко сложился образ Ю. А. Трутнева как ученого-легенды. Будучи еще школьниками, ребята моего поколения буквально бредили подвигами И. В. Курчатова и его соратников. «Люди, чьих фамилий мы не знаем...» Роберта Рождественского, «Девять дней одного года» Михаила Ромма, «Иду на грозу» Даниила Гранина способствовали романтическому восприятию профессии атомщика.

А при личном общении Юрий Алексеевич оказался очень простым, симпатичным и доброжелательным человеком, начисто лишенным какой-либо заносчивости. Он много и интересно рассказывал, шутил и иногда даже по-мальчишески пикировался с Дмитрием Васильевичем, которого хорошо знал уже много лет. На примере Юрия Алексеевича я еще раз получил возможность убедиться, что талантливый человек талантлив во всем. Видел на спортивном стрельбище в Сарове, как он мастерски владеет винтовкой, поражая движущуюся мишень — упражнение непростое даже для более молодых и спортивных офицеров...

В конце 1990-х и в начале 2000-х Юрий Алексеевич (иногда с супругой) часто навещался в Дубну, а мне с коллегами приходилось бывать в Сарове. Дубна и Саров (во многом благодаря инициативе Юрия Алексеевича Трутнева) стали активно сотрудничать по конверсионным программам, включая фундаментальные и прикладные международные проекты. Сотрудничество затрагивало совместные работы на большом адронном коллайдере в ЦЕРН, теоретические и эксперименталь-

---

* Так называли раньше г. Саров, где расположен Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ, ранее КБ-11).

ные работы по нейтронной физике, разработку ускорителей для адронной терапии онкологических заболеваний и ряд других «мирных» задач. Через Ю. А. Трутнева мне удалось ближе познакомиться с академиком Радием Ивановичем Ильяевым, академиком Виктором Никитовичем Михайловым, Валерием Тихоновичем Пуниным, Василием Петровичем Незнамовым и другими замечательными учеными ВНИИЭФ.

Ученые Дубны глубоко признательны Юрию Алексеевичу за инициативы, приведшие к укреплению сотрудничества двух таких близких и таких далеких ядерно-физических центров... Саров — это крупнейший оборонный ядерный центр России, Дубна — крупнейший международный ядерно-физический проект на российской земле... Могу с уверенностью сказать, что нам есть чему поучиться у наших коллег из ВНИИЭФ. Их опыт, уверен, еще не раз пригодится для создания крупнейших физических установок, которые будут созданы в России и других странах мира. Установок, цель которых — раскрытие тайн микромира в мирных целях, на благо всего человечества...

А самое главное, что именно подвиг Курчатова, Харитона, Сахарова, Трутнева и их сподвижников привел к тому, что СССР и Россия защищены от внешних угроз, что с нами сегодня считаются и Президент России по праву участвует в саммите Большой восьмерки...

Низкий-низкий поклон вам, люди,
Вам, великие без фамилий...

— писал в конце 1950-х гг. Р. Рождественский, когда атомщики и ракетчики страны были героями без фамилий. Сегодня мы вновь должны им поклониться, уже зная многих и по фамилиям, и в лицо...

С радостью встречаю Юрия Алексеевича и в Сарове, и в Дубне, и в Москве (Росатоме и Академии наук). Он всегда улыбнется и скажет что-то оптимистичное, ободряющее.... Для меня Юрий Алексеевич — хранитель

лучших традиций отечественной науки, созданных нашими предшественниками.

2 ноября 2002 г. я позвонил, чтобы поздравить Юрия Алексеевича с днем рождения. В ответ он очень емко изложил мне свое жизненное кредо, которое я осмелился зарифмовать:

Не хочу, чтоб был сценарий средний.
Нам с тобой с руки такая прыть:
Выложиться, словно шанс последний,
А прицел такой, как будто вечность жить...

Да простит меня Юрий Алексеевич за попытку пересказать своими словами выстраданное им.

...Долго сомневался, имею ли я полное право написать в сборник к юбилею Юрия Алексеевича, ведь есть много людей, которые дольше и глубже знают Ю. А. Трутнева. Но, как видите, в какой-то момент сомнения отбросил.

Пусть долетит до Вас, Юрий Алексеевич, сердечный привет из Дубны. Мы Вас любим и Вами гордимся.

Дубна, 2007 г.

УЧИТЕЛЬ БРАТА

О Евгении Львовиче Фейнберге впервые я узнал в конце 1950-х гг. Тогда я был еще школьником, но мой старший брат Иосиф Норайрович (друзья его звали Ива) в то время оканчивал физический факультет МГУ и готовился к поступлению в аспирантуру.

По рекомендации друга нашей семьи — физика Сергея Николаевича Вернова (впоследствии академика) Ива вместе с Юрой Верновым (сыном Сергея Николаевича) поступал тогда в аспирантуру теоротдела ФИАН, к Евгению Львовичу Фейнбергу.

Придя домой после первой встречи с Евгением Львовичем, Ива с большим восторгом рассказывал папе и маме о будущем научном руководителе, который провел с молодыми людьми беседу и о физике, и об их жизненных позициях. Взаимная симпатия, как мне кажется, сразу возникла между учителем и учениками. «Они (Ива и Юра) мне при разговоре понравились и как люди, и как физики — серьезностью отношения к науке, наличием у каждого своего выбора тематики работы», — напишет позже Евгений Львович в статье памяти И. Н. Сисакяна*.

Да, учитель на десять лет пережил своего ученика и с болью переживал эту потерю. Никогда не забуду разговор с Евгением Львовичем на семинаре, посвященном памяти Ивы в 1998 г., на котором Е. Л. Фейнберг выступил с теплой и проникновенной речью о брате. Я набрался смелости и попросил Евгения Львовича напи-

---

* О хорошем человеке и хорошем физике // Прыжок перекастом (Памяти профессора И. Н. Сисакяна). Дубна, 2005. С. 30–32.

сать воспоминания об Иве, так как задумал тогда сделать сборник памяти брата.

Евгений Львович, несмотря на преклонный возраст, ни секунды не колебался. «Я обещаю Вам написать статью. Мне очень не хватает Ивы», — сказал он буквально те слова, которые всем близким Ивы не давали (и не дают) покоя...

Он выполнил свое обещание (думаю, что это была неотъемлемая его черта). Может быть, это эссе стало последней публикацией Е. А. Фейнберга — сборник «Прыжок перекатом» (памяти профессора И. Н. Сисакяна) вышел за месяц до смерти Евгения Львовича. Мне удалось через одного из его сотрудников — Илью Исаевича Ройзена — передать книгу Е. А. Фейнбергу, тогда уже чувствовавшему себя плохо.

Вот еще строки из этой статьи Евгения Львовича: «За годы совместной работы я узнал Иву как очень милого, мягкого, высокоинтеллектуального человека. Я не представлял себе, что у него есть качества, необходимые директору, которому нужен не только организаторский талант, но и способность проявлять, когда нужно, твердость, характер начальника, умение приказывать. Оказывается, мягкость подлинного интеллигента может со всем этим прекрасно совмещаться. Я думаю, работать под началом такого директора было очень хорошо. Его несправедливо ранняя смерть была для меня настоящим горем. Его нельзя было не любить...»

Ива считал Евгения Львовича своим учителем. Е. А. Фейнберг для моего брата, наряду с Нобелевским лауреатом Александром Михайловичем Прохоровым (впоследствии Ива проработал с ним много лет) и нашим папой — ученым-биохимиком Норайром Мартиросовичем Сисакяном, был примером на всю жизнь.

Я позволил себе достаточно подробно остановиться на отношениях Евгения Львовича и моего брата, поскольку в них очень четко проявились замечательные черты самого Е. А. Фейнберга — человека глубокой интеллигентности и человечности, обладавшего чувством

высочайшей ответственности, для которого физика и жизнь были, казалось бы, неделимы...

И при жизни брата, и после его ухода мне посчастливилось много раз встречаться, советоваться и сотрудничать с Евгением Львовичем. Бережно храню книги и статьи, подаренные мне Е. А. Фейнбергом. Последним его подарком была книга «Эпоха и личность. Физики», опубликованная вторым изданием в 2003 г.

Хорошо известно, что Евгений Львович прекрасно разбирался не только в науке, но и в искусстве. Память сохранила совместный просмотр в ФИАНе только что вышедшего тогда фильма Андрея Тарковского «Зеркало». Разговор с Евгением Львовичем о кино после просмотра фильма не только открыл нам с братом глаза на многие стороны искусства, но и позволил многое узнать об истинных носителях культуры, среди которых были не только деятели искусств, но и ученые, физики (в большом количестве), и сам Евгений Львович, безусловно. После этого разговора я полюбил творчество поэта Андрея Тарковского, которого не знал прежде... Позже, помню, у нас с Е. А. Фейнбергом были очень интересные беседы о творчестве Осипа Мандельштама. В 2000 г., памятуя об этом, я подарил (не без смущения) Евгению Львовичу сборничек своих стихов. К моему удивлению и радости, через неделю он мне позвонил и благожелательно отозвался о книжке.

Публицистика Евгения Львовича, включая ряд статей культурологического и философского содержания, на мой взгляд, проливает яркий свет на умонастроения подлинных носителей культуры в ту непростую эпоху, которая выпала на долю наших предшественников (и немного нашу).

Колоссальное уважение вызывает мужественная и образцово дружеская позиция Евгения Львовича в годы гонений на Андрея Дмитриевича Сахарова. Но, понимая, что есть немало людей, которые были гораздо ближе в это время к Евгению Львовичу, ограничусь низким

поклоном памяти этих двух замечательных людей за совершенный ими нравственный подвиг.

Всплывают в памяти встречи на научных конференциях (в том числе школах молодых ученых в Дубне, в Баку, в Тбилиси, в Гомеле), в которых мне посчастливилось участвовать вместе с Евгением Львовичем: слушать его выступления, обсуждать с ним новые результаты в физике частиц, получать его неизменно доброжелательные советы.

Значительная часть моей научной работы связана с теорией и феноменологией множественного рождения частиц — областью физики, в которой Е. Л. Фейнберг являлся непререкаемым авторитетом. Мне приятно отметить, что в ряде работ группы Е. Л. Фейнберга по развитию релятивистского гидродинамического и термодинамического подходов к процессам множественной генерации частиц при соударении частиц и ядер высокой энергии принял участие и мой брат. «По наследству» от брата мне достался не только интерес к этой области исследований, но и сотрудничество, и дружба с представителями школы ФИАНа из окружения Евгения Львовича — Игорем Михайловичем Дрёминым, Дмитрием Сергеевичем Чернавским, Игорем Васильевичем Андреевым (братом жены Ивы — Елены Андреевой-Сисакян), упоминавшимися уже И. И. Ройзенем, Ю. С. Верновым.

Как моя кандидатская, так и докторская диссертация были посвящены проблемам построения моделей множественного рождения частиц. Ряд шагов и направлений развития был подсказан мне Евгением Львовичем либо в непосредственных беседах, либо его статьями. И, хотя общение с ним не было частым, могу свидетельствовать: я учился у Евгения Львовича.

Хочу отметить, что мой непосредственный учитель Николай Николаевич Боголюбов с большим уважением и вниманием относился к теоретикам фиановской научной школы, и среди них к Евгению Львовичу Фейнбергу.

Судьба повернулась так, что последний период своей научной деятельности Евгений Львович стал активно сотрудничать с экспериментальными лабораториями Объединенного института ядерных исследований в Дубне в связи с проектом ПАВИКОМ*. В особенно тяжелые дни (после ухода из жизни жены — В. Д. Конен) по благородному настоянию Игоря Дрёмина Евгений Львович возглавил работу в основном экспериментальной группы, занятой интересным и перспективным направлением. Игорь справедливо считал, что активная работа в необычной области науки поможет Евгению Львовичу оправиться после тяжелого удара судьбы. Правой рукой Е. А. Фейнберга в этой работе стала Наталья Геннадиевна Полухина.

И здесь развернулось плодотворное сотрудничество с учеными Дубны. Ряд работ с участием Евгения Львовича появился в препринтах, сборниках и журналах ОИЯИ, они неоднократно докладывались на конференциях и семинарах Лаборатории высоких энергий им. В. И. Векслера и А. М. Балдина Института.

В нашем последнем достаточно долгом разговоре с Евгением Львовичем весной 2005 г. он обратился ко мне с просьбой о поддержке со стороны дирекции ОИЯИ этой экспериментальной работы, отметив, что проект ПАВИКОМ, наверное, его последнее научное увлечение...

Евгений Львович живо интересовался делами ученых Дубны, подробно расспрашивал о достижениях Лаборатории ядерных реакций им. Г. Н. Флёрова во главе с Юрием Цолаковичем Оганесяном по синтезу сверхтяжелых элементов, интересовался также работой группы теоретиков, руководимых Владимиром Георгиевичем Кадышевским, по фундаментальной длине... Невоз-

---

* ПАВИКОМ — первый в России полностью автоматизированный измерительный комплекс для изучения процессов в физике частиц высоких энергий.

можно забыть его бархатный (необычного тембра) голос, плавную изысканно интеллигентную речь.

Потом было прощание с Евгением Львовичем в ФИАНе, который встречал нас в этот раз траурным убранством.

Стоя у усыпанного цветами постамента, я думал, что судьба подарила Евгению Львовичу трудную, но яркую и долгую жизнь. Имя его уже принадлежит славной истории российской и мировой науки, а его идеи, преданность науке, цельность и благородство должны служить примером для нас и последующих поколений, чтобы не ушла в историю «атмосфера высокой науки, подлинной интеллигентности, честности и высокой морали»*, позволявшая сохранять во все времена нашу великую ценность — отечественную науку и культуру, подлинным рыцарем которой был Евгений Львович Фейнберг.

Дубна–Москва, июль 2006 г.

---

* Фейнберг Е. А. Эпоха и личность. Физики. М.: Физматлит, 2003.

ТАТЬЯНА БЕК*

Меня долго терзали сомнения, имею ли я моральное право предлагать свои записки в книжку памяти Татьяны Бек — ведь я лично знал Татьяну Александровну лишь последние три-четыре года ее жизни. Интересны ли будут хоть кому-нибудь мои наблюдения, вынесенные из общения с Татьяной?.. Но помогла преодолеть мои терзания мысль, что без этих заметок вряд ли станет известно о дружбе Татьяны Бек с физиками-лириками Дубны, и тогда одна из страниц (пусть и не главных!) ее жизни останется за кадром и тогда неполным будет портрет Татьяны — удивительного поэта, милого и тонкого человека.

И еще я подумал, что Татьяна наверняка обрадовалась бы, узнав, как ее любят и помнят в городе физиков. А эти строки могут явиться подтверждением, что так оно и есть...

Имя Татьяны я знал задолго до нашего знакомства в 2001 г. Мне всегда очень нравились ее стихи, и, к тому же, я был поклонником книг ее знаменитого отца Александра Бека. Как потом выяснилось, Татьяна тоже считала, что мы были заочно знакомы гораздо раньше, чем произошла наша первая встреча, — она слышала обо мне от своих старых друзей-дубненцев: Александры Шкоды, руководителя дубненского отделения Российского фонда культуры, и Генриха Варденги, физика и поэта, директора музея Объединенного института ядерных исследований.

---

* Татьяна Бек. Она и о ней. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2005. С. 694–699.

Генрих Варденга и познакомил меня с Татьяной. Я пригласил ее и Евгения Рейна приехать на несколько дней в Дубну. Это было летом 2001 г.

Уже во время первой встречи у меня возникло удивительное ощущение, что Татьяна — моя старая приятельница. В разговоре постоянно всплывали какие-то схожие родственные образы, жизненные параллели (резонировали души!). Мы вспоминали эпизоды из детства, поочередно удивляясь: «Ой, почти то же самое было со мной...» У Татьяны сестра и брат, и у меня сестра и брат. Отец и мама — примеры на всю жизнь! Ностальгия по детству, по Москве 1950–1960-х гг. Татьяна признается, что иногда несколько дней не может написать ни строки и начинает нервничать: вдруг Господь больше не пошлет вдохновения? Мне тоже знакомо это чувство:

Какое чудное мгновенье,
Когда приходит вдохновенье!
Какой невыразимый гнет —
Ждать: вдруг Он больше не вдохнет...

Потом это четверостишие вошло с посвящением Т. Бек в мой сборник стихов «Куст на теплотрассе», который составила Татьяна, предварив его своим предисловием.

Творческая личность сосредоточена, как правило, на себе. Татьяна была исключением. Меня всегда поражала ее способность глубоко вникнуть в чужую работу, «обременить» себя чужими стихами, к которым она относилась требовательно, но деликатно, по-доброму.

Бережно храню ее записки на полях моей рукописи («разбор» в Татьяниной терминологии), ее удивительные имейлы и письма, написанные легким, летящим почерком.

Проанализировав, блестяще «разобрав» мою рукопись (что было громадной работой), Татьяна в своем письме пишет: «Вы, когда будете составлять свою новую книгу, не ориентируйтесь, пожалуйста, на мой — очень уж личный — отбор полностью. Если в мой список не

попали стихи, Вам лично чем-то дорогие, непременно их вставляйте... Я — лишь одно из возможных читательских зеркал».

Ни малейшего профессионального высокомерия, категоричности. Мастер, тонкий знаток и педагог скромно идентифицирует себя с «читательским зеркалом». Думаю, что великодушие и доброжелательность были отличительной особенностью души Татьяны, редкой особенностью, которая может быть присуща только действительно крупно́й личности...

Название для той книги стихов — «Куст на теплотрассе» — подсказала мне тоже она:

Энергия неразделенной страсти
Мне придает неожиданно много сил:
Я словно куст, обманутый на теплотрассе,
Под первым снегом почки распустил.

Татьяне понравились эти строки. Она говорила, что они не только про неразделенную любовь, но и про поколение «шестидесятников», обманутое искусственным теплом...

Татьяна была ранима, поэтому открывалась она порывами, под настроение, когда чувствовала, что ее открытостью не воспользуются. Мне самому легко было открываться в разговорах с ней. Взахлеб рассказываем друг другу про то, что бы нам хотелось успеть еще сделать в этой жизни. Идеальное идет вперемишку с прагматичным... И в какой-то миг прорывается что-то очень интимное, очень сокровенное.

Ты вдруг сказала мне,
Прервав беседы нить,
Коснувшись невзначай сиреневою веткой,
Что хочется тебе
Кого-нибудь любить,
Пусть даже безнадежно, безответно.

В Дубне любили Татьяну Бек, ждали ее выступлений на поэтических вечерах в Доме ученых. Студенты и преподаватели университета «Дубна» с замиранием сердца

слушали ее лекции о Серебряном веке русской поэзии. С 2001 г. она несколько раз приезжала в Дубну, иногда в обществе Евгения Рейна. Генрих Варденга, Олег Кузнецов, ректор университета, и его помощник Марта Моложенцева были организаторами цикла бесед из истории русской поэзии, которые Татьяна Бек и Евгений Рейн провели в стенах этого университета. Во время одной из таких бесед родилась мысль подготовить и издать антологию поэзии физиков Дубны.

И опять главную тяжесть по составлению и написанию предисловия к книге «Физики-лирики», изданной в Дубне в 2002 г., берет на себя Татьяна Бек. Берет бескорыстно, очень бережно относясь к любому проявлению поэтического начала в человеческой душе. Она героически перелопатила целую гору рукописей, которые мы, дубненские стихоплеты, ей принесли. А ведь еще были ее собственное творчество, педагогическая нагрузка, работа в периодических изданиях. В это же время Татьяна много делала для подготовки телепередач, статей, вечеров к 100-летию своего знаменитого отца. Первые дни работы над книгой она неистово страдала, пытаясь в море дневниковых, альбомных, «датских» зарифмованных строк выловить подлинные стихи. А потом успокоилась — выбрала жанр «физики Дубны (не будем спорить: мистика места существует и нашу жизнь таинственно окрашивает) как лирики!». «Пусть каждый будет представлен в этой книге хотя бы одним четверостишьем. Расслышать эти голоса во всей их непритворной честности и самобытности — это уже во власти читателя», — решила она.

Примерно в начале 2004 г. Татьяна попросила показать ей лаборатории нашего Института (до этого приезды ее ограничивались сугубо лирической обстановкой встреч с друзьями и читателями). В Лаборатории ядерных реакций им. Г. Н. Флёрва она общалась с академиком Ю. Ц. Оганесяном и директором лаборатории М. Г. Иткисом. Ей показали ускорители и рассказали об открытии острова стабильности в мире сверхтяжелых

элементов. В Лаборатории теоретической физики им. Н. Н. Боголюбова я постарался описать Татьяне, как работают теоретики.

«О интеграл! Ты — заиграл» — Татьянин экспромт на подаренной мне книге ее стихов.

«Я рада, что сделала что-то хорошее для этих людей», — призналась мне Татьяна после экскурсии по лабораториям Института.

А один интересный замысел (если бы только один!) остался нереализованным: Татьяна очень хотела начать выпуск альманаха (или журнала!) — трибуны для ученых и поэтов. Не совсем «физики-лирики», а ученые и поэты — единомышленники. Мы обсуждали, что хорошо бы привлечь к этой затее Владимира Захарова, Дмитрия Сухарева, Валерия Милаева, Михаила Пекелиса и других ярких ученых и самобытных поэтов.

Февраль 2005 г. В день, когда Пушкин был ранен на дуэли, пришла в Дубну внезапная и невыносимая весть: не стало Татьяны Александровны Бек. Не выдержало ее сердце, доброе и ранимое.

Траурный зал Боткинской больницы. Много народа. Татьяна лежит в платке — красивая. Проводы, поминки, разговоры вокруг внезапного ее ухода... А воображение упорно рисует одну картину: лето, Дубна, набережная Волги, и она — улыбающаяся и радостная в окружении любящих ее друзей. Прости и прощай, милая талантливая Татьяна.

Дубна помнит и любит тебя — как верного друга физиков-лириков....

Дубна, сентябрь 2005 г.

ИРА

У каждого, кто когда-нибудь любил, была первая любовь...

Мою первую любовь звали Ира.

Далекое 1 сентября 1955 г. Иду в школу с особым волнением: с четвертого класса мы будем учиться вместе с девочками. Девочки в коричневых школьных платьях с белыми (или черными в будни) фартуками с этого дня будут сидеть рядом с нами за партами в недалеком прошлом мужской школы № 16 г. Москвы.

Мое внимание сразу привлекает красивая с белозубой улыбкой девочка с двумя большими белыми бантами на аккуратной темно-русой головке...

«Александрова Ира», — произносит классная руководительница Александра Михайловна Матвеева. Приглянувшаяся мне девочка встает, щеки ее нежно краснеют, отчего еще более выразительными становятся ее бархатные глаза...

Уже не помню, на какой день после того памятного 1 сентября я решил проводить Иру после школы домой. А жили мы в соседних домах на (в то время) Большой Калужской улице в доме 11 (она) и в доме 13 (я). По-моему, это все же произошло в конце сентября, поскольку Ира почти сразу заболела (она болела часто), а мне надо было набраться смелости для этого первого детского, но очень важного шага... Она нравилась многим мальчикам: и Саше Бойко, и Мише Дзамашвили, и Вите Саврину. Из ее подруг помню Любу Михайлову, Лену Каменскую и Тоню Королёву. Признаюсь, что Тоня (которая себя звала Анта) мне тоже приглянулась, но Ира заняла,

и надолго, прочное (и самое главное!) место в моем сердце...

В школе мы общались немного: за одной партой нам сидеть не пришлось, на переменах поболтать с девочкой считалось «не мальчишечьим занятием», по инерции мальчишечье и девчоночье сообщества жили каждое своей жизнью. Зато после школы можно было часами болтать по телефону. Особенно привлекательным казалось объяснять Ире задания по математике, физике и другим предметам. Ира училась хорошо, а ее вопросы по наукам были скорее шансом для меня показать себя перед «предметом обожания»... Иногда мы вместе ходили в кино или театр, бывали в гостях на днях рождения у друзей. Ира была первой девочкой, которую я пригласил на танец (это был фокстрот), и первой девочкой, которую я поцеловал (в щечку).

Наши мамы Галина Федоровна (Ирина мама) и Варвара Петровна (моя мама) радовались нашей дружбе и, возможно, задумывались над нашим совместным будущим.

Но оно не случилось. Не случилось совместного будущего в привычном смысле слова. С окончанием школы начался другой (экзистенциальный) период наших отношений.

Точно не помню, когда в последний раз видел Иру, скорее всего, это было в студенческие годы.

Ира, как и многие наши друзья и подруги, поступила в Институт стали и сплавов — тогда считалось престижным учиться на инженера, да и сам институт был буквально напротив нашей школы, точнее, нашей первой школы, потому что и Ира, и несколько наших друзей, и я закончили школу № 17, чтобы не учиться 11 лет (тогда был переходный период от десятилетки к одиннадцатилетке). Мы с Витей Савриным поступили на физфак МГУ, Витя Мазо и Саша Бойко — на мехмат.

У меня тогда произошла смешная встреча с нашим старым преподавателем труда, который спросил, где я учусь. Когда я ответил, что на физфаке, он похлопал

меня по плечу и сказал, что ничего, мол, «физкультурники тоже нужны». (Интересно, почему физическая культура — это не культура физиков, а физфак не имеет отношения к институту физкультуры?)

Помню, что во время встречи с Ирой я рассказал ей этот смешной случай, и она осветила меня своей очаровательной улыбкой. Наверное, это была наша последняя встреча.

А потом... Потом долгие годы мы общались лишь по телефону. Потом Ира вышла замуж, и я женился. Не знаю, как для Иры, но для меня было важно, что я скажу Ире, когда в следующий раз ей позвоню, чтобы поздравить с днем рождения (4 декабря) или с другим праздником.

Именно первая любовь к Ире помогла мне понять, что все деяния, совершаемые мужчинами в этом мире, — это следствие любви к женщине...

Поэтому за всеми моими поступками, которые совершались уже во имя других любовей, все равно стояла первая любовь, вернее, первое чувство. В полном смысле любовью его не назовешь, хотя, кто знает, может быть, это платоническое чувство и есть основное содержание подлинной любви...

В телефонных разговорах мы поведывали друг другу о победах и поражениях, радостях и потерях (о, как много их было!). Как бы сверяли свою жизнь с детскими мечтами, с ранними неокрепшими идеалами.

Не знаю, была ли Ира счастлива в своей жизни, но точно знаю, что она не умела жить только сегодняшним днем (а это счастье!), не обременяя себя прошлым и будущим...

Однажды я позвонил Ире из Сарова, куда в командировку забросила меня научная судьба.

В детстве я мог только догадываться, кем был Ирин папа. Он редко бывал дома — я понимал, что он работает на каком-то закрытом предприятии, живет в другом городе. Как-то видел его в генеральском кителе со звездой героя на лацкане. Но никаких подробностей или

хвастовства положением отца ни от Иры, ни от ее брата Вити я не слышал.

Побывав в Сарове в музее ВНИИЭФ*, я узнал, какую большую роль в атомном проекте сыграл Анатолий Сергеевич Александров — один из первых директоров КБ-11 (впоследствии ВНИИЭФ), генерал-лейтенант, заместитель начальника ПГУ (Первого главного управления) при Совмине СССР. От друзей узнал и о непростых жизненных обстоятельствах, которые пережил генерал Александров.

Только во время этого разговора (а он произошел через много-много лет после смерти А. С. Александрова) Ира рассказала мне немного о своем отце.

В это время Ира была уже (как и я) второй раз замужем, растила дочь Татьяну, которая родилась в день смерти бабушки.

Ира уже не работала, тяжело заболел и ее муж Виктор — последние наши разговоры были больше о болезнях и потерях... На фоне Ириных переживаний мне казалось неловким говорить о чем-то другом, кроме своих болезней. Хотя радостным светлым пятнышком в наших последних разговорах были воспоминания детства.

За несколько лет до ее внезапного ухода (22 августа 2007 г.) я предложил Ире встретиться, чтобы поболтать за чашкой чая. Но Ира резко и без колебаний отвергла эту идею. «Знаешь, — сказала она, — я хочу, чтобы ты меня запомнил девочкой, которую ты любил». А в самом последнем разговоре за несколько месяцев до ухода Ира сказала: «Знаешь что — не забывай меня, пожалуйста».

Теперь мы по разные стороны света, но ее голос — так и не изменившийся за всю жизнь — звучит в моих ушах. И я часто ловлю себя на мысли: а что я скажу Ире, когда снова наступит 4 декабря...

---

* ВНИИЭФ — ныне Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики Росатома (г. Саров).

В ночь после того дня, когда я узнал, что Иры уже нет среди живых, мне привиделся какой-то немного нелогичный верлибр (а много ли вокруг нас логичного?). Нащупав на тумбочке ручку и клочок бумаги, накарябал:

Время и Память

Вернуть ничего нельзя...
Можно только сохранить то,
Что еще не исчезло
В безжалостных коридорах времени...
Эта мысль мне привиделась ночью...
И теперь я ломаю голову
Над этой извечной загадкой:
Как сохранить то, что еще не исчезло
В безжалостных коридорах времени?
Быть может, наша утомленная память
И есть это вечное хранилище того,
Что еще не исчезло
В безжалостных коридорах времени...
Время течет лишь в одном направлении,
Время способно лечить и ранить...
Память не в силах остановить мгновения,
Либо убьет — либо спасет нас Память...

Дубна, август–сентябрь 2007 г.

НАШ УНИВЕРСИТЕТ

«Университеты — непотопляемы», — гласит народная мудрость.

Именно из этого тезиса исходил Владимир Георгиевич Кадышевский (четвертый директор Объединенного института ядерных исследований — ОИЯИ), включив главным пунктом своей предвыборной программы в 1992 г. развитие образовательного направления ОИЯИ и создание международного университета «Дубна». Следует отметить, что в ОИЯИ немного раньше (в 1991 г.) уже возник университетский (учебно-научный) центр (УНЦ), который возглавила Светлана Петровна Иванова — опытный физик-теоретик, доцент МГУ. Этот центр являлся совокупностью базовых кафедр ОИЯИ в ведущих вузах России (и других стран-участниц ОИЯИ), поэтому мы исходили из стремления развивать именно эту составляющую образовательного направления. К тому же МГУ, МФТИ и МИФИ, с их высоким уровнем подготовки физиков, активно включились в формирование УНЦ, который развивался в содружестве с дубненским филиалом НИИЯФ МГУ. Позже, когда нынешний университет «Дубна» уже стал приобретать реальные очертания, это обстоятельство послужило определенным тормозом в возникновении физико-математического направления. (Именно поэтому выпускающие физические кафедры появились далеко не сразу.) Кроме того, у ряда «скептиков», включая даже активных сторонников «университетского дела», вызывал естественные опасения тот факт, что в молодом университете очень трудно обеспечить необходимый уровень подготовки специалистов — уровень, дос-

тойный Дубны. «Оптимистов» же (включая автора этих строк) подбадривала простая мысль, что, во-первых, «дорогу осилит идущий» и, во-вторых, что любой университет немислим без физико-математического направления. Отмечу также, что в условиях Дубны только союз университета и ОИЯИ может обеспечить желанную «непотопляемость».

Излишне напоминать, что в тяжелые 1990-е гг. непотопляемость и устойчивость были просто необходимы для выживания всего научно-технического и образовательного комплекса. Именно создание университета в Дубне закрепило, как элемент общей политики, преимущественное развитие триады «наука—образование—инновации» и создало в дальнейшем благоприятные условия для формирования «инновационного пояса» на основе особой экономической зоны технико-внедренческого типа.

В жизни так часто бывает, что хорошие идеи приходят практически одновременно в головы разных людей. Видимо, так было и с идеей создания университета в Дубне. Группа московских ученых и преподавателей во главе с Олегом Леонидовичем Кузнецовым (президентом РАЕН, директором ВНИИГеосистем) вынашивала планы создания в новых российских условиях экспериментального университета. Выбор пал на Дубну, где администрация города (мэр Валерий Эдуардович Прох и вице-мэр Александр Алексеевич Рац) активно поддерживала проект создания университета. Думаю, что только объединенными усилиями команд (ОИЯИ—РАЕН—администрация г. Дубны) можно было добиться успеха. Минатом (министр Виктор Никитович Михайлов) согласился передать под университет строительный комплекс военного училища (ВВСКУ), Московская область (губернатор Анатолий Степанович Тяжлов и позже Борис Всеволодович Громов) взяла молодой университет «под свое крыло» (позже он стал губернаторским!). А группа дубненских предпринимателей и строителей, в которой выделялся Куан Амиртаев, с энтузиазмом взя-

лась за доводку городка военного училища до университетского кампуса.

Конечно, по пути пришлось преодолеть много трудностей и преград, это удалось при большой поддержке, оказанной многими организациями и людьми. Но именно отмеченные вехи, именно объединенная команда энтузиастов, мне кажется, определили принципиальную возможность открытия 1 октября 1994 г. Международного университета природы, общества и человека «Дубна» и, в дальнейшем, его динамического развития в течение уже 15 лет...

15 лет — это юношеский возраст и для человека, и для университета. Память оживляет эпизоды из жизни нашего университета. Вот только некоторые из них...

Любой социальный организм (лаборатория, институт, фирма, университет) обретает устойчивость, когда возникают и укореняются традиции. Возникли они и в нашем университете. На каждой кафедре и в каждом направлении деятельности появилось что-то особенное, что отличает университет от «родительских организаций» (ОИЯИ, РАЕН или других «родственников»). Упомяну лишь о некоторых традициях, наиболее близких мне по духу...

Наряду с традицией советов (или объединений) молодых ученых и специалистов, восходящей к истории молодежного движения в ОИЯИ, Дубне, в университете сформировалась заметная поэтическая волна. Во многом это связано с такими энтузиастами, как И. Шатуновский и И. Шимон (Ярославов), плюс их друзья-коллеги. Но символически эти традиции восходят к дружбе Дубны и, в особенности, университета с такими яркими поэтами, как Татьяна Бек (к сожалению, она очень рано ушла из жизни в феврале 2005 г.) и Евгений Рейн (лауреат Госпремии, друг и учитель нобелевского лауреата Иосифа Бродского). Усилиями Олега Леонидовича Кузнецова и его помощницы Марты Анатольевны Молодоженцевой при поддержке любителей поэзии из Института (в особенности Генриха Людвиговича Вар-

денги) в 2001–2004 гг. были организованы встречи в аудиториях университета и Дома ученых (ДУ) ОИЯИ, а также факультативные циклы (курсы) лекций для студентов по истории русской поэзии. Никогда не забуду изумительные лекции Татьяны Александровны о поэзии Серебряного века... После лекций обычно уже вне рамок университетской аудитории (в кафе ДУ, либо в домашней обстановке, либо на прогулке вдоль Волги) продолжались интереснейшие дискуссии о поэзии и жизни. Тогда и родилась в нашем городе поэтическая аура, которая продолжает ощущаться до сих пор. Свидетельством тому и поэтические конкурсы «Гусиное перо», и многочисленные поэтические вечера и встречи, без которых уже нельзя представить сегодняшний университет в Дубне.

Какое чудное мгновенье,
Когда приходит вдохновенье...
Какой невыразимый гнет —
Ждать: вдруг Он больше не вдохнет!

Этот экспромт родился после душевного разговора с Татьяной, когда выяснилось удивительное созвучие наших переживаний — боязнь, вдруг Всевышний (Он!) больше не пошлет Вдохновение (а без него какой творец, какой поэт?)... Бек — Рейну: «Женя, в твоём новом стихотворении я не поняла образ, ну, который в самом конце...» «Таня, я не ожидал от тебя такого вопроса. А впрочем, я и сам не знаю — меня так увела рифма, наверное...» — доверчиво промолвил Рейн. В этом диалоге был намек на их удивительные отношения и раскрывалась кухня поэтического творчества («образы нам диктуются сверху, а рифма может увести»).

На беду, их отношения вскоре разрушились в силу сложившихся обстоятельств и бескомпромиссности Татьяны. После последней нашей дубненской встречи с Татьяной и Е. Рейном я написал стихотворение, спроецировав на себя навеянную мотивами их взаимоотношений ситуацию:

У несчастья — запах водки,
Привкус перегара терпкий...
Песня — о любовной лодке,
Что о быт разбилась в щепки.
Ты была бескомпромиссна,
Я же — конформист несчастный,
Трещина легла неслышно —
В жизни так бывает часто.
Нам бы все начать сначала —
Жить без риска, осторожно...
Но дано попыток мало,
Есть такое слово — «поздно»...

В стенах университета я познакомился со многими интересными людьми, без которых моя жизнь была бы совсем другой — менее насыщенной, менее многогранной. Кроме уже упомянутых действующих(!) лиц не могу не сказать об Ольге Викторовне Родиной, Ларисе Владимировне Лузиной, Инне Здиславовне Каманиной, чью доброжелательность и надежность я ощущал и ощущаю повседневно. Много доброго я воспринял от Николая Вадимовича Швалева, готового помочь каждому, кто нуждается в его поддержке. Всегда плодотворным было (и, уверен, будет!) сотрудничество с Михаилом Самойловичем Хозяиновым, Юрием Серафимовичем Сахаровым, Татьяной Генриховной Складновой, Инной Алексеевной Свиридовой, Светланой Владимировной Моржухиной...

Когда начинаешь упоминать кого-либо в текстах, невольно идешь по опасной тропе. Неупомянутые обижаются, упомянутые (вдруг!) слышат про себя что-то не то... Я очень прошу отнестись к моим записям снисходительно — просто память вырывает из прожитой жизни отдельные эпизоды, связанные с некоторыми именами. Ценю сотрудничество со всеми, с кем сталкивался в стенах университета, — независимо от того, получал ли я заряд положительных или (бывает!) отрицательных эмоций...

Говоря о традициях, исключительно важно вспомнить и о тех людях, с которыми повстречался и сблизил-

ся в стенах университета, из числа его гостей. Потому что за прошедшие годы (и это — замечательная традиция!) университет стал своеобразным местом встреч (клубом) многих ярких людей. Причем это клуб, известность которого перешагнула рамки Дубны и региона. Это место встреч мирового масштаба. Много новых друзей мы обрели здесь благодаря усилиям и притягивающему обаянию О. Л. Кузнецова и его помощников.

Здесь я встретился с таким уникальным ученым-медиком, как Федор Григорьевич Углов (который и в 100 лет сохранял работоспособность и живой интерес к окружающему), здесь подружился с Самвелом Самвеловичем Григоряном (замечательным ученым-механиком, темпераментным человеком), запоминающимися были встречи с американским геофизиком Д. Чилингаром и казахским дипломатом А. Абыкаевым, с видными политиками С. М. Мироновым и И. В. Левичевым... Опять я встал на опасный путь цитирования имен.

Нельзя не отметить, что, содействуя комплектованию кафедр, связанных по тематике с Институтом, я с совершенно неожиданной стороны узнал многих наших сотрудников, с которыми долгие годы работал в стенах Института. Открылись их незаурядные педагогические способности, талант работать с молодежью, высокий профессионализм в общеобразовательных дисциплинах, большая ответственность за порученное дело. Перечень этих друзей не мал, но не могу не упомянуть Михаила Петровича Чавлейшвили, Игоря Михайловича Граменицкого, Евгения Александровича Красавина, Владимира Васильевича Коренькова (который в компании с опытной Е. А. Черемисиной и энтузиастом Ю. А. Крюковым стал одним из лидеров успешного IT-направления в университете), Александра Савельевича Сорина, Алексея Александровича Владимирова, Валерия Ивановича Загребаяева, Геннадия Андреевича Емельяненко...

Общаясь и в рабочей обстановке, и в часы отдыха (новогодние вечера, дни рождения кафедр), многому

учился у своих коллег. Эти встречи помогают сформулировать новые необычные подходы к образовательным программам нашего университета, которые либо уже нашли свое воплощение, либо (надеюсь!) найдут в реализации команды нового ректора Дмитрия Владимировича Фурсаева. Дай Бог, чтобы им удалось продолжить и преумножить традиции университета, сберечь все хорошее, избавиться от недостатков (не без этого!).

С благодарностью память хранит пикник на Липне, посвященный годовщине кафедр теоретической и ядерной (руководитель Ю. Ц. Оганесян) физики. Были все студенты, М. С. Хозяинов, Д. В. Фурсаев, А. С. Сорин... Компанию украшало присутствие Марты Молодоженцевой, Ларисы Лузиной и, конечно, Людмилы Федосеевой — методиста кафедр, любимицы студентов (кстати, она в то время была студенткой-заочницей МИРЭА, поэтому, видимо, особенно чутко реагировала на все студенческие проблемы). Трудно забыть теплую и дружескую атмосферу этого праздника, украшенного хорошей летней погодой, живописной природой и осознанием союза единомышленников, которым все, даже трудные, дела по плечу...

Будучи выпускником славного МГУ, имея опыт педагогической работы в МИРЭА, МФТИ, ТвГУ, я получил ощущение родного дома только в стенах дубненского университета (несомненно, еще раньше в Боголюбовской лаборатории ОИЯИ).

Университет — это, безусловно, непростой организм, где есть место и хорошему, и спорному. Но ничто не заменит ощущение молодости, которое возникает в его стенах, ощущение востребованности со стороны подрастающего поколения, предчувствия возможности реализации любого замысла, каким бы смелым он ни казался...

Это все то дорогое, что присуще нашему университету.

Дубна, 2009 г.

«ХОРОШЕЕ — ОСТАНЕТСЯ»

Время — не только врач, но и лучший фильтр.

«Плохое — позабудется, хорошее — останется...» — верно подметил в далекие 1930-е гг. комсомольский поэт Иосиф Уткин.

Отмечаем с друзьями юности 90-летие комсомола. Улыбки, увлажненные глаза — кто вспоминает молодость без волнения?! Наперебой рассказываем смешные и грустные, незабываемые истории из нашей комсомольской биографии. Нам есть чем гордиться — много полезных дел для Отечества вынесено на плечах и моего поколения, поколения шестидесятников. Студенческая целина, стройотряды в различных уголках необъятной родины, первые советы и объединения молодых ученых и специалистов, молодежные конкурсы, конференции, школы для молодых ученых, движение НТТМ (научно-технического творчества молодежи), первые физико-математические школы и олимпиады для школьников, молодежный патруль, горячие диспуты и поэтические вечера, агитбригады и физфаковские оперы — ростки студенческого самоуправления во время «оттепели» на физфаке МГУ... Вот неполный перечень начинаний, в которых моим товарищам и мне довелось участвовать, вложить частичку своего труда и пота.

Что-то из этого перечня кануло в Лету, а что-то прошло проверку временем и живет, развивается в новых условиях, и новое поколение черпает силы из источника, родившегося во времена комсомольской молодости моего поколения. А если мысленно обратиться к поколению родителей, старших братьев и сестер? Какой

пласт содеянного комсомольцами 1920-х, 1930-х, 1940-х, 1950-х будет поднят!

Символичным мне видится тот факт, что через сорок лет после студенческого строительного отряда физфака в целиноградском совхозе (где мы строили коровники) мне с товарищами-физиками довелось участвовать в создании современного циклотронного комплекса в Астанинском (Целиноградском) университете им. Л. Н. Гумилёва. А коровники еще стоят, но уже в ином государстве, в ином (рыночном) мире.

...Рассказываю друзьям одну смешную (с сегодняшних позиций!) историю о том, как «бдительные товарищи» хотели закрыть школы молодых ученых по физике высоких энергий.

Эти школы возникли в конце 1960-х гг. по инициативе советов молодых ученых Дубны и Москвы. В 1969 г. директором ОИЯИ академиком Н. Н. Боголюбовым была поддержана инициатива проведения такой школы совместно с Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН, Женева). После согласования с Госкомитетом по атомной энергии (по линии СССР именно этот комитет тогда курировал работу международного ОИЯИ) и одобрения со стороны дирекции ЦЕРН такая школа была организована в 1970 г. в финском городке Лома Коли.

Забегая вперед, скажу, что эта традиция сохраняется уже в течение 40 лет. Школы ЦЕРН–ОИЯИ проходят регулярно (с 1992 г. такие европейские школы организуются ежегодно), через их аудитории прошли более 80 % всех активно работающих физиков — специалистов в области физики элементарных частиц, являющихся создателями и большого адронного коллайдера (монстр XXI в.!), и ряда других современных мегапроектов. Приведенная оценка была сделана моим другом норвежским профессором Эгилем Лиллестолем, непременным организатором школ со стороны ЦЕРН на протяжении многих последних лет.

Несмотря на железный занавес, существовавший между Западом и Востоком в 1970–1980-е гг., сотрудничество ученых-физиков не прекращалось. Совместные эксперименты, конференции и школы были ярким тому примером. Физики шли впереди политиков! Понятно, что это кому-то не нравилось. И вот гром прогремел в 1981 г. По воле судьбы школа-81 опять проходила в Финляндии, на этот раз в г. Ханко (известном по истории советско-финского военного конфликта начала 1940-х гг.)...

Мне довелось быть руководителем делегации участников от СССР и ОИЯИ, в которую входило несколько лекторов, руководителей дискуссий и около 20 молодых ученых из различных институтов СССР. Кроме того, в составе делегации был ответственный секретарь, который следил «за режимными вопросами». Понятно, что черновцы об этом не должны были знать, но они обо всем догадывались. И не исключаю, что определенная дистанция, которая возникла между этим товарищем (имя его, как и некоторых других, я не называю, чтобы не тревожить усопших) и представителями ЦЕРН, могла этого товарища сильно разозлить... А нам трудно было объяснить черновцам, почему член оргкомитета от ОИЯИ (так я его должен был представить) беспробудно пил, запершись в своем гостиничном номере, не говорил ни на одном иностранном языке и на лекциях появился только один раз — в первый день: искал столовую, чтобы перекусить.

Сама школа прошла успешно, особых приключений не было, но на отчете в Госкомитете Викул Владимирович Макаров-Землянский (заместитель начальника главка, курирующего ОИЯИ) отозвал меня в сторону и предупредил, что будут большие неприятности, так как поступила информация о безобразиях, творившихся на школе. Откуда была эта информация — не надо было гадать.

И вот через несколько дней в Госкомитет к его председателю Андрею Михайловичу Петросьянцу были вы-

званы директор Института, его помощники по международным связям и по режиму, а также секретарь парткома. Николай Николаевич поехать не смог (а скорее, не захотел) и поручил это мне — в то время главному ученому секретарю ОИЯИ: «Поезжайте-ка Вы, Алексей Норайрович. Это по Вашей части. Вы и на этой школе были, и к молодым ученым поближе, чем я...»

В ночь перед поездкой в Госкомитет я почти не спал, предвидя большой разнос. Алексей Иванович Романов (помощник директора по международным связям) раздал информацию о содержании доноса. Главным звеном обвинения было то, что во время школы «враждебные элементы» раздаривали майки с эмблемой «Солидарности». (В Союзе тогда враждебно воспринималось возглавляемое Лехом Валенсой движение «Солидарность».) Вывод: такие школы вредны, так как служат ареной для враждебной пропаганды. Было описано также, что один из лекторов постоянно проявлял неуважение к советским участникам: один носок у него был красным, а другой белым (это был известный теперь ученый Джон Эллис — рассеянный, но очень доброжелательный и умный человек). Лично мне инкриминировалось, что, не имея на то утвержденного задания, я агитировал финских ученых активнее сотрудничать с ОИЯИ и на вопрос о возможном членстве Финляндии в ОИЯИ принялся агитировать «за»...

А. М. Петросьянц встретил нас хмуро и попросил по очереди всех высказаться. Полился поток негативных оценок наших несчастных школ, вспоминали также ошибки и казусы из совершенно других научных поездок за рубеж. Особенно свирепствовали кадровики и режимщики Госкомитета. В. В. Макаров-Землянский, А. И. Романов молчали, а когда нас спросили, сдержанно поддержали то, что мне удалось выжать из себя в защиту школ: «Для наших молодых ученых — это очень полезное дело. Мы получаем массу важной для нас научной информации...»

Один из режимщиков в ответ буквально взвился и срывающимся голосом изрек:

— Андрей Михалыч! Конечно, полезное для них, памотак («это самое так» — слова-паразиты. — А. С.), дело! Они так и нороят эти так называемые школы с видом на море провести ... курорт, памотак.

Андрей Михайлович удивленно улыбнулся и спросил как-то подчеркнуто бодро:

— Неужели прямо-таки с видом на море?

— Да, памотак, — ответил режимщик.

— А что же им, с видом на помойку что ли школы проводить? — вдруг рассмеялся Андрей Михайлович.

Оппоненты, насторожившись в связи с переменной настроенности начальника, сразу затихли...

— Всем спасибо, я доложу руководству, — отпустил нас Андрей Михайлович.

В Дубну возвращались молча... В душе у меня теплилась надежда, что мудрый Андрей Михайлович все правильно понял и не даст погибнуть хорошему делу. Предчувствие меня не обмануло. Традиция школ была продолжена.

Много позже уже 90-летний Андрей Михайлович (а он всего несколько месяцев не дожил до 100 лет!) рассказал мне, что угроза закрытия школ была достаточно серьезной, так как «стук» дошел до И. Д. Сербина — заведующего отделом ЦК КПСС. Иван Дмитриевич поручил А. М. Петросьянцу разобраться. Андрей Михайлович после описанного выше совещания написал докладную записку в инстанцию с рекомендацией воздержаться от решительных шагов, так как целесообразно сохранить доступ к источникам научной информации.

Рассказав эту «невидимую» часть истории, Андрей Михайлович подмигнул мне и сказал почему-то: «Я же тоже был комсомольцем!»

Сейчас, конечно, многое в этой грустной истории кажется смешным.

Что с нами было — с нами было,
Что с нами есть — то с нами здесь...

А. Твардовский

В истории дубненского комсомола много ярких страниц.

Сегодня активную роль в жизни нашего любимого города играют мои друзья — товарищи по комсомолу. Это и Валерий Прох, и Владимир Трусов, и Юрий Недачин, и Валентина Кашатова, и Станислав Бабаев... Часто вспоминаю товарищей, с которыми занимались становлением советов молодых ученых в Дубне и Московской области: Виктора Матвеева, Сергея Кулешова, Генаха Мицельмахера, Сергея Карамяна, Вячеслава Сандуковского, Виктора Сенченко, Григория Ширкова, Виктора Рябцева, Виктора Аксёнова...

«Иных уж нет, а те далече».

Было бы здорово, чтобы сегодняшнее поколение молодежи унаследовало лучшее от замечательных ребят предыдущих поколений. Комсомол воспитывал преданность делу, стойкость и державность. А эти ценности инвариантны относительно преобразований, происходящих в мире...

Дубна, октябрь–ноябрь 2008 г.

ДОМ УЧЕНЫХ

Наверное, в каждом городе есть места, которые вольно или невольно становятся символами и без которых этот город уже не тот город — неузнаваемый, неуютный, неродной...

Для Дубны таким местом стал наш Дом ученых, который вместил в себя не только небольшой кинозал и маленькую «кафушку», но ауру и обаяние времени и места (Объединенный институт ядерных исследований!), где он возник, память и историю, личные и общественные радости и печали...

У каждого с ДУ (так ласково звучит привычная для нас аббревиатура) связаны свои истории, свои воспоминания. Прошлое нельзя изменить, и купить нельзя наше прошлое — оно живет в нашей памяти. И еще его хранят те места, где прошлое было настоящим, особенно места-символы, пронизывающие нас ностальгической болью...

Когда я в первый раз приехал в Дубну, чтобы получить тему для дипломной работы, так получилось, что в этот же день я и познакомился с Домом ученых. Это был 1966 г. Мы зашли в ДУ вечером с однокурсником Аликом Терлецким, чтобы немного расслабиться после трудового дня, проведенного в Лаборатории теоретической физики (ЛТФ), — были нелегкие беседы (порой напоминающие экзамены) с Альбертом Никифоровичем Тавхелидзе (тогда заместителем директора ЛТФ) и более молодыми Виктором Матвеевым и Борисом Струминским.

В то время Николай Николаевич Боголюбов (Н. Н.) начал читать для нашего курса факультативные лекции

по кварковой теории элементарных частиц, которая тогда делала только первые шаги в большой науке. Все сотрудники Н. Н. и на кафедре квантовой статистики*, где мы учились, и в ЛТФ были сосредоточены на изучении этой молодой и (как потом оказалось!) весьма перспективной области исследований. Предложенные нам темы дипломных работ тоже были связаны с кварками, так, моя дипломная работа называлась «К вопросу о модели квазинезависимых кварков».

Из менее романтических воспоминаний того памятного (в моей жизни) дня — первый нагоняй, полученный от А. Н. Тавхелидзе за недостаточные познания в квантовой механике. Позже пришлось уже в ЛТФ (будучи стажерами-исследователями с другим моим однокурсником Сергеем Кулешовым) сдавать целую серию экзаменов (решение задач по квантовой механике и, конечно, главы из книги Н. Н. Боголюбова и Д. В. Ширкова «Введение в теорию квантованных полей»). И вот как раз второй нагоняй от Тавхелидзе в этот день мы (с Аликком) получили в Доме ученых, где сидели вечером и мирно попивали «Жигулевское» пиво... В самом начале нашего тихого застолья в ДУ стремительно ворвался Тавхелидзе (кстати, в то время председатель совета ДУ) и, как нам показалось тогда, совершенно незаслуженно стал нас ругать за то, что мы вместо того, чтобы учить квантовую механику, пьем пиво...

«У каждого — свой ранг и свое занятие. Студент должен сидеть в библиотеке, а пиво в ДУ попить — этот ранг надо еще заслужить», — незло журил нас Альберт Никифорович (Алеко, как звали его друзья).

Алик не на шутку загрустил, и это стало его последним приездом в Дубну. Он решил, что такой суровый прием как-то связан с отношением к его отцу — Якову Петровичу Терлецкому (физику-теоретику, работавше-

---

* Купил журнал «Форбс». В списке самых богатых людей России Олег Владимирович Дерипаска — выпускник кафедры Н. Н. Боголюбова. Воистину неисповедимы пути Господни...

му в том числе и в Дубне, мнение о котором было неоднозначным).

У меня нервы оказались крепче, и я остался, как потом выяснилось, на всю жизнь в Дубне. В том же 1966 г., вскоре после смерти моего отца, я попал на крымскую Школу по физике элементарных частиц (проходившую в санатории «Парус»). Там я познакомился со многими учеными, которые впоследствии (так же, как и упомянутые выше Н. Н. Боголюбов, А. Н. Тавхелидзе, В. А. Матвеев, Б. В. Струминский) сыграли большую роль в моей научной (и не только научной) жизни. Там я познакомился с Б. М. Понтекорво, В. Г. Кадышевским, М. Матеевым, Нгуеном Ван Хьеу, В. П. Шелестом... Всех не перечить.

А за столом в столовой «Паруса» я оказался с Олегом Захаровичем Грачёвым — директором ДУ, который помогал в работе оргкомитету... и ловил редкие экземпляры крымских бабочек. Он был известным коллекционером бабочек (в рабочем кабинете директора ОИЯИ до сих пор хранится коробка с бабочками, подаренная О. З. Грачёвым Н. Н. Боголюбову после крымской поездки). У О. З. были хорошие связи с деятелями культуры в тогдашнем Союзе — это позволило в те времена ДУ стать незаурядным центром культурной жизни страны и, в каком-то роде, центром свободомыслия... Безусловно, этому способствовал и международный статус ОИЯИ. Приезжали артисты, писатели, деятели культуры из-за рубежа, организовывались яркие интернациональные встречи, вечера, праздники...

Память сохранила еще один эпизод из далекого далека, связанный с нашим ДУ.

«В первые месяцы своей дубненской жизни, будучи стажером-исследователем ЛТФ, я зашел как-то с Генрихом Колеровым поужинать в Дом ученых и попал за один столик с Я. А. Смородинским и с другим старшим коллегой Н. А. Черниковым. Николай Александрович с присущей ему прямоотой спросил меня: «И долго ты здесь собираешься работать?» Я ответил, что поработаю

2–3 года и вернусь в Москву, так как там у меня семья и, как коренной москвич, я хотел бы жить и работать там... «Я тоже москвич. Лет 15 тому назад так же думал. Ничего не выйдет. Дубна — это болото... Засосет!» — произнес серьезно Н. А. Я был сперва ошарашен таким выводом, но веселый смех Якова Абрамовича вернул мне утерянное душевное равновесие. «Коля шутит, — сказал Я. А. — На самом деле, тебе повезло, Дубна — это очень хорошее ”болото“!»

Теперь, по прошествии почти трех десятилетий, я с улыбкой и благодарностью вспоминаю тот давний разговор. Дубна — да, была географическим болотом, но никогда — научным и человеческим...»*

...Бережно перелистывая страницы памяти, хочется еще раз поблагодарить наших предшественников за тот великий дух, которым славится Дубна: его сохраняет и оберегает в том числе и наш Дом ученых. Поблагодарить и сегодняшних хранителей славных традиций, и среди них Дим Димыча Крюкова и Марину Дмитриевну — за их заботу о нашем ДУ. А главное — пусть Дом ученых станет любимым местом и для тех молодых людей, которые сегодня и завтра придут в нашу науку. Пусть они почувствуют этот неповторимый дух дубненского научного сообщества.

Это нужно для сохранения традиций, для передачи эстафетной палочки в будущее...

Дубна, июнь 2008 г.

---

* Из книги Я. А. Смородинского «Избранные труды» (М., 2001).

ЧУДО

Памяти отца Виктора

1

Довольно часто предметом моих дискуссий с недавно ушедшим от нас отцом Виктором Паршинцевым (настоятелем дубненского храма Похвалы Пресвятой Богородицы) был вопрос о чудесах, которые могут совершать Господь и святые...

Мне (в основе своей естествоиспытателю) всегда казалось излишним для стройности теологической парадигмы введение представления о чуде. В конце концов, если Бог — создатель окружающего нас мира, а стало быть, и законов природы, то зачем ему эти законы самому же и нарушать, дабы явить чудо? На мой взгляд, нашими же руками и в рамках законов природы может быть реализован любой промысел Господень...

Отец Виктор настаивал, что чудо — необходимый элемент. Через чудо Господь обращает в веру неверующих, укрепляет веру верующих; оно как «свобода воли» Господа...

Я в свою очередь доказывал, что, поскольку чудо практически невозпроизводимо, оно не только не может быть предметом экспериментального изучения, но и, по сути дела, недоказуемо. В подавляющем большинстве случаев речь может идти не о чуде, а о случайных совпадениях, которые по мере развития естествознания получают научную интерпретацию.

— А Вам не кажется, что случайных совпадений происходит гораздо больше, чем допускает наука? — спросил как-то отец Виктор, в прошлом научный сотрудник

Объединенного института ядерных исследований со степенью кандидата биологических наук.

— По теории вероятностей что ли?! — воскликнул я. — Это Вы считаете проявлением чуда?

— И это тоже...

2

Накануне 8 марта 2008 г. я с женой Наташей и 19-летней дочкой Настей отправился за подарками в торговый центр на Охотном ряду. Но поскольку я ужас как не люблю слоняться по магазинам, решил (запустив дам в торговый комплекс) погулять час-другой по центру Москвы.

Мое внимание привлекла, конечно, Красная площадь. Там было оживленно. У Исторического музея туристы фотографировались с двойниками Ленина, Сталина, Брежнева и Николая II. Почему-то не было двойников Хрущёва, Ельцина или, например, Александра III... Видимо, по колориту не дотянули.

Толпы людей бродили по ГУМу. Красивые пары скользили по веселенькому катку. Вот небольшая очередь желающих попасть в Мавзолей В. И. Ленина. А почему бы и мне не бросить взгляд на мумию развенчанного вождя? Два раза я уже бывал в Мавзолее: однажды, когда Ленин там лежал со Сталиным (это было в моем далеком детстве), а потом — в моей комсомольской юности, когда Ленин уже снова лежал один.

За порядком в очереди наблюдали милиционеры, к которым периодически подходили старички и старушки с просьбой пропустить на коммунистический митинг у Мавзолея...

Старушка:

— Пропустите, нам надо на митинг!

Милиционер:

— Здесь прохода нет, поищите организаторов митинга.

Старушка:

— Нам обещали по 200 рублей.

— А может, у них уже партийная касса лопнула, — смеется милиционер...

Стою... Через 15–20 минут пропускают к металлической рамке, где молодые офицеры у входа в периметр вокруг Мавзолея проверяют граждан на наличие металлических и прочих нехороших предметов. Мобильники с фото- и видеокамерами требуют сдавать в камеру хранения, что в Историческом музее. Сдаю свой мобильник. Прохожу второй раз. Рамка звенит. Ах, забыл, что у меня в кармане кошелек с ключами. Выкладываю его на столик у рамки. Прохожу еще раз. Оборачиваюсь на столик. Ой, блин, где мои ключи?

Офицер:

— Проходите, проходите, молодой человек.

— Какой я Вам молодой человек, мне уже за 60, пропали мои ключи! — реагирую я.

Офицер:

— Это Ваши проблемы. Мы за пропажи не отвечаем.

Я понял, что, как сейчас говорят, «базарить» бесполезно. Вокруг не было никого, кто мог бы случайно прихватить мое имущество. Побрел, огорченный, к Мавзолею, обдумывая неприятные последствия пропажи.

Перед входом в знакомое с детства творение архитектора А. В. Щусева красные флаги, старички, старушки — митинг.

«Лежит наш святой...» — доносится до меня высокий старушечий голос.

Тут доходит до меня странная мысль: если святой, то он может совершить чудо! Стоит только как следует попросить... Для человека, которого только что постигла пропажа, самое первое чудо — найти ее.

Вот я и вхожу в мавзолейное помещение, бормоча под нос что-то типа: «Дедушка Ленин, помоги вернуть исчезнувший кошелек с ключами, я тебя очень про-

шу...» Почему-то в таких случаях к святым обращаются на «ты».

— Не бормочите, молодой человек, здесь соблюдают тишину, — сделал замечание прапорщик.

— Я не молодой уже человек, но простите, я просто задумался.

Бреду дальше. Он (Ленин) не изменился за эти годы...

Выхожу к Кремлевской стене, уже не верю в чудо, уже противно думать о последствиях пропажи: некоторые ключи были в единственном экземпляре...

Кремлевская стена. Какие разные люди упокоились здесь вместе! Герои и злодеи, жертвы и палачи, гордость и позор Отечества. А впрочем, то же можно сказать про любое кладбище и, наверное, про любое поселение мертвых и живых...

Забыл про чудо. Но все же, возвращаясь к рамке, опять спрашиваю офицера, не находили ли моих ключей. В ответ удивленно-презрительный взгляд. Что же, чудо не состоялось?!

Выхожу из камеры хранения, бреду к выходу с Красной площади, и вдруг... Меня догоняет офицер. В руках у него мой кошелечек с ключами.

— Вот Ваша пропажа, какой-то итальянец вернул. Он прихватил их случайно вместе со своим барахлом. Хорошо, что порылся в своих карманах здесь, а не в Риме.

— Спасибо, спасибо. И ... дедушке Ленину спасибо, по-другому он бы не смог мне вернуть пропажу.

Немая сцена.

3

27 апреля 2008 г. Поздняя православная Пасха.

Утром с женой Наташей идем на Воробьевы горы в церковь отдать дань замечательной традиции. Вспомним усопших, помолимся о здравии близких!

Много думаю об учителе Николае Николаевиче Боголюбове.

Он жил в корпусе «Л» главного здания Московского государственного университета, профессором которого был более 40 лет. Церковь, куда мы шли, была посещаемой им многократно. В ней отпевали его жену — Евгению Александровну Пирашкову...

Последняя моя встреча с Николаем Николаевичем была в декабре 1991 г. В феврале 1992 г. его не стало.

Николай Николаевич рассказывал о первых выборах президента РАН (им стал Юрий Сергеевич Осипов). С грустью вспоминал ушедшего за несколько дней до этого Михаила Константиновича Поливанова — блестящего ученого, ученика Николая Николаевича.

Интересовался моим здоровьем — я только что переболел гепатитом А (болезнь Боткина).

Николай Николаевич:

— Выпейте немного виски (это был его любимый напиток. — А. С.).

Я:

— Ой, нет, Николай Николаевич, мне теперь совсем нельзя пить.

— Вы даже и на Пасху не выпьете? — спросил меня, прощаясь в тот памятный день, Николай Николаевич.

Это были его последние слова, сказанные мне.

...Идем к церкви, а в голове проносятся яркие и теплые воспоминания о Николае Николаевиче. Пасха была его любимым праздником.

В церкви идет пасхальная служба. Ставлю свечи: за упокой дочки Анечки (6 мая у нее день рождения), мамы, папы, брата Иосифа (позавчера отметили его 70-летие в любимом им ФИАНе), учителя Николая Николаевича Боголюбова...

Наблюдаю за пламенем свечи, как бы стремясь установить духовный контакт... В церкви по-пасхальному открыты врата алтаря, не жарко, хотя все светится от негасимого иерусалимского огня.

В тот момент, когда ставлю свечу за упокой Николая Николаевича, что-то привлекает мое внимание. Поворачиваюсь налево — рядом стоит ... Николай Николаевич Боголюбов — сын моего Учителя с дочкой Женечкой.

Случайность? Но знаменательная случайность. Мог ли Учитель более рельефно дать мне знать, что слышит мои молитвы?

Может, эти истории покажутся неубедительными... Опять — случайные совпадения?! Конечно, можно верить, можно не верить. Есть чудеса или нет?.. Каждый пусть решает сам.

Но мне все чаще, отец Виктор, кажется, что «случайных совпадений происходит гораздо больше, чем допускает наука»...

Дубна–Москва, 2008 г.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОТЦА*

Когда умирает ученый,
умирает целый мир.

Восточная мудрость

Судьба не дала ему времени оглянуться назад. Он умер, как горная птица в полете, когда внезапная стрела в сердце переворачивает мир. Последнее, что он мог увидеть, умирая, был потолок его лаборатории...

Но судьба подарила ему счастье быть первым: вожак молодежи в своем родном селе; ведущий советский биохимик, стоявший у истоков молекулярной биологии; один из первых в новой науке — космической биологии; первый советский человек, который возглавил крупнейшее международное собрание — Генеральную конференцию ЮНЕСКО...

«Когда умирает ученый, умирает целый мир».

Мир идей и размышлений; мир не родившихся еще теорий и готовых родиться гипотез; мир только ему присущих мыслей, которые не успели стать мыслями многих. Умирает мир ученого — полный ясных и точных представлений о нашем большом мире, полный гениальных, но смутных догадок, а порой и заблуждений. И это — как закон жизни — необратимо...

Научные труды и высказанные идеи остаются, остаются последователи и ученики, но неповторим жизненный путь человека и облик его. Его голос, интонации,

---

* Академик Норайр Мартиросович Сисакян. На путях к населенному Космосу: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2001. С. 138–153.

его улыбку и характерный поворот головы, и то, как он радовался или сердился, и рассказывал о памятных днях своей жизни — все это трудно разглядеть за строгими фразами научных статей. Но облик человека хранит память людей, знавших его.

Из родословной...

Папа родился 25 января (по новому стилю) 1907 г. в армянском селе Аштарак. В 1963 г. Аштарак стал городом и районным центром. Этот город и его окрестности широко известны, и не только в Армении. Эчмиадзин — столица Армянской апостольской церкви, небольшой город, где в 301 г. произошло крещение Армении и были построены первые христианские храмы. Здесь же по сей день расположена резиденция католикоса всех армян. Один из католикосов, Нерсес Аштаракец, родом из Аштарака, был крупным общественным деятелем в начале XIX в. Он инициировал и благословил присоединение Восточной Армении к России, что было историческим и осознанным событием, спасшим армян от османского ига.

В нескольких километрах от Аштарака живописно расположено село Ошакан, где жил и был похоронен великий просветитель, автор современного армянского алфавита Месроп Маштоц. Часовня с его могилой в Ошакане является одним из наиболее посещаемых мест в Армении.

Среднее образование папа получил только к двадцати годам в Ошакане и Эчмиадзине, так как в Аштараке была только начальная церковно-приходская школа, где он учился с 1914 по 1916 г.

В XIX в. Аштарак подарил Армении великого писателя-сатирика Перча Прошьяна. Пьесы, поставленные по его произведениям, до сих пор не сходят со сцен театров Армении. Он был писателем, остро чувствующим социальные проблемы общества. Его сын, Прош Прошьян, был одним из лидеров левых эсеров, сорат-

ником Марии Спиридоновой. Он внезапно умер вскоре после эсеровского мятежа 6 июля 1918 г. В Аштараке родился и другой известный революционер, Григор Григорян. Аштаракская земля дала много ярких имен поэтов, писателей, артистов, ученых. Среди них Смбат Шахазиз — крупнейший поэт прошлого века; Георг Додохян — автор популярной песни «Цицернак»; Геворг Эмин — поэт, лауреат Государственных премий СССР; Вардгез Петросян — писатель, многолетний руководитель Союза писателей Армении (убит в 1994 г. в подъезде дома, где он жил); Вагаршак Маргуни — народный артист республики; Григор Капанцян — академик, ученик и последователь лингвиста-востоковеда Н. Марра...

Аштаракский район сегодня вместил в себя и знаменитую Бюраканскую обсерваторию, и Нор-Амбертскую станцию космических лучей Ереванского физического института, несколько институтов Академии наук Армении, Армянскую атомную электростанцию. Здесь многие годы работали крупные ученые: Виктор Амбарцумян (умер и похоронен в Бюракане в августе 1996 г.), братья Алиханян и другие видные деятели науки.

Есть и еще одно важное обстоятельство, почему Аштарак является историческим местом в Армении. Это многовековая традиция виноградарства и виноделия, которая развивается в тяжелейших ландшафтных условиях: Аштарак и его окрестности — это страна камня. Однако прекрасные сухие вина и коньяки, лучший армянский херес с незапамятных времен обязаны своим рождением аштаракской земле. Аштарак, Эчмиадзин, Ошакан — этикетки с такими названиями можно встретить на бутылках с марочными винами. Следует заметить, что аштаракцы известны в Армении как большие любители шуток и розыгрышей, носители традиций народного юмора.

Как капля воды несет в себе все химические свойства Мирового океана, так и в отдельной семье часто фокусируются элементы истории и традиции родного края.

Мартирос Сисакян — отец Норайра — был главой большой и уважаемой в Ашгараке семьи; как и его предки, он был виноделом и владел крепким хозяйством. Он родился в середине XIX в. (1849 г.), прожил долгую трудовую жизнь и умер в 1932 г. в городе Ленинакане, где жил последние годы в семье младшей дочери Марии. Мать Норайра, Сатеник Парзян, была почти на 25 лет моложе своего мужа. Она занималась домашним хозяйством, воспитывала многочисленных детей, была женщиной умной, с которой часто советовались односельчане. Умерла рано, в возрасте 45 лет, в тяжелый голодный 1920 г. Их брак с Мартиросом был вторым как для него, так и для нее. Общих детей было трое — Ашот, Норайр и Мария. Среди старших детей — Арутюн был поэтом, умер в юношеском возрасте; Шаварш — юристом, дожил до глубокой старости и умер в Ереване в 1957 г.; старшая сестра Вартуи тоже прожила большую жизнь, умерла в конце 1950-х гг. Она была женой внезапно разбогатевшего ашгарака Арамяна, получившего наследство от своего дяди Смбата Шахазиза.

По свидетельству Вартуи, дед Мартироса, Тер-Ованес, был священнослужителем. Она также любила рассказывать историю о том, что семья ашгарацких Сисакянов берет свое начало от разорившихся сյонийских князей, род которых известен с VI в. Наиболее известны братья Сисакян, которые были сподвижниками Геворга Марзпетуни — полководца времен Тиграна Великого. Однако никаких доказательств подлинности этой версии не существует. Упоминание о князьях Сисакян можно найти в известном историческом романе Мурацана «Геворг Марзпетуни».

Ашот был одним из руководителей Ашгарацкого совета в 1930-е гг., расстрелян в 1937 г., реабилитирован посмертно в 1957 г. Его семья (дочь, два сына и внуки) живут и работают в Ашгараке*. Папина сестра Мария

---

* Сыновья Ашота — Сейран и Гагик и дочь Сатеник умерли на рубеже XX и XXI вв.

была мастером на ткацком производстве, избиралась депутатом Верховного Совета Армении, умерла в 1986 г. Ее дети и внуки живут и работают в Ереване*.

А теперь несколько слов о семейных научных традициях, о папиных продолжателях... Мама наша тоже была научным работником-агрохимиком, работала в ВИУАА** . Соседка по коммунальной квартире часто говорила: «Варя, когда же ты напишешь диссертацию?» А та ей отвечала, показывая на детей: «Да вот они, три мои диссертации, бегают!» И мама оказалась права. Иосиф, Людмила и Алексей принесли шесть диссертаций, а всего в нашей большой семье было защищено их целых двенадцать. Семья Сисакяна дала более 1200 научных работ и более 100 диссертаций учеников.

Людмила — доктор филологических наук, руководитель научного центра в Институте славяноведения и балканистики РАН. Ее муж, Ю. А. Будагов, — известный ученый-физик, профессор.

Особо хочется вспомнить об Ивочке — Иосифе Норайровиче, который безвременно ушел из жизни в 1995 г. в возрасте 57 лет.

«Профессор школы Физического института АН СССР Иосиф Норайрович был активным и разносторонним ученым, одним из создателей и идеологов компьютерной оптики, известным специалистом в области лазерной физики, вычислительной техники, научного приборостроения. Он многого достиг в науке, свидетельством чему стала Государственная премия России за 1992 г.» (журнал «ЛазерИнформ», № 84, ноябрь 1995 г.).

Государственную премию он получил за приборы для новой космической техники (тоже традиция отца).

Мама и папа для нас, их детей, были и остаются самым высоким жизненным примером!

---

* Сыновья Марии — Роберт и Альберт — умерли в 2002 г., дочь Тамара со своей дочерью Марией живет в Ереване.

** Всесоюзный институт удобрений, агрохимии, агропочвоведения. — *Примеч. ред.*

Эпизод из детства

Папа жил в небольшом селении Аштарак, в далекой стране горного камня и холодных прозрачных озер.

Как-то он в доме своего друга Вагаршака Маргуни (будущего народного артиста республики) получил в подарок книгу Дарвина. Она захватила воображение мальчика. Может быть, это было первым толчком к пробуждению его любознательности.

Как и все его сверстники, он помогал отцу работать в саду и в поле и был озорником. Как-то с другом забрели в церковь. Это было самое большое в селе сооружение, торжественное и величественное, но в нем обитал священник, толстый и важный, как индюк. Часто Норику и его маленьким товарищам попадало от него за шалости, да и просто так. В тот день священник с довольным видом распевал свои молитвы, перед ним тянулись ряды сосредоточенно бормочущих женщин. Они стояли на коленях, и их длинные черные платья казались примерзшими к каменному полу.

Вдруг Норику пришла озорная мысль. Вмиг был найден друг-союзник, Татевос. И вот ребята уже ползают между рядами и черными суровыми нитками, взятыми у знакомого портняжки-ровесника, сшивают платья молящихся женщин. Время от времени, для маскировки, они останавливаются и делают вид, что тоже молятся. Священник сердито поглядывает на ребят, но ничего подозрительного не замечает. Он даже как будто доволен. Думает, наверно: «Наконец-то эти сорванцы обратились к Богу». Но на всякий случай грозит им пальцем. Женщины ворчат: «И помолиться-то спокойно не дадут эти ”уимбазы“^{с*}». Но вот и делу конец. Более осторожный, старший по возрасту на 2–3 года, Татевос удирает, а Норик прячется в церкви, чтобы взглянуть на лицо священника, выражающее ужас, когда он увидит, что женщины пришиты друг к другу. И он слышит шум и крики

---

* Сорванцы (арм.).

о каре Божьей. Норика замечают. Священник догадывается об истинных причинах внезапной религиозности сорванцов, и Норика постигает «кара Божья» в лице церковного сторожа.

Разве могли знать они, что этот маленький, полутрамотный армянский паренек, хотя и в 16 лет, но научится писать и считать, а через несколько лет скажет: «Очень хочется учиться».

Разве знали они, что гонятся за маленьким сорванцом по той самой улице, которая в будущем будет носить его имя, имя академика Норайра Сисакяна?

А. Н. Бах

«Когда я мысленно перебираю своих молодых сотрудников, перечисляю их успехи и достижения, я ощущаю радостное удовлетворение: отличная есть у нас молодежь. У меня работает аспирант Сисакян». Это строки из записок основателя отечественной биохимии — академика А. Н. Баха. Записки относятся к 1935–1936 гг. Алексей Николаевич уже тогда был глубоким стариком (ему было почти восемьдесят лет). Норайр Мартиросович Сисакян был младше своего учителя на полвека.

Они познакомились в начале 1935 г. на заседании Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. Сисакян делал доклад о значении фосфорной кислоты в углеводном обмене сахарной свеклы. Через два дня после этого А. Н. Бах пригласил молодого коллегу в аспирантуру вновь созданного Института биохимии Академии наук СССР.

Тогда и началась их дружба — дружба юноши и старика, которых объединяла великая сила: любовь и преданность Науке.

Их тянуло друг к другу. Каждого по-своему. Молодого ученого привлекал мудрый и светлый ум замечательного старика, его опыт, энциклопедические знания. Академик Бах видел в Сисакяне своего сына по науке, свою молодость.

Незадолго до смерти Алексей Николаевич писал: «Я люблю беседовать с Сисакяном. Меня увлекают его стремительность и быстрота. Это трепещущий человек с учащенным пульсом».

Прошло много лет. А. Н. Бах и после смерти не ушел из жизни и научной судьбы своего ученика. Он остался жить в мыслях и разговорах. Память о нем бережно хранилась. Куда бы вы ни пришли к Сисакяну — в институт, в Президиум АН или домой, — вы увидели бы рядом с ним академика Баха: над письменным столом его большой портрет, на столе книги Баха и о Бахе.

Сыновьям и ученикам Сисакян не раз говорил: «Своими достижениями я во многом обязан Алексею Николаевичу. Он научил меня видеть главное в научном поиске. У меня есть знакомые, которые по своим способностям стояли очень высоко, но сейчас в их работах видны крупные просчеты из-за недостатков научной школы. Для будущего ученого хорошая научная школа, пожалуй, самое главное!»

И дальше Нораир Мартиросович часто рассказывал: «Алексей Николаевич Бах был очень строг и требователен к своим сотрудникам. У нас с ним произошел спор по поводу названия моей будущей докторской. Алексей Николаевич не уступал, а я был молод и горяч и как-то прямо спросил его, что, очевидно, такую его требовательность и настойчивость следует понимать как желание со мной расстаться. Он ответил: ”Если бы мне не было дорого все, что связано с твоей будущей научной работой, мне, может быть, было совершенно безразлично название твоей диссертации“».

Нораир Мартиросович учился у Баха быть учителем. Строгость и требовательность к себе и ученикам, человеческое внимание к творчеству и к судьбе молодых — основные принципы Сисакяна. И «внуки» Баха росли влюбленными в науку о жизни, в прекрасную науку биохимию.

Этот короткий рассказ об учителе и ученике хочется закончить словами Сисакяна о Бахе, которые сегодня

с полным правом можно отнести и к нему самому: «Когда я думаю о жизненном пути Алексея Николаевича Баха, мне часто приходит в голову сравнение его многогранного облика — революционера, выдающегося общественного деятеля и одного из замечательных людей нашей науки — с большим художественным полотном, которое трудно понять и оценить на близком расстоянии, потому что и мы, близко с ним соприкасавшиеся долгие годы его ученики и сотрудники, не могли, конечно, его полностью понять и оценить... К сожалению, в жизни такое отдаление является необратимым».

ЮНЕСКО

Норайр Мартиросович Сисакян был человеком, общение с которым обогащало. В разговоре он не избегал ярких и образных выражений, но вместе с тем не был многословным. Простота, находчивость, внимание к народным обычаям, юмор позволяли ему одинаково быстро находить общий язык как со школьниками, так и с губернатором из далекой страны.

Все эти качества, а также большое личное обаяние и доброта к людям не раз помогали установлению дружеских отношений между советскими и зарубежными учеными, потому что только общение, согретое сердечной теплотой, ценится людьми независимо от их положения. Несколько ярких примеров приведено в книге Андрея Львовича Курсанова*.

Последние 10 лет жизни Норайра Мартиросовича были тесно связаны с ЮНЕСКО. На заседании исполкома этой организации шла дискуссия. Только что закончил свое выступление советский представитель. Образная речь «русского профессора», аргументированные «русские предложения», направленные на укрепление мира, по-разному действовали на членов исполнительного совета. Представительница восточной страны**

---

* Курсанов А. А. По Франции и Западной Африке. М., 1956.

** Индира Ганди.

в яркой национальной одежде одобрительно кивала головой. (Это она через несколько лет, когда ей предложат в противовес советской кандидатуре на пост председателя Генеральной конференции выставить свою кандидатуру, скажет: «Кандидатура академика Сисакяна — это моя, это наша кандидатура».)

Представитель Польши встретился глазами с только что выступившим, и по жестам и выражению лица можно было понять, что он поздравляет его с успехом.

Американский представитель* (англичанин по происхождению) невозмутим. Выждав, когда пройдет оживление, он берет слово. «Если пользоваться биологическим термином, — заканчивает он свое краткое выступление, — русская программа является ”недоношенной“!» И с выражением победителя садится на место.

Многие оборачиваются на советского профессора: может быть, сегодня они увидят растерянность на его лице. В ответ нельзя молчать. Как бы ни были разумны твои предложения, порой остроумная реплика соперника может перечеркнуть все усилия. Как нужно сейчас привлечь сидящих здесь людей на свою сторону! Трудно сказать, подумал ли об этом Сисакян, скорее всего, нет. Но факт в том, что, повернувшись к американцу, он сказал: «Господа, разрешите вам напомнить, что Ньютон тоже родился недоношенным, он появился на свет семимесячным, но это не помешало ему быть великим». После голосования выяснилось, что советскую программу поддержало большинство.

Случай

Произошло это в Париже в то тревожное для французов время, когда тенью на мирные мостовые легли три буквы — ОАС**.

---

* Сенатор Бентон.

** ОАС — террористическая организация, действовавшая во Франции в начале 1960-х гг.

Один из друзей Сисакяна по работе в ЮНЕСКО организовал воскресную прогулку в пригородный лес Парижа. День был теплый и солнечный. Шла весна 1964 г. Кортёж из нескольких машин замедлил ход около поворота на просторную поляну, где было решено остановиться. Пока шли приготовления к пикнику, Сисакян, увлеченный маленькими тайнами весеннего леса, пошел по узенькой тропке в ту сторону, где, как ему показалось, должно было проходить главное шоссе. То, что это шоссе долго не обнаруживало себя, поначалу его ни капли не смущало. Все было ново. Радость от того, что можно, наконец, встряхнуться от напряженной и утомительной работы, близкие голоса друзей — все это успокаивало, и было лишним запоминать обратную дорогу.

Сисакян шел, улыбался, о чем-то думал. Может быть, вспоминал о Москве, о своей Варюше, о ребятах, мечтал, как через несколько недель он снова окажется дома и как, выбрав свободное воскресенье, они всей семьей махнут на дачу и будут жарить шашлык.

А может быть, даже скорее всего, он думал о своих делах. Но солнечный день придавал сил, и поэтому они не представлялись сегодня сложными, трудноисполнимыми. Все казалось радостным, легким, все было по плечу.

Неожиданно Сисакян поймал себя на мысли, что он уже не слышит голосов, что он сбился с тропки и шагает по мокрым прошлогодним листьям. Приложив руку ко рту, он крикнул, но ответа не было.

Крикнул еще и еще...

Судя по солнцу, прошло уже несколько часов, но блуждания по лесу ни к чему не привели. Страшно захотелось есть. Весь комизм или трагизм положения заключался в том, что сегодня вечером он, Сисакян, устраивал прием. Возможно, гости уже съезжаются, а «хозяин» бродит где-то в нескольких милях от Парижа и никак не может выбраться из бесконечного лабиринта деревьев. Успокаивало только то, что Париж был близко, да и должны же быть где-то поблизости населенные пункты.

И надежды оправдались. Сисакян услышал голоса людей и сквозь чащу деревьев разглядел подводу. Он рванул по прямой через кусты, боясь потерять из виду тех, кто должны были стать его спасителями. Но каково же было его недоумение, когда он увидел, что люди, заметив его, стали что-то испуганно кричать и сильнее погонять лошадь и та все дальше и дальше уходила от него вместе с подводой и «экипажем».

Оставалось только одно — ждать. Сисакян устроился у обочины лесной дороги. Усталость от многочасовой ходьбы давала о себе знать. Немного отдохнув, он решил идти по дороге — должна же она вывести его к какому-нибудь жилью! Шел долго, лес начал редеть, показалось поле, и — о радость! — он увидел людей. Их было двое — мужчина и женщина. Судя по одежде — крестьяне. Подойдя поближе, Сисакян окликнул их. Оба вздрогнули, обернулись и неожиданно подняли руки вверх. Норайр Мартиросович тоже растерялся, а от растерянности французские слова никак не связывались в необходимую фразу.

«Почему вы испугались? Я советский профессор», — произнес, наконец, Сисакян, подозревая, что его за кого-то приняли. Испуганные крестьяне переглянулись и заулыбались дружелюбно.

Оказывается, в этой местности орудовали банды осовцев и крестьяне приняли незнакомого человека за одного из них.

В эти минуты комиссар полиции отдал распоряжение начать поиск пропавшего советского академика.

Неписанный закон

Академик Сергей Васильевич Дурмишидзе:

«Беседовать о дружбе всегда приятно, тем более, когда хочешь рассказать о человеке очень для тебя дорогом, хочешь сообщить о его качествах, высокой гражданственности и большой сердечности и поделиться вос-

поминаниями с теми, которые его не видели и в дальнейшем никогда не увидят.

Моего большого друга, академика Норайра Сисакяна, уже нет среди нас, но настолько теплый, настолько глубокий след оставил он в моей жизни, что пусть не обидятся мои старые друзья, которые, как говорится, для меня дороже жизни, если сегодня я расскажу не о них, а об ушедшем от нас человеке.

Академик Норайр Сисакян, сын армянского народа, помимо огромного таланта, действительно был награжден необыкновенной добросердечностью, тем большим чувством к ближнему, о котором бессмертный Руставели поет вечными словами:

Для друга друг никогда не уклонится от беды,
Сердце отдаст и любовь, чтоб помочь ему
Преодолеть опасности жизненной дороги...

Да, в беде проверенным товарищем был Норайр, много раз помогал другу, испытывающему трудности, и много раз для друга брал на себя такую ответственность, которая граничила с самопожертвованием.

Это было в 1949–1951 гг. Тогда я работал в Институте биохимии им. А. Н. Баха. Дела пошли таким образом, что необходимо было успеть провести множество экспериментов в очень короткое время. Некоторые из них длились непрерывно в течение 24–48 часов. Мне необходимо было работать и по ночам, однако в тот период, когда наша страна вела напряженные послевоенные восстановительные работы, когда каждый труженик берет государственную копейку, энергию, топливо, было запрещено после семи часов вечера научным работникам находиться в здании института.

Норайр Сисакян работал заместителем директора и лично нес полную ответственность за работу института. Его директор, академик Александр Опарин, не вмешивался в решение многих дел.

Когда о моих затруднениях стало известно Норайру, он попытался получить официальное разрешение, что-

бы я и по ночам находился в лаборатории, однако ему в этом отказали, так как, если даже один человек работал бы ночью, во всем здании требовалось держать включенным освещение, водопровод и технический ток.

Отказ озадачил Норайра. Драгоценное время шло, и я уже не успевал сделать то, что было обязательно для научного исследования. Через несколько дней Норайр зашел в мою рабочую комнату и сказал:

— Для друзей ведь существует неписанный закон о том, чтобы в случае беды друг ради друга жертвовал собой?

— Ну и что отсюда?

— То, что с сегодняшнего дня можешь работать и днем, и ночью.

Он взял на себя очень большую моральную, материальную, государственную ответственность. С того дня я смело начал проводить продолжительные опыты, и они внесли много нового в мои научные исследования.

Многочисленному коллективу института скоро стало известно о решении Сисакяна. Многие были удивлены и спрашивали: «Да, но зачем стал Норайр ни с того ни с сего создавать для себя такие трудности? Почему поставил на карту свое положение и должность?»

Об этом несколько раз говорили и лично Норайру, но он всегда отвечал с улыбкой:

— Друзья, помимо писанных правил существует еще и неписаное ... И это — дружба грузинского и армянского народов.

Самоотверженный, преданный, сердечный, большой ученый и гражданин — таким был Норайр Сисакян, таким он и остался для меня, для всех, кто его знал, кто имел с ним хоть какое-то дело»*.

---

* *Дурмишидзе С. В.* Эпизоды прошлого / Пер. А. Н. Квинихидзе. Тбилиси, 1985. С. 246–247.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Но его успехи не были легкими. Один из наиболее напряженных моментов — борьба крайних позиций в биологической науке. Ареной этой борьбы стало Отделение биологических наук АН СССР, которое Н. М. Сисамян возглавлял несколько лет. Нелегко ему приходилось и до назначения на пост академика-секретаря. Многие годы как заместитель главного ученого секретаря он нес ответственность за судьбу биологии в «Большой Академии».

Конец 1950-х гг. Дождливый ноябрьский день, освещенный алыми транспарантами демонстрации, плывущей по Красной площади. Мы стоим с отцом на одной из трибун слева от Мавзолея В. И. Ленина. Увлеченный праздничным шествием, я вдруг вздрагиваю, услышав совсем рядом сильно перевернутое: «Норайр Мартирозович?» Голос негромкий, слегка скрипучий, но твердый.

— Приветствую Вас, Трофим Денисович.

— Что это Вы там такое понаписали в проекте постановления по биологии?

— Мы тщательно обсуждали проект в Биоотделе, советовались с химиками и медиками. Александр Васильевич* и Александр Николаевич** тоже одобрили наши предложения. Да и Ваше письмо мы учили...

— Нет, нет — совсем не то. Вредный проект. Я буду жаловаться.

— Это Ваше право, но те направления, против которых Вы возражали, не могут быть исключены. Они жизненно необходимы в связи с начавшимися медицинскими и биологическими опытами на спутниках...

Сухонький невысокий человек резким движением поправил свою большую кепку. Трудно было понять,

---

* Александр Васильевич Топчиев — главный ученый секретарь АН СССР.

** Александр Николаевич Несмеянов — президент АН СССР.

что это — жест прощания или признак нервозности. Однако лицо, хорошо знакомое по портретам из школьных учебников биологии, не дрогнуло и продолжало выражать уверенность, присущую сильным и одержимым людям.

Домой отец и я шли, как обычно, пешком через Малый каменный мост, Якиманку, через Калужскую площадь — и так до дома № 13 на Большой Калужской улице. Теперь это Ленинский проспект, известный всему миру как магистраль науки, дорога космонавтов. Здесь же, недалеко от нашего дома, была папина работа. В доме №14 располагался Президиум АН СССР, а в доме №33 — Институт биохимии, где он проработал тридцать лет, где и умер внезапно 12 марта 1966 г. за письменным столом своего кабинета, работая над статьей о роли биохимии в медицине. Когда я проезжаю мимо этого дома, всегда стараюсь сквозь гущу деревьев разглядеть светлое пятно мемориальной доски, установленной в память об отце.

...Вернемся мысленно опять в тот ноябрьский день, когда долго молча мы шли с отцом через празднично оживленный город. Он шел широким, но не тяжелым шагом, характерно нахмутив брови и заведя руки назад. По сосредоточенному выражению лица я догадывался, что мысли его — продолжение того разговора. Он настолько был поглощен ими, что, казалось, забыл про меня. Через несколько шагов я понял, что это не совсем так:

— Мой маршал, ты совсем замерз...

Папа часто так шутливо обращался ко мне и к брату. Обычно это обращение наполеоновских времен предшествовало нашему с папой серьезному разговору о жизни, о его работе, нашей учебе. Думаю, что оно как бы подчеркивало в нас не только детей, но и помощников, соратников. И разговоры наши были похожи, скорее, на беседы размышляющих вслух друзей.

«Ты говоришь, что хочешь стать ученым. Мне бы очень хотелось, чтобы ты с самого начала понял, что в науке любая гипотеза имеет право на жизнь. И только в

развитии и сопоставлении с опытом порой через многие годы идея доказывает свою правоту или ошибочность... Люди, которые не понимают этого, не способны воспринимать новое и часто тормозят движение вперед, мешая другим работать и доказывать научную состоятельность их направления. И такая борьба в науке становится несправедливой, если непониманием страдают люди влиятельные, властные...» — объяснял мне отец.

Только через много лет, уже сам «окунувшись» в науку, я стал понимать значение этих слов. И через много лет после того памятного разговора я узнал, что этот принцип (принцип справедливости и объективности в борьбе научных идей) помог отцу, несмотря на большие сложности, способствовать нормализации обстановки в Биоотделении... Ряд ученых, отстаивавших новые идеи, получили тогда возможность для проведения научных исследований.

В связи с развертыванием работы по реализации медико-биологической программы в космосе новые направления помогали решать практические задачи космонавтики...

В частности, академик Н. П. Дубинин в своей книге «Вечное движение» (М., 1989) вспоминает: «После полета первого искусственного спутника Земли я обратился к главному ученому секретарю А. В. Топчиеву и его заместителю Н. М. Сисакину и предложил им на рассмотрение план генетических исследований в космосе... Эта программа была принята, и Лаборатория радиационной генетики стала регулярным участником работ по медико-биологической программе космических исследований».

Один из физиков старшего поколения, академик М. А. Леонтович, как-то говорил мне: «Жаль, что не многие знают, а Нораир Мартиросович буквально спас многих талантливых биологов и тем самым те научные направления, которые они развивали... Ему было очень трудно руководить биологами тогда. И единственным путем было сохранять выдержку, проявляя мудрость,

дипломатию. Он мог ”хлопнуть“ дверью, но он принял на себя ответственность ... и этим помог людям».

Небольшой эпизод

В 1987 г. в Президиуме АН СССР на заседании, посвященном памяти Норайра Мартиросовича Сисакяна, академик Евгений Николаевич Мишустин (известный микробиолог) вспоминал об участии делегации советских ученых в международной конференции по биологическим наукам в Польше в 1950 г. Папа был главой делегации. Группу наших ученых хозяева конференции встретили лозунгами: «Да здравствует передовая советская биология Лысенко–Бошьяна–Лепешинской!» Наши биологи испытали большое чувство неловкости...

Первым из делегации Советского Союза на конференции был доклад Норайра Мартиросовича. И ни слова не было сказано ни про Лысенко, ни про Бошьяна, ни про Лепешинскую. Доклад посвящался биохимии пластид. Это были предпосылки к возникновению молекулярной биологии. Один из членов нашей делегации не выдержал и после доклада спросил: «Ну как же без ссылок на классиков?» Папа ответил: «Если у Вас есть научные факты, подтверждающие учение ”классиков“, то, пожалуйста, докладывайте». После этого лозунги были сняты, восстановилось доверительное отношение к советским биологам со стороны западных коллег. Конференция в результате прошла с большим успехом.

Е. Н. Мишустин отмечал, что надо было обладать незаурядной смелостью, чтобы так поступить в то тяжелое для биологической науки время.

Звездный час

Это был звездный час — час,
по которому узнают столетие...

Это было начало 1961 г. Года, который навсегда вошел в историю как утро космической эры. Но той вес-

ной, кроме небольшой группы причастных к космическим делам людей, никто не думал, что полет человека в космос — дело ближайших нескольких дней... нескольких трудных, но прекрасных будней так бурно стартовавшей советской космонавтики.

Только что был запущен очередной искусственный спутник Земли. К стартам спутника с четвероногими пассажирами на борту стали привыкать, хотя каждый такой полет встречали с радостью и с волнением следили за его результатами...

После рабочего дня отец пришел домой не один. Мама не ждала гостей, поэтому к «экстренной» организации ужина был подключен и я (очень занятый в ту пору девятиклассник). Гости, Владимир Иванович Яздовский, Василий Васильевич Парин, Олег Георгиевич Газенко, и отец были в приподнятом, но деловом настроении. Тогда их имена уже стали мелькать на страницах отчетов о пресс-конференциях, посвященных запуску четвероногих космических путешественников. Но никто не знал в тот момент об их причастности к разработке и осуществлению программы подготовки к полету человека в космос. Тайной было и то, что папа руководил работой комиссии по проверке готовности космонавтов к полету.

Из обрывков услышанной беседы я понял, что в программе последнего запуска есть что-то необычное и очень важное. Произносилось имя Иван. Было понятно, что этот «Иван» как-то связан с последним полетом. У меня аж сердце зашло от восторженного предчувствия. Неужели свершилось?! Мы же тогда не знали, как это должно произойти.

В разговоре за столом часто мелькало: «Надо посоветоваться с Сергеем Павловичем...», «Доложим Мстиславу Всеволодовичу...» Тогда имена Королёва и Келдыша не были известны даже под условными «ширмами» Главного конструктора и Теоретика космонавтики. Помню, что после ухода гостей папа позвонил таинственному Мстиславу Всеволодовичу и коротко усло-

вился с ним о встрече. Это позже их с отцом свяжет крепкая и суровая дружба — союз единомышленников, рыцарей науки, и мне не раз посчастливится видеть у нас дома легендарного Келдыша и даже испытать его теплое расположение.

Перед сном папа зашел ко мне в комнату, чтобы убедиться, что из-за гостей его сын не забросил уроки. Я уже лежал в постели. Он ласково потрепал меня по щеке и пожелал спокойной ночи. Сгорая от любопытства, хотя у нас в семье отнюдь не было принято задавать отцу лишние вопросы, я набрался смелости и спросил про таинственного «Ивана». Папа засмеялся и ответил: «Я знаю, что ты умеешь хранить тайну, поэтому скажу тебе: на последнем спутнике есть опытный образец кресла космонавта, которое занял макет, в шутку названный Иваном Ивановичем». «Значит, уже скоро?» — затаив дыхание, спросил я шепотом. Папа улыбнулся и, опять потрепав меня по щеке (он по-доброму подсмеивался над моей тягой к стихотворству), дипломатично ответил: «Пора, пора сочинять стихи». «Папа, — прошептал я несмело, — я бы очень хотел узнать об этом пораньше...» Он поцеловал меня и тихо вышел.

Всю ночь я не мог заснуть, и в результате родилось вот такое стихотворение:

...Голубая ракета стоит,
Голубая ракета молчит,
Только сердце его стучит,
Только сердце его стучит.
Он волнуется, но уверены
И спокойны его движения,
Знает он, что все проверено,
И вернется он, без сомнения...
Но внимание... Старт! Мгновение,
И с гигантской силой, со рвением,
Поднимая в сноп и со звоном пыль,
Из людской мечты зарождая быль,
Утверждая мощь поколения
Продолжателей дела Ленина,

С человеком в первый космический
Взмыл корабль наш фантастический!

Может, это не так, а иначе
Начиналось... Да мы еще выучим,
Перечтя документы точные.
Мне хотелось бы в этих строчках
Восхититься умом народным
Нашей мощной страны свободной,
Поразиться умом человеческим
И английским, китайским, и греческим.

Космонавта первый полет —
К миру в мире скачок вперед!
Дружба, разум, мечта без предела
Будут знаменем новой эры!
Эры полного тьмы забвения,
Эры космоса покорения!

Прошло несколько дней, в хлопотах я стал забывать о том вечере и о нашем с папой коротком ночном разговоре.

И вдруг утром, а это было памятное 12 апреля, около 9 часов утра раздался звонок к директору нашей школы Анне Павловне, и меня срочно позвали к телефону. Я очень испугался, вдруг что-то случилось, но в трубке услышал спокойный и веселый голос отца: «Алеша, мой мальчик, включайте радио, сейчас передадут очень важное сообщение». Я все понял без лишних слов. Ликование и гордость охватили меня. Я начал что-то бессвязное лепетать директору школы, но она сразу поняла, что дело серьезное, и сказала: «Сейчас мы организуем трансляцию на всю школу».

...И мы все услышали замечательные слова, произнесенные Левитаном, сегодня известные всем. Это были самые лучшие слова, лучше многих стихов. После этих слов мне стало неловко показывать кому-либо свои строчки, которые я как бы написал не по правилам, только в предчувствии радости, а не от самой радости. (Позже я осознал, что предчувствие счастья иногда бы-

вает сильнее самого счастья, по крайней мере, в таком состоянии легче пишутся стихи.)

Наши ребята, Витя Саврин, Миша Негрей и Коля Губанов, не дослушав сообщение ТАСС, побежали на телестудию, благо наша школа была на Шаболовке. Начали прямую трансляцию восторженных откликов на полет Гагарина. Телекомментатор их спросил: «А как же вы во время уроков узнали, что надо слушать радио?» «Нам позвонил академик Сисакян», — с достоинством ответил Витя Саврин.

Думаю, что ни комментатор, ни зрители ничего не поняли из этого ответа. Понял только я один...

Папа не забыл нашего разговора. В этот важнейший для его работы день, в этот поистине звездный час он помнил обо мне, о моей просьбе. Это волнующе и ответственно, как прикосновение эстафетной палочки.

«Чтобы в космос летел человек»

Известный космический врач академик О. Г. Газенко писал о тех памятных днях 1961 г.: «...Вспоминаю жаркую дискуссию, которая развернулась вокруг систем жизнеобеспечения космического экипажа. Часть конструкторов и медиков считала, что можно ограничиться более простой системой регенерации воздуха, при которой воздушная среда сильно отличалась от земной преобладанием кислорода. Однако Н. М. Сисакян и В. И. Яздовский считали, что такая система ненадежна и среда должна быть максимально близкой к земной. С. П. Королёв, учитывая, что надежность гораздо важнее, чем стремление к простоте технических решений, поддержал это предложение. После испытаний на самолетах и спутниках этот способ был реализован на корабле "Восток". Лучшей оценкой прозвучали слова Юрия Гагарина при медицинском обследовании: "Дышалось легко".

Основные идеи, высказанные первопроходцами космической биологии и медицины, продолжают успешно развивать большие коллективы врачей, психологов и биологов, участвующих в космических исследованиях.

Однако все будущие успехи космической биологии и медицины, будущие победы человека в исследовании и освоении космоса берут свое начало с героического подвига Юрия Алексеевича Гагарина, подвига конструкторов, ученых, рабочих, создавших первый космический корабль, подвига медиков и биологов, создавших условия, чтобы в космос летел человек...»

Устами писателя...

Писатель Олег Писаржевский:

«”Лучшее украшение ученого — это его труды“, — говорит восточная мудрость. Но когда я думаю о Норайре Мартиросовиче Сисакяне (хотя трудов у него около четырехсот!), на первом плане в моем сознании возникают не ученые фолианты, которые всегда внушают к себе уважение, но бывают порой так безжизненно сухи. ...Перед глазами встает облик простого и обаятельного человека. Вот он встает со своего места, выходит вам навстречу из-за своего стола — пышного академического стола, украшенного бронзовыми фигурами конца прошлого века. На вас устремлен лучистый взгляд добрых и в то же время строгих глаз. Взгляд внимательный, доброжелательный и располагающий. И вы забываете о том, что находитесь в кабинете одного из руководителей Президиума Академии наук, у которого в руках сосредоточены нити сложного и тонкого управления развитием биологических знаний в стране. Вы уже думаете о том, что перед вами ученый, чья известность далеко перешагнула не только границы его родины, но и всего Советского Союза. Вы покорены его искренним и неподдельным вниманием к вопросу, с которым к нему пришли. Он смотрит на вас с испытывающим, жадным,

но не навязчивым интересом. ”А ну-ка, — говорит этот взгляд, — что неожиданного, нового ты принес? Что хорошего я узнаю и чем могу пригодиться тебе?“

Беседа закипает легко и быстро, как котелок на горном костре. Сисакян предпочитает слушать, а когда говорит, его фразы точны, закончены, немногословны. Сказывается привычка к максимально экономному и точному выражению своих мыслей, столь характерная для ученого.

Ученого!.. Время посеребрило виски Норайра Мартиросовича, но я представляю его таким, каким впервые увидел много лет назад, когда молодой аспирант с тем же спокойным достоинством рассказывал о своих первых трудностях и первых победах. Мне вспоминается колоритная повесть о его жизни со многими подробностями, в которых так ярко проявилась судьба его поколения. Поколения, созданного революцией, выросшего в чистой и благодатной атмосфере дружбы народов»*.

Сын

Этот день я запомнил очень хорошо: тройки на экзаменах я получал нечасто. А это была последняя тройка, о которой еще узнал папа. Он очень радовался успехам своих детей, нашим успехам. Недавно я нашел письмо, которое он прислал в сентябре моего первого в жизни учебного года.

«...Твое письмо меня очень обрадовало. Еще больше меня обрадовали твои отличные отметки. Чтобы знать, нужно учиться на отлично, а чтобы учиться на отлично, необходимо неустанно трудиться»...

Обычно на мои неудачи папа реагировал двумя-тремя словами, но сердитое выражение глаз было самым тя-

---

* Писаржевский О. Дружба. М., 1960.

желым наказанием. «Я бы так не поступил», — как будто говорили его глаза.

А в этот день папа пришел домой обедать в том настроении, которое у него было, когда на работе не все в порядке. Чуть-чуть медлительнее в движениях, а выражение лица как будто замкнутое, сосредоточенное, немного суровое.

Как всегда, он быстро поел и уже готовился уходить. А я напряженно ждал, соображая, какие же два-три слова упрека получу я сегодня за свою тройку, или, может быть, папа, погруженный в свои мысли, совсем забудет про меня. Хотелось бы, чтобы забыл. Но папа никогда ничего не забывал.

Когда я вышел из своей комнаты, чтобы сказать ему «до свидания», папа поцеловал меня, ласково потрепал меня по щеке и сказал мягко, негромко, но твердо (так умел говорить только он): «Мы сегодня тоже потерпели неудачу, но мы не огорчаемся, потому что знаем теперь, где наш просчет. Это в следующий раз поможет добиться успеха. Если ты после сегодняшней неудачи знаешь, что тебе нужно делать, чтобы не повторить ошибку, то считай, что такую неудачу можно поставить на одну ступеньку с победой».

У меня стало легко на сердце, потому что папа, как никто другой, сегодня понял меня.

Через некоторое время у папы и его товарищей был успех!

Его мысли

Никто никогда не узнает: подумал ли Сисакян о смерти в свой последний час? Можно только быть уверенным, что ученый, гуманист и человек твердой воли, он в любом положении встретил бы ее с достоинством.

Как биохимик он сознавал неотвратимость смерти, знал, что смерть — это биологическое продолжение жизни. Но он любил от всей души нормальную, человеческую, обычную жизнь и в вопросах о продлении жиз-

ни людей не мог не быть яростным оптимистом. Верил и не раз говорил: «Человек может, человек должен жить 100–200 лет!»

Он был уверен в торжестве разума, в торжестве науки, и уверенность его не была беспочвенной. Сисакян сам — труженик и рыцарь разума и науки. Эти две силы должны помочь людям справиться со смертью от войн и болезней, которые будут побеждены. «Жизнь победит смерть!» — утверждал с высокой трибуны Сисакян-биолог, Сисакян-оптимист...

Характерны две странички из его записной книжки. Он записывал слова учителя, слова Алексея Николаевича Баха.

Первая страничка:

«Доживаю последнее, а доживать хочу, не лежа в кровати, а стоя».

А. Н. Бах.

Октября 1938 г. (Баху — 81 год)

«Знайте, что нам нужны такие кадры, чтобы они всей своей жизнью были преданы делу науки...»

1937 г.

Вторая страничка:

— Вы счастливый человек.

— Почему, Алексей Николаевич?

— Потому что Вы еще увидите то, что будет через десять лет.

Октябрь 1944 г.

(Баху 87 лет)

Он, Норайр Мартиросович Сисакян, отягощенный большими заботами и звучными академическими титулами, мог, поздно закончив дела, как озорной мальчишка, устроиться на подоконнике своего кабинета и смотреть кино, которое показывали неподалеку в парке, в Зеленом театре. Он мог с легкостью юноши пройти 15 километров, лишь изредка останавливаясь, чтобы вытереть платком влажный большой лоб. Мог плавать ча-

сами в море. Он умел радоваться всему прекрасному, всему живому вокруг, любил доставлять радость людям...

Придя с воскресной прогулки, он подолгу с восторгом рассказывал о лебедях, плавающих в тенистом парковом пруду, у которых появились лебедятки, о том, как дети кормят их хлебными крошками, о повадках лебедей, о характере каждого из них.

В один из последних вечеров, придя после утомительного заседания, он поглядел в окно, за которым медленно кружились снежинки, и сказал грустно, как о мечте, которой не суждено осуществиться: «Хорошо сейчас, наверное, в лесу...»

Норайра Мартиросовича нет в живых. Он ушел, повинувшись законам природы — природы, изучению которой он посвятил себя. Но его дела, неподвластные смерти, его светлая душа остались на этой земле, в нашей прекрасной жизни, которую Он так любил.

Он — мой отец.

Восточная мудрость гласит: «Человек жив, пока его помнят».

Так давайте помнить и жить — это нужно для грядущих поколений, для возрождения...

Москва–Дубна, 1966–1967, 1996 гг.

ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Папа. Сегодня 25 января. Твой день рождения. Уже 102-й день рождения. С момента твоего появления на свет прошло 102 года, из которых на нашей грешной земле судьба отпустила тебе прожить всего 59 лет. «Малое из недолгой большой жизни...» — так назвала наша милая мама свои страдания по тебе...

Сегодня редкий случай почти за 43 года, когда в 12 часов этого дня (именно в этот час остановилось твое сердце) я не пришел положить цветы на твою могилу. Первые годы мы ходили на Новодевичье с мамой, братом... Сейчас они лежат рядом с тобой. Моя дочка Анечка родилась через 3 года после твоего ухода... Она знала дедушку Норика только по фотографиям, по моим рассказам и по серой базальтовой фигуре на могиле. «Пойдем к дедушке Нолику (Аня тогда еще не выговаривала букву "р"». — А. С.)», — говорила Анечка, а неторопливые прогулки к дедушкиной могиле были нашим таинством, нашим секретом, любимым моментом нашей душевной дружбы с дочкой. Оборвались эти моменты в тот роковой час, когда на пути 16-летней девочки встал ее жестокий убийца...

Сегодня по делам службы с утра я вылетел в Берлин. Вылетел, не придя в себя после научной командировки в Минск... «Волка ноги кормят». И не только волка, но и директора Института, и весь Институт — всех... И еще — «работа до седьмого пота»...

Лечу с коллегами в серебристом лайнере, а думаю о тебе. Как много городов и весей за свою «недолгую большую жизнь» ты посетил. Как много ты ездил, летал. По Союзу, по Европе, по миру. По научным, общес-

твенным и космическим делам... Стюардессы нам предлагают обед. В памяти всплывают, казалось бы, незначительные эпизоды из твоих рассказов.

Нас воспитывал — узенькой света полоской,
Что струилась в ночи из его кабинета...

Папа маленький (уже потерявший свою маму) гостит у своей сводной сестры Вартуи, которая вышла замуж за состоятельного аштаракца. Норику после внезапной смерти матери трудно живется с пожилым отцом, он приобщается к тяжелому крестьянскому труду виноградаря. Живут впроголодь... В этот день Вартуи приготовила долму (голубцы в виноградных листьях) — любимое блюдо Норика. Она зовет его к столу. Но какое-то непобедимое упрямство и протест поднимаются в груди малыша. «Откажусь, а позовет еще раз — может быть, пойду», — думает Норик про себя и не откликается. Зовут еще раз, он опять молчит. А третьего раза не последовало — и Норик остался голодным. С тех пор Норик дал себе зарок: не проявлять непродуманного упрямства...

И еще ты рассказывал одну забавную историю, связанную с этим замечательным блюдом — долмой.

1964 г. Думаю, что это была своего рода кульминация в жизни академика Сисакяна. Преодолев политические предубеждения и козни противников, он избирается президентом Генеральной конференции ЮНЕСКО — авторитетной международной организации в области науки, образования, культуры. До сих пор это единственный случай избрания на высший пост ЮНЕСКО представителя нашей страны. Вечером в день избрания должен состояться прием в его честь. Организаторы интересуются, какое бы национальное блюдо хотел предложить своим гостям советский академик. Папа, не задумываясь, предлагает долму из виноградных листьев и дает подробное описание правильного рецепта, считая, что это блюдо, как никакое другое, является спецификой его родной армянской кухни.

Каково же было его удивление, когда на приеме к нему подходили по очереди представители и Болгарии, и Греции, и Турции, и ряда африканских стран и выражали удовлетворение тем, что угощают их любимым национальным лакомством... Поистине не только наука, но и кухня «сближает народы»!

Папа. К тебе на могилу положили сегодня цветочки мои любимые жена Наташа и дочка Настя — твоя младшенькая внучка, студентка МГУ. Мне уже 64 года. Я на 5 лет старше тебя, но все эти годы без тебя и грущу, и горжусь своим счастьем быть сыном такого отца...

С утра меня уже поздравили с «днем рожденья отца» несколько близких друзей. Из Берлина звоню сестре. Мы всегда перезваниваемся в памятные и праздничные дни. Она мне сообщает, что по радио «Эхо Москвы» среди памятных событий 25 января (Татьянин день, день рожденья В. Высоцкого, нобелевского лауреата Ильи Пригожина) упомянули «день рождения крупнейшего российского биохимика, одного из основателей космической биомедицины Норайра Сисакяна»... Эту информацию подтвердила и Татьяна, бывшая моя жена.

Ты был ученым, советским ученым. Сейчас очень трудно спроецировать реалии того времени на день нынешний. В энциклопедии Кирилла и Мефодия написано: «Сисакян Норайр Мартиросович — армянский биохимик...» Российский, армянский... Думаю, можно примирить это противоречие. Ты был сыном и Армении, и России. Ты был гражданином — планеты Земля.

Пусть такие упоминания — лишь маленький отголосок большой памяти. Как еще много людей, которые, знакомясь со мной, не только восклицают (узнав, что я — ученый из Дубны): «О, Дубна, это очень известный город науки!», но и вспоминают добрым словом тебя или моего брата Иву (Июсифа), как и ты, преданного рыцаря науки...

А это немало в наше непростое время, время имитаторов — время, когда в рейтинге людей, влияющих на умы россиян, можно встретить гораздо больше смазли-

вых, но бездарных артистов и раскрученных звезд «всего чего угодно», чем ученых, писателей, просветителей...

Иду по чистой немецкой улице (ты же очень любил гулять перед сном!). Выпили с друзьями за память твою по бокалу рейнского вина. Прости, что не прикоснулся сегодня к твоей базальтовой фигуре. Пусть эти строки, этот венок из букв будут моим сувениром памяти в день твоего рожденья.

Пока писал эти строки, наступило 26 января — китайский новый год. Начался и новый год твоего календаря. Разве можно сказать, что ты ушел из нашей жизни?

Цойтен, близ Берлина, 25–26 января 2009 г.

ВЕК СИСАКЯНА. СЛОВО ОБ ОТЦЕ*

Дорогие коллеги, друзья!

Для меня это уникальная возможность — выступить сегодня, в день столетия отца. В первую очередь хочу сказать слова благодарности вам за то, что вы храните память об отце, храните память об истории, о людях того поколения, к которому принадлежал отец. Потому что это было великое поколение. На нем стоит сегодняшняя наука, в том числе и в России.

Конечно, хочу высказать слова благодарности членов нашей семьи судьбе за то, что она подарила нам счастье быть детьми такого отца. Тогда, когда мы были детьми, нам казалось, что все так и должно быть. Может быть, мы даже обижались на то, что он уделяет нам мало внимания. Но сейчас, по прошествии многих лет, мы понимаем, что нам в жизни очень повезло. Вспоминая об отце (а мы делаем это каждый день), мы сверяем свои поступки с тем масштабом, который он задал. Я часто вспоминаю слова, которые принадлежат Герцену (удивительно, что он это сказал, так как образ, который он нарисовал, скорее, был бы присущ какому-нибудь биохимику). Он сказал: «Личность подобна бродильному ферменту, который, даже умирая, продолжает действовать на окружающую среду». Удивительно, почему Герцену эта мысль пришла в голову, но я думаю, что этот образ имеет к папе прямое отношение и один из примеров тому — нынешний день. Папа более сорока лет

---

* Выступление 25 января 2007 г. на заседании в Президиуме РАН, посвященном 100-летию юбилею академика Н. М. Сисакяна.

тому назад ушел из физической жизни, но по-прежнему продолжает собирать людей. Сегодня он собрал нас с вами в этом зале нового здания Академии наук. Кстати, задание на проект этого здания было подписано им как главным ученым секретарем Академии наук вместе с президентом академии Мстиславом Всеволодовичем Келдышем. Надо сказать, что благодаря папе даже в последние очень тяжелые для науки годы не раз собирались биологи Армении, России и других стран. Биологи собирались вместе с физиками, что тоже очень ценно.

Это не отмечено ни в какой биографии, но я могу точно сказать, что это так. Папа говорил нам, что в детстве он хотел стать физиком или математиком. Его больше привлекали точные науки, но время было особенное и в Ашгараке путевки комсомола были тогда только на агрономический факультет Ереванского университета. Он стал биологом, но нас с братом подталкивал к физико-математической стезе. И то, что завтра наше совещание продолжится в Дубне, тоже символично, так как это тоже союз биологов и физиков, который должен быть. Надо сказать, что слова о единении науки я много раз слышал от папы, так же как и от своих учителей. В науке эти слова слышал от Николая Николаевича Боголюбова. Игорь Евгеньевич Тамм очень часто говорил, что когда-то наступит век, когда физика и биология дадут вместе очень большой прорыв вперед и биология станет царицей всех наук. Мне кажется, что сейчас мы стоим на пороге этого великого события, которое позволит и продлить жизнь человека, и решить много других насущных проблем. Главное, чтобы политики все это правильно понимали, а ученые готовы здесь активно работать.

Если продолжить рассматривать феномен этого могучего бродильного фермента, то сегодня в зале больше половины людей, которые папу вообще никогда не видели. Михаил Александрович Лебедев, который выступал с докладом о Пагуошском движении, — внук Ми-

хаила Дмитриевича Миллионщикова, вице-президента Академии наук СССР. Они с папой были большими друзьями, и в дачном поселке Дарьино было много совместных встреч. Как видим, эти связи передаются новому поколению через детей и учеников, но многие люди попали в орбиту папиного влияния, уже не имея никаких генетических связей и взаимоотношений учитель—ученик. То ли при работе над подготовкой фильма, то ли работая над книгой, то ли при подготовке других материалов, то ли попадая в эту орбиту, казалось бы, случайным образом. Но это все равно важно, так как личность папы обладает уникальной способностью притягивать к себе людей, даже физически отсутствуя.

Конечно, было трудное время, но был всплеск в науке и было многое, что сделало отца таким, каким он был. Но главную роль в его жизни сыграла наша мама. Сегодня ее надо обязательно вспомнить. Ради семьи она отказалась от карьеры ученого. Будучи носительницей сильных российских генов, она помогала папе сориентироваться в российской обстановке. Надо сказать, что есть такие подробности, может, они кажутся незначительными, тем не менее они также характеризуют человека. Папа всегда очень тщательно готовился к своим выступлениям, потому что все-таки родной его язык был армянский. Учась действительно очень короткое время, и очень короткое время действуя в науке (так уж судьба распорядилась), он знал достаточно много иностранных языков, но по-русски говорил с акцентом. И перед каждым выступлением он садился с мамой и тренировался правильно произносить слова. Так было буквально до последних дней его жизни. Мама была его другом и советчиком. Она всю себя отдала нам и пожертвовала своей научной жизнью ради детей, внуков и правнуков. И сегодня мы действительно имеем право говорить об основанной родителями научной династии, которая существует сейчас.

Вчера, кстати, исполнилось сто лет со дня рождения маминого брата Алексея Петровича Алексева, который

был папиным другом и познакомил маму с папой семьдесят шесть лет тому назад. Он был ученым-агрохимиком, кандидатом наук, майором Советской армии и погиб в 1944 г. (в год моего рождения) — так все это в жизни переплетается.

То, что папа и то великолепное поколение, к которому он принадлежал, передали нам, считаю нашим святым долгом передать следующему поколению — это абсолютное, трепетное и святое отношение к науке, к научному результату, вот к этой науке, которая не есть работа, отличная от жизни, к науке как к элементу жизни. Перефразируя Станиславского, можно сказать, что они любили науку в себе, а не себя в науке. И если это отношение к науке передастся следующему поколению, то думаю, что это будет очень важным результатом деятельности моего поколения по отношению к молодому поколению.

Конечно, очень правильно говорили все выступавшие и в своем интервью сформулировал Р. М. Мартиросян (президент Национальной академии наук Армении), что и дела, и имя папы принадлежат и России, и Армении. Так оно и есть. Папа, конечно, очень любил и армянские, и российские традиции и был гражданином и сыном Советского Союза, которого сегодня, к сожалению, уже не существует. Вместе с тем по мироощущению он был гражданином планеты Земля. Отсюда его активная и успешная деятельность в ЮНЕСКО, в Пагуошском движении, в Комитете защиты мира. Трудно, конечно, объять все сферы его деятельности, но надо сказать, что он оставил своих учеников в Белоруссии, Грузии, Казахстане, Таджикистане, Молдавии, Чехословакии и даже маленькой Чувашии. То есть он действительно был человеком, который был открыт для всего мира. Он даже иногда обижался, когда к нему обращались за помощью и подчеркивали при этом, что родом из Аштарака, — в сердцах он отвечал, что зачем это говорить, ведь он бы и так помог. Потому что у него была очень открытая душа и мироощущение, которое исхо-

дило из общности людей, которые не должны делиться на национальности. Было мироощущение, что и наука не делится на направления. Наука едина, и все деление происходит в нашем сознании, и это определенные условности. Конечно, надо уважать традиции любого народа и ценить традиции любого научного направления.

Век физический, который был отпущен папе, — короткий, но, тем не менее, сегодня мы отмечаем его век. Если мы сохраним традиции его поколения, то век этот продолжится дальше и дальше...

Век Сисакяна был недолог,
Но был такой им взят разбег,
Что людям светлый образ дорог,
И длится Сисакяна век...

ПИСЬМО К ПОГИБШЕЙ ДОЧЕРИ

И нет, наверное, ничего горше на свете, чем писать письмо к погибшей дочери... Что заставляет меня преодолевать ледяной ком в груди и писать эти строчки?

Вера

Вера в то, что ты, милая моя Анюта, если бы жизнь распорядилась правильно, наверняка написала бы несколько строк своему ушедшему отцу. А коли свершилась эта жуткая несправедливость, мне остается писать тебе это грустное письмо.

Надежда

Надежда на то, что этот рассказ когда-нибудь прочтут люди, не знавшие тебя, и так хоть чуть-чуть продлится на этой земле жизнь твоя... Ибо мы живы, пока о нас помнят.

Любовь

Любовь к тебе, единственная моя: ты знаешь, что мне и писать больно, но и молчать я не могу. Именно эта безвыходность роднит любовь и смерть.

Прежде чем приступить к своему повествованию, я хочу сказать тебе: «Я счастлив, что ты есть у меня, горжусь тобою; ты дочь моя, мой друг и мой учитель...»

Вспоминаю последние наши беседы, неторопливые наши дружеские размышления. Однажды ты вдруг сказала: «Папа, мне страшно подумать, что меня когда-нибудь не будет». Я ответил: «Анюта, нас всех когда-нибудь не будет, но тебе еще рано об этом думать, у тебя впереди большая и долгая жизнь». А ты после паузы тихо промолвила: «Мне бы хотелось услышать, что мы никогда

не умрем, и я бы тебе, наверное, поверила...» Я промолчал тогда, а ты попросила: «Расскажи, как я была маленькой, я же совсем этого не помню». И мы вспоминали тогда...

Как ты была маленькой

Ты была маленьким и чудным человечиком. Всегда (почти) послушным, радостным и добрым.

Мама наша была тогда в больнице, а тебе было всего несколько месяцев... Папа (умело скрывая это от начальства) выгуливал тебя, пренебрегая своей стажерской судьбой. И какое счастье было засыпать, чувствуя в своей руке маленькую доченькину ручку. И первое слово, которое ты произнесла, — было «папа». Пусть не обидится на меня наша мама, которая больше жизни любила тебя, но это было так...

Знаешь, я сразу поверил в успех, когда ты сказала, что хочешь быть филологом.

У тебя уже в раннем возрасте появилось чувство слова. Редкое чувство слова, которым в совершенстве владеют даже не все писатели. Гоголь, Булгаков, Пастернак... Кто еще? Но не будем замахиваться на великих, все равно это чувство — талант.

Вспоминаю, как кормил тебя макаронами. Ты, маленькая, едва научившаяся говорить, вдруг расхохоталась и сказала: «Папа, а макароны такие падливые!» — «Анечка, почему "падливые"?» — «Да они все время падают на стол». Или много позже, когда мы уже только в школьные каникулы имели с тобою возможность побыть вместе, ты поразила меня одной шуткой... Однажды в Алуште, где мы отдыхали летом, развелось очень много мух. Ты начала ныть, что мухи не дают тебе спокойно спать. Чтобы утешить твое нытье, я сказал: «Анечка, я пригласил муху к нам в гости, нельзя быть столь привередливой к гостям». Ты сразу подхватила нашу игру и ответила: «А нашу гостью зовут, наверное, Муха Ухова, потому что она жужжит мне на ухо, или, может быть, Жужа Мухова, потому что она из породы

Муховых...» Эта игра настолько тебе понравилась, что с тех пор нам и все мухи были нипочем. Ты сама не разрешала мне лупить их газетой, говоря, что так нельзя относиться к гостям.

Ты умела меня удивлять, а удивлять почти то же, что учить...

Твои неожиданные (для меня) призы по плаванию, теннису (твой папа до сих пор не умеет играть в теннис), твой финишный рывок в изучении английского языка...

Все говорило, что у человечика есть характер, а характер — это уже Человек.

В последних двух классах мне крайне приятно было ходить на эти занудные родительские собрания. О тебе говорили как о способном ребенке, но ты была уже взрослым и в меру своих лет сильным Человеком.

...Помню пренебрежительный педсовет, на который пригласили некоторых родителей (и среди них меня). Я знал о конфликте твоего класса с классным руководителем. Знал, что ты ратуешь за справедливость. Хотя учительница не имела ничего против тебя, даже наоборот — хотела видеть в тебе союзника, но ты вступилась за обиженных, как тебе казалось, — несправедливо обиженных. Я очень просил тебя быть потише, промолчать и смириться с педагогом, но ты распалялась и сказала директору: «Она несправедлива, так нельзя предавать ребят!» Как стыдно мне, что я учил тебя приспособляться: «Анечка, последний, десятый класс, зачем тебе ссориться с учительницей?» Ты долго плакала потом: «Папочка, прости, что я не послушалась тебя, но я не могла поступить иначе!» Оказалось, что ты была права не только своей непримиримостью, но и по существу. Ты часто и теперь приходишь ко мне по ночам с заплаканным личиком, в синей школьной форме.

Это было твоей маленькой победой и большим уроком для меня.

Обостренное чувство справедливости было присуще тебе еще в детском саду... Помню слезы воспитательни-

цы, которая жаловалась: «За Аней идут все ребята. Когда мы им запретили (почему? — А. С.) одеть новые гольфики на праздник, Аня подбила ребят устроить целую забастовку». Детский сад... Анюта, простить себе не могу, что мы отдали тебя в сад на пятидневку. Мама — на «Мосфильме», я — в Дубне... «Сосны» — совминовский детсад, но когда ты возвращалась оттуда, твоя одежда пахла детдомом. Недавно я понял это, когда, увидев детдомовцев, вдруг ноздрями и всеми порами ощутил этот запах сиротства. Прости нас, Анюта. Прости. ...Характер твой креп и проявлялся, даже когда ты была еще совсем-совсем маленькой. Провожая тебя в детсад, уже во второй год, мы с мамой наблюдали такую сцену. Ты подошла к самому крупному, но новенькому мальчику из вашей группы и спросила:

— Как тебя зовут?

— Миша.

— Миша, меня зовут Аней... Запомни: я здесь старшая.

Тебе хотелось самоутвердиться, тебе хотелось быть первой, хотелось, чтобы тобою гордились.

Я горжусь тобой!

Ты любила друзей.

Моих друзей тоже. «Дядя Саша, а у Вас есть дети?», «Когда я буду большая, у меня будет мальчик и девочка», «Дядя Леня, а Ваших девочек зовут Наташа и Нина? Я помню, как мы играли в бельчонка и куницу, и никто почему-то не хотел быть куницей...» Дядя Леня однажды пришел к нам в гости с подругой. Анечка уже спала. Тихонько играла музыка, Леня пригласил свою даму потанцевать. Вдруг мы заметили, что в дверях в длинной ночной рубашке замерла шестилетняя Анюта. «Дядя Леня, а эта девушка — Ваша жена?» На молчаливый ответ Лени — реакция: «Боже, как мне смешно...» Дверь закрывается, и Анечка идет спать... На утро следующего дня неожиданно приходит Анина бабушка:

— Анечка, у тебя плохой вид, наверное, ты плохо спала. Что здесь было? Почему ты не спала?

Анечка смотрит на меня своими серыми грустными глазами, но говорит уверенно бабушке:

— Да, спала я неважно, но просто потому, что не спалось...

Анюта, тебе непросто пришлось в этой жизни, но ты всегда была верным другом и никогда не предавала (даже ненароком) ни своих, ни моих друзей... ни маминых.

Я пишу тебе это письмо далеко от дома, да и дома-то у меня теперь нету. Но если считать, что квартира — это и есть дом, то дубненская моя квартира хранит память о твоих заботливых детских ручках, иногда и о шаловливых проделках... Живы еще те занавески, которые, едва появившись погостить в Дубну, ты срывала и погружала в мыльную пену. Сильно подрыхлел за эти полтора года веник, которым ты любила орудовать, «чтобы у папочки было уютно». Не выбросил я и прожженную подушку, которая пострадала от твоих завивочных щипцов.

У меня не было привычки понапрасну ворчать на тебя, но долго ныло сердце при воспоминании о ваших с Наташей Сандуковской опасных играх на окне.

Пишу я тебе, милая моя, с варненских берегов Черного моря. И Черное море у меня связано только с тобой, с тобой и еще с моим папой, дедушкой Нориком. Помню грустное наше с тобой настроение, когда в 1985 г. (последняя наша поездка!) мы ехали в Крым. Ты грустила, потому что тебе тосковалось по мамочке, а мне вспомнилось, что четверть века назад в таком же (международном!) вагоне мы с моим папочкой тоже ехали в Крым, мне тоже (как и тебе) было 16 лет.

Для меня начиналась счастливая пора взросления, которая в счастье своем быстро кончилась с внезапным уходом из жизни отца. Я тогда думал, что судьба может повториться, но она не повторилась... Или повторилась наоборот. И этот леденящий ком, к которому я почти привык, вдруг резко перехватывает горло, когда, бродя по чужестранным магазинам, в задумчивости я ловлю себя на мысли, что выбираю подарок тебе. А бе-

зысходность, которая роднит смерть и жизнь, холодным спазмом мне перехватывает дыхание.

Солнечный лучик

Иду по пляжу... Золотой песок проникает в мои пляжные тапочки, которые ты купила мне в Алуште, истратив четыре рубля, сэкономленные из карманных денег на кино и на мороженое. Ты всегда была очень придирчива к моим туалетам. Не любила, когда я ходил в рваных джинсах... В Алуште и в Дубне стирала мои рубашки, чтобы «у папочки каждый день была чистая рубашка». В свои десять, двенадцать, шестнадцать лет рядом со мною ты была уже маленькой хозяйкой.

Помню, как вдруг в Дубне я долго не мог найти свои старые (рваные!) кроссовки. По лукавому выражению твоих глаз я понял, что их исчезновение — дело твоих рук... «Папочка, — ты взгромоздилась ко мне на колени, — миленький, миленький, миленький (ты так всегда говорила, когда хотела немного подлизаться. — А. С.), а я, знаешь, их определила в мусоропровод. Мне показалось, вдруг я не успежу, и ты выйдешь на улицу в рваных кроссовках». И разве можно было сердиться на такую материнскую заботу маленькой доченьки? Везде за собой таскаю эти голубые пластмассовые пляжные тапочки — они как «кусочек» той заботы, которую ты дарила мне...

Ты любила делать подарки маме, мне, друзьям; любила, чтобы в доме были чистота и порядок... Хотя мы с тобою часто (по-доброму) подсмеивались над нашей мамой, которая, как входила в квартиру, сразу включала пылесос.

Звоню из Дубны... К сожалению, по воле судьбы наше общение временами было в основном телефонным.

- Алё-о-о. Привет, папуля!
- Как дела!
- Нормалёк....
- А что делает мама?

— Ну, а как ты думаешь? — Слышу в трубке хихиканье... — Опять со своим любимым пылесосом...

Мама подчас злилась на наш «антипылесосный» союз, иногда были даже шумные скандалы, потому что маме казалось обидным, что любящая и любимая дочь подтрунивает над ней... Но это были самые лучшие и счастливые скандалы в нашей жизни.

Иду по пляжу... Песок забил все отверстия пляжных тапочек. Леденящий ком вдруг опять подползает к горлу... Взгляд вырвал из группы купающихся детишек белокурую стройную девочку, которая вдруг показалась мне тобою, Анюта.

Бросаюсь в воду и плыву, только эта девочка не подплывает ко мне с белозубой улыбкой, не обвиняет мою шею бронзовыми от загара руками и не говорит: «Папуля, давай покувыркаемся в воде... Ты будешь трамплином, а я буду прыгать...»

Прости, Анюта, но соленая морская вода перемешалась с солеными каплями на моих глазах... Прости, ты же очень не любишь, когда люди плачут.

Ты — солнечный лучик, Анюта. Он всего мгновение бывает с нами. И, оставляя свет и тепло, стремительно проносится в бездны Вселенной. Твой враг — это тьма, которой еще так много на Земле. С ней ты столкнулась в свой последний миг, чтобы не уступить своего права... Ты не растворилась во тьме, но, оставаясь светлым, чистым и теплым существом, устремилась в просторы Вселенной. Ты — солнечный лучик, ангел мой...

Алеша

Не познав радостей любви, ты была уже любима добрым и сильным маленьким Человеком. Ты прости меня, Анюта, что в письме своем я касаюсь темы достаточно интимной, но, оставаясь один на один с листом белой бумаги, человек в этом самом интимном творчестве обретает свободу...

У тебя было много друзей — и девочек, и мальчиков. Ты нравилась — и тебе нравились... Были наверняка и

минуты грусти от неразделенных симпатий. Ты говорила, что Алеша Долгов — это твой самый большой друг. Наверное, сейчас ты знаешь, что он больше чем друг для тебя и для нас с мамой. Или, если друг, то с очень большой буквы. Вот уже больше полутора лет с того страшного дня он ходит к нам, и неистребимая тоска по тебе поселилась в его ясных и чистых глазах. Он только раз поцеловал тебя в щеку, пять лет он учился с тобой в одном классе и любил тебя, ревнуя ко всему на свете... Его мама, и батя, и бабушка ждут его часами, а он сидит на твоей кровати в комнате, где вы провели столько интересных бесед, и в который раз прослушивает маленькие кусочки пленки, где магнитная дорожка оставила для нас твой голос.

Он изо всех сил старается помочь тебе, нам, себе, но бессилие что-либо изменить разрывает его юную душу. Вся комната его увешена твоими фотографиями.

Мама с батей купили ему щенка. Он любит его, но мысль, что щенок — это попытка вытеснить (немного!) из его души твой образ, отталкивает его.

Он очень сильный и хороший человек. Для твоей мамы он значит почти все в этой жизни, да и сделал больше, чем могу или смогу сделать я, твой папа. Прости меня. Охраняй и люби Алешу... Верю и в потустороннюю любовь...

И пусть эта любовь даст ему силы, нет, не забыть тебя, потому что это выше его сил, но обрести покой и смирение... Смирение нужно ему, чтобы встретить на этой Земле подругу, которая полюбит его и родит ему детей — мальчика и девочку. Эти дети будут и твоим продолжением, Анюта. Потому, что не только гены передаются от поколения к поколению, обеспечивая вечность рода людского. Но и тепло твое, твоя доброта, идеальная твоя любовь, которые ты подарила Алеше, — останутся и передадутся его детям, внукам, и тем самым они — вечны...

1987–1988 гг.

МАМА. ГРУСТЬ ВОСКРЕСНОГО ВЕЧЕРА*

«У воскресного вечера — особая грусть...» Она поселилась в моем сердце в далеком детстве, когда длинными дачными вечерами сживали за самоваром мы с бабушкой и дедушкой. Воскресный вечер был окрашен грустью о только что отъехавших с дачи родителях, особенно маме.

Лето в середине 1950-х гг. Наша семья снимала дачу в академическом поселке Мозжинка, недалеко от Звенигорода. Я — школьник одной из московских школ, все лето провожу на даче с маминными родителями. А мои мама и папа приезжают только в субботу вечером, а уезжают в воскресенье. Тогда был только один выходной. Он пролетал очень быстро — играли в волейбол, купались; иногда приезжали гости — тогда жарили шашлыки. Воскресный вечер начинался с приезда на черном газике (а потом ЗИМе) Федора Григорьевича Токарева — водителя папиной персональной машины. Он выходил из машины с неизменной папиросой в руках, чинно ужинал, обсуждая с дедушкой последние новости, а потом начинались проводы. Бабушка — Февронья Яковлевна и дедушка — Петр Алексеевич выходили к воротам дачи № 43, где мы тогда жили.

Папа и я садились в машину, уже набитую вещами. Мне разрешали прокатиться до шлагбаума, который был установлен на выезде из поселка. До сих пор я не

---

* Академик Нора́йр Мартиросович Сиса́кян: портрет на фоне эпохи / Под общ. ред. О. Г. Газенко, А. И. Григорьева, Н. А. Платэ, В. О. Попова. М.: Наука, 2006. С. 396–400.

пойму, почему в то время туда-сюда возили такую кучу вещей. При переезде на дачу и с дачи весной и осенью даже нанимали грузовик!

И вот выходила из дома Варенька — наша красивая мама. Нет, ее задерживала в доме не безобидная женская привычка подкрашивать губы (а другой косметикой мама и не пользовалась). Она до последней минуты хлопотала на кухне, чтобы на неделю наготовить провизии своему маленькому сыну Алешеньке (это — мне), бабушке и дедушке. Холодильника на даче не было, но был маленький погребок. Снеди до субботы не всегда хватало, и тогда появлялись знаменитые бабушкины лепешки.

А мне бы, прежде чем идти, —
Из теплых рук твоих — лепешку...
Судьбой отпущенную ношу
Мне легче было бы нести.

Их ели и с вареньем, и с сахарным песком, и просто так. Они были изумительно вкусные — с тех пор таких я никогда не встречал (куда до них нынешним пицце, фокаччо, крепсам!).

Папа нетерпеливо поглядывал на часы — часто уже в воскресенье вечером он должен был лететь в очередную командировку... И вот выходила из дома наша красивая мама. В светлом крепдешиновом платье с голубыми цветами, невысокая, но статная, с длинными русыми волосами, убранными в прическу, голубоглазая и жизнерадостная, наша мама была настоящей русской красавицей.

«Норик, — обращалась она к папе, — не сердись. Ты не опоздаешь на самолет, у нас впереди уйма времени. Зато я все успела сделать — душа у меня теперь будет спокойна...» Папа редко сердился на маму, но в ответ, улыбаясь только глазами, говорил как бы укоризненно с легким армянским акцентом (он у него был всю жизнь): «Ах ты, Варя-джан, Варя-джан...»

А у меня уже подкатывал к горлу ком со слезами. Теперь аж до субботы я ее не увижу... Думаю (а лучше сказать, знаю), что к маме с обожанием относились не только мы с папой, но и мои старшие сестренка и братик — Людмила и Иосиф (как мы его звали, Ива), а потом внуки, правнуки... Мама отвечала взаимностью. Она всю себя отдала нам.

В размеренной и немного заунывной дачной жизни случались и неожиданные праздники — когда мама среди недели вдруг приезжала на часок-другой. «У мамы не заржавеет», — говорил дедушка, когда я с надеждой в голосе спрашивал: «Дедушка, как ты думаешь, а вдруг мама возьмет да и приедет к нам сегодня? Пойдем нарвем для нее в поле цветов».

Мама любила полевые цветы, а из садовых она любила гладиолусы, их дедушка выращивал на даче. Последними подаренными полевыми цветами был маленький букет ромашек, набранных Настенькой (моей двухлетней дочкой) и Митей (маминым трехлетним внуком) для бабушки-Варварушки, которая умирала в больнице... Но это был август 1990 г.

Если вернуться к середине 1950-х, то лишь некоторые события врезались в мою детскую память. В марте 1956 г., заболев ангиной после весенних каникул, я лежу на даче и слушаю по радио последние известия (телевизор был у нас только в московской квартире). Диктор передает, что в Дубне образован Объединенный институт ядерных исследований. Почему этот факт врезался в мою память? Может быть, потому, что в Дубне уже работал Юлиан — муж моей сестры. А может, это было предчувствие того, что судьба уготовит мне, — оказаться там через 10 лет и остаться на всю жизнь.

В том же году летом, 19 июня, на даче умер дедушка. Ночью ему стало плохо: он задышался и весь трясся — грудная жаба. В темноте через лес бегу к врачу. Медпункт и служебная квартира врача находились в километре от нашего дома. Страшно до жути, но ужас от де-

душкиного приступа помогает преодолеть ужас темноты...

Старый врач берет меня за руку, и мы идем спасать дедушку. Врач до моего появления еще не ложился спать, он только что спас Владимира Афанасьевича Обручева (известного ученого, путешественника и писателя), к которому его вызывали час назад.

Но дедушку — Петра Алексеевича — спасти не удалось, как, впрочем, и Обручева, который умер в тот же день вечером.

Смерть дедушки была первой большой потерей в моей жизни. Через 10 лет ушли папа и бабушка, еще через 20 лет погибла моя дочка Анечка, потом не стало мамы и Иосифа (1995 г.)...

После ухода Петра Алексеевича я заметил у нашей мамы первые морщинки. Она долго болела и писала очень грустные стихи.

В грусти воскресного вечера для меня всегда есть частичка печали о прошедших днях, об ушедших близких, о невозвратности былого, необратимости времени, о невозможности остановить мгновенье...

Тревожная сила воспоминаний,
С тобой мне не справиться, ты вечная,
Меня сжимаешь в объятьях крепких и
На душу грусть нестерпимую льешь.
Мне вспомнилось все,
До последней черточки:
Улыбка летнего дачного утра,
И наш волейбол, и ночные прогулки,
И грустный воскресный закат над поселком...
И грузные желтые капли дождя
Я вспоминаю, как ты говорила,
Что лето всегда возвращается снова,
Но я стремлюсь, как капризный ребенок,
Съеденный бублик опять попробовать...

...Я возвращаюсь от шлагбаума на дачу, где бабушка с дедушкой (как герои «Синей птицы») сидят у самовара,

и зародившаяся комом слез в горле грусть разливается по всему моему детскому телу.

Красив закат, невдалеке плещется милая моему сердцу Москва-река, миролюбиво из смешанного лесного массива выглядывают академические дачки, но в душе поселяется какая-то пустота и бессилие что-либо вернуть... Это чувство я еще не раз испытаю уже в другие годы, в иных городах, при других обстоятельствах, тоскуя по любящим и любимым...

Но чувство воскресного вечера поселилось в моем сердце в подмосковной Можинке, в далеком и невозвратном детстве... У этой грусти всегда будет лицо моей красивой мамы. И голос у этой грусти — это голос моей мудрой мамы. Об этом я узнал чуть позже детства, когда грустными воскресными вечерами звонил ей из Дубны (или из другого далека) и слышал в ответ что-то неизменно оптимистичное.

«Лето всегда возвращается снова...»

2005 г.

БРАТ МОЙ — ДРУГ МОЙ

Сердечная избыточность

Вот уже прошло семь лет с тех пор, как 9 ноября 1995 г. встало в горький ряд скорбных дат истории нашей семьи.

12 марта 1966 г. — внезапный (от острой сердечной недостаточности) и ранний (всего в 59 лет) уход папы, 18 февраля 1986 г. — трагическая гибель моей дочери Анечки, 1 сентября 1990 г. — не стало мамы...

9 ноября 1995 г., казалось бы, ничто не предвещало беды. Мы с В. Г. Кадышевским находились в научной командировке в Польше, и только за два дня до этого, еще из Дубны, я разговаривал с моим старшим братом Иосифом — Ивой (так звали его в семье с легкой руки нашей бабушки Февроньи Яковлевны) по телефону. Он был в тот день на даче в Ново-Дарьине в немного грустном настроении и ждал гостей, приглашал подъехать к нему и нас... Но восьмого мы улетаем в Польшу.

Вечер 9 ноября... Познань, мы в гостях у нашего польского коллеги Владислава Хмельовского: настроение приподнятое — выпили по рюмке. И вдруг — как гром среди ясного неба. Владиславу позвонили из университета, передали эту жуткую новость о внезапной кончине Ивочки от острой сердечной недостаточности...

Ему было всего 57 лет. Сам он часто говорил, что проживет, как папа, неполных шесть десятков лет...

Жизнь переключается с одним моим четверостишием, посвященным отцу:

От тебя мне судьба досталась,
И когда-нибудь поутру

Не сердечною «недостаточностью»,
А «избыточностью» помру...

Чего-чего, а сердечной избыточности Ивочке было не занимать. Он любил людей и был любим своими друзьями.

До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что нельзя наяву посоветоваться с братом, прислониться к его крепкому и надежному плечу. И в тот вечер в Познани, и потом в спешной обратной дороге в Москву на похороны, и потом, и потом ... не доходила до моего сознания эта жестокая и горькая весть: брата больше нет среди живых. Только память листала и листает страницы нашего с ним братства, дружбы, сердечной и крепкой привязанности. Вот некоторые из них...

Наша семья

Мы с братом росли в большой и дружной семье. Семь «я». Так сейчас трактуют это теплое и доброе понятие. И нас было семь человек: папа и мама (научные работники — биологи), бабушка и дедушка (мамины родители, пенсионеры, они иногда навещали к себе на родину в Тверь, а папины отец и мать — аштаракские крестьяне — умерли задолго до нашего с братом рождения), наша сестра Людмила и мы с братом. До 1949 г. мы жили в двух комнатах в большой коммунальной квартире — общежитии докторантов АН СССР, в Москве, на улице Горького (теперь Тверская) в доме 22а, на пятом этаже. Этот дом и сейчас сохранился, он стоит рядом с гостиницей «Минск». А потом мы жили на Б. Калужской (Ленинский проспект) в доме 13.

Хотя формально считалось, что Ива родился в Москве, но фактически он появился на свет 8 марта 1938 г. в Калининe (теперь Тверь), поскольку наша мама последние дни беременности находилась у своих родителей на Пролетарке (известный в Твери район текстильных фабрик). Бабушка — Февронья (в миру Фаина) Яковлевна и дедушка — Петр Алексеевич Алексеевы тогда име-

ли там небольшой деревянный дом, который в начале войны сгорел во время немецкой оккупации Калинина.

Наша бабушка была потомственной ткачихой. Она была статной, красивой и весьма активной женщиной. Активность ее проявлялась в участии в женском и революционном движении в Твери, а позднее в общественной и депутатской работе городского и областного масштаба. После революционных волнений 1905 г. она была сослана в Среднюю Азию как неблагонадежная. Там (в г. Бишкеке, который потом назывался Фрунзе) она и познакомилась со служившим в армии молодым унтер-офицером Петром Алексеевым, который стал вскоре ее вторым мужем (и вследствие этого нашим дедушкой). Первый муж бабушки (с которым она прожила всего несколько месяцев), племянник фабриканта Саввы Морозова, по неизвестной причине (вероятно, суицид) утонул в Волге, не оставив молодой вдове ни детей, ни наследства...

Петр Алексеевич, в отличие от бабушки, был скорее диссидентом, чем революционером. Работая в 1920–1940-е годы заместителем начальника госпиталя, прорабом-строителем, директором известкового завода, наотрез отказывался вступать в партию. Будучи крестьянского происхождения, он глубоко переживал сталинскую жестокую политику по отношению к крестьянству. «Он рубит сук, на котором сидит», — говорил дедушка о Сталине. Бабушка только вздыхала: «Ой, боюсь я за тебя, Петя...» Но, несмотря на разницу во взглядах на политику, бабушка и дедушка прожили дружную и долгую совместную жизнь. Незадолго до дедушкиной смерти от «грудной жабы» 19 июня 1956 г. в возрасте 75 лет они отметили золотую свадьбу... До взрослой жизни дожили трое из их шестерых детей: Алексей — друг папы, ученый-мелиоратор, он познакомил папу со своей сестрой (ставшей затем нашей мамой!), погиб за Родину в Калининвичах в 1944 г. (в честь него меня, родившегося в 1944 г., и называли Алексеем); Варвара — наша милая мама, ученый-агрохимик, поэт, человек цельной и доб-

рой души; Борис — учитель-историк, участник войны, как мне кажется, прожив 73 года, он так и не нашел себя в этой жизни. Полина, Коля и еще один младенец умерли рано во время эпидемий дифтерии и тифа. Как в капле воды отражаются свойства Мирового океана, так в истории семьи Февроньи Яковлевны и Петра Алексеевича отразилась противоречивая история Отечества XX в.

Но вернемся на наш пятый этаж, в 40-е гг. уже прошлого века.

В стесненных условиях, но очень дружно на пятом этаже жили семьи научных работников из различных институтов Академии наук. К концу 1940-х — началу 1950-х гг., когда эту большую квартиру стали потихоньку расселять, многие ее обитатели были уже известными учеными, профессорами и членами академий. А кто-то не вернулся с фронта. К тем, кто впоследствии достиг значительных академических высот, относятся Сергей Николаевич Вернов — академик-физик, Иван Владимирович Тананаев — академик-химик, наш папа — Норайр Мартиросович Сисакян — академик-биохимик, Гагик Степанович Давтян — армянский академик-агрохимик... В первые же недели после начала войны наш папа, как и многие его товарищи, ушел в народное ополчение, несмотря на то, что был уже доктором наук и профессором.

По воспоминаниям мамы, маленький Ивочка, услышав по радио голос Левитана, поднимал кулачки вверх и говорил: «Война, отдай нашего папу».

К счастью, папа вскоре вернулся с фронта, отозванный специальным решением ГКО* для выполнения задания правительства по обеспечению Красной армии витаминными препаратами. За разработку и внедрение нового способа витаминной сушки овощей в 1943 г. он был награжден своим первым орденом «Знак Почета», а в нашем доме многие годы хранились баночки с опыт-

---

* Государственный Комитет Оборона.

ными образцами сухих томатов, картофеля, лука и моркови.

Не вернулся с войны папин товарищ — ополченец Федор Рукавишников, талантливый химик, доктор наук. Его семья жила на пятом этаже уже без своего папы... Сын, Володя Рукавишников, стал художником и написал портрет папиного учителя — академика А. Н. Баха. Эта картина и поныне принадлежит нам и хранится в нашей квартире № 13 на Ленинском проспекте, 13.

Первые Ивины друзья — с пятого этажа нашего дома: Юра Вернов — сейчас известный физик-теоретик, доктор наук; Ната Давтян — ныне биолог, доцент Ереванского университета (возможно, уехала за границу в конце 1990-х). Семейная молва донесла историю о том, как маленький Ивочка от избытка чувств укусил однажды Наточку за щеку. Но этот «скверный поступок» в дальнейшем не нашел никакого развития, наоборот, он оказался настолько нехарактерным для моего брата, что в него трудно поверить. Ива всегда отличался очень внимательным и добрым отношением к людям, рыцарским отношением к представительницам слабого, но лучшего пола.

Столь же необъяснимым был один Ивочкин поступок, который относится к моим ранним воспоминаниям. Мне было тогда лет 5–6, а Ивочке, соответственно, 10–11 лет. Я очень любил играть со своим братишкой в футбол, просто в мячик, в гоп-доп и другие доступные тогда игры. Конечно, не всегда старшие ребята — друзья Ивочки приглашали меня в свою компанию, но для меня самого это (когда со мной играли!) было большим счастьем. Внимание брата и его друзей я очень ценил.

И вот однажды приходит Ивочка, так хитро смотрит на меня и говорит: «Леша, хочешь в "лёшки" поиграть?» Мне так, по крайней мере, показалось, что он предложил мне, Леше, играть в «лёшки». «А что это такое?» — спросил я. «Давай попробуем сыграть, тогда узнаешь», — таков был ответ. Я, конечно, с искренней радостью доверчиво согласился. Ивочка накинул мне на

ноги петлю веревки, которую крепко зажал в руках, и сказал: «А теперь беги...» Я настолько беззаветно верил брату, не ожидал от него никакого подвоха, что, не думая, рванулся изо всех сил. Результатом был мой разбитый нос, слезы...

«Какие же это ”лёшки“?» — ревел я. «А как же, ты же лежишь — вот и ”лёжки“!» — объяснял мне Ивочка, вытирая мои слезы. Он и сам всерьез испугался своей неудачной шутки. Родителям мы, конечно, ничего про «лёжки» не сказали. Но это был единственный случай, когда я испытал от брата боль и обиду. Не считая, конечно, 9 ноября 1995 г.

Зато он не раз спасал меня в трудную минуту: однажды поймал меня, маленького, за ногу, когда я летел в яму; отловил тонущего в Москве-реке; научил меня очень многому в жизни; как никто поддержал меня в тяжелые дни после гибели моей дочери Анечки...

Память воскрешает счастливые часы, проведенные с братом: наши походы на стадион, долгие душевные беседы, совместные поездки на отдых, волейбол на даче, а позднее — участие в физических конференциях, обсуждения новых научных идей, дружеское застолье... Все это, увы, в прошлом.

Ни в детстве, ни во взрослой жизни Ива никогда не брал себе лучшего куска. «По-братски» означает: больший кусок — брату. Так мне всегда объяснял наш Иосиф Нюрайрович. У него была удивительная особенность: он никогда первым не клал трубку после телефонного разговора... Ива был любимцем друзей и семьи.

Наш папа — наш главный жизненный пример, человек обаятельный, прекрасный семьянин, ученый, отдавший свою яркую жизнь науке и отчизне, — называл Ивочку (на наполеоновский манер!) — «мой первый маршал».

Наша любимая мама — красивая и умная русская женщина, одновременно волевая и мягкая, талантливая и скромная, любящая уют, но лишенная всякого «ве-

щизма», — справедливо считала Иву самым ласковым из своих детей, самой главной опорой нашей семьи после внезапного ухода из жизни папы. Правда, Ивочка доставлял маме и много переживаний, когда болел: в детстве — тяжелые холециститы, после 40 лет — инфаркт сердца...

Люсенька — наша младшая старшая сестра (Ивочка говорил «младшáя!»), филолог милостью Божьей, трудоголик, человек цельный и мятежный — всегда говорила: «Ивочка — это настоящий современный рыцарь, не знаю человека благороднее его».

Мне так хочется пообщаться с братом. Часто обращаюсь к нему в мыслях:

Твой ответ не прозвучит словами
На вопрос, поставленный в упор...
Ты ушел, но в мыслях между нами
Может быть продолжен разговор...

Друзья

Понятие дружбы было, пожалуй, самым святым в восприятии (или, как теперь говорят, в менталитете) моего брата.

Он очень искренне относился к друзьям, был заботлив к ним до самоотверженности, близко к сердцу принимал и радости, и беды друзей. Эта черта перешла к нему от родителей по наследству, но он, безусловно, обогатил ее своей яркой индивидуальностью. Причем он удивительно умел дружить одинаково успешно и с детьми, и со стариками, и с мужчинами, и с женщинами. После папиной кончины он как бы принял эстафету дружбы с задушевными папиными товарищами. Приезжая из Еревана, близкий друг папы, Гагик Степанович Давтян, первую встречу устраивал именно с Ивой. Либо у нас дома, либо в академической гостинице, где Гагик Степанович всегда останавливался, либо в ресторане (по торжественным случаям!) они вели неторопливую мужскую беседу за бутылочкой коньяка, потом долго гу-

ляли по улицам, как когда-то делал папа. Гагик Степанович не раз отмечал, что Ива помогал ему то хорошим советом, то добрым действием. Дружески относились к Иве и Олег Георгиевич Газенко, и Армен Арамович Гюрджиан — папины товарищи по космической биологии, Людмила Ивановна Хренникова, Валентина Петровна Островская, Ирина Иосифовна Филиппович — сотрудники Академии наук, много лет проработавшие с папой.

Брат учился в знаменитой 110-й школе. Она славилась как одна из лучших мужских средних школ столицы. Смешной случай рассказывали родители о собеседовании при поступлении Ивы в первый класс. Его спросили о том, до скольких он умеет считать. Ивочка ответил, что умеет «до семисот девяноста шести». После этого немая сцена — вопрос в глазах учительницы. «Я потом заснул», — спокойно пояснил братишка...

После войны, когда Ивочка учился в школе, обучение было раздельным. Может быть, поэтому в Иве было заложено столь возвышенное отношение к женской половине человечества как к явлению таинственному и, безапелляционно, прекрасному.

Ивин класс был на редкость дружным. Ребята сохранили преданность друг другу до сих пор, пронеся ее через всю жизнь. Ежегодно в декабре они собираются вместе и вспоминают о прожитых годах. К сожалению, от встречи к встрече круг друзей тает: одним из первых ушел из жизни Женя Михальчи — талантливый ученый, человек легкоранимой души; на декабрьскую встречу 1995 г. не дождался Иосифа...

Среди одноклассников Ивы много обаятельных людей, неординарных личностей. Костя Щербаков — крупный искусствовед, бывший многие годы первым заместителем министра культуры России, средний сын крупного государственного деятеля А. С. Щербакова. Несмотря на очень разные профессии, Костя и Ива сохраняли теплые дружеские отношения всю жизнь. А с младшим братом Кости — Иваном, моим ровесником,

Ива позже работал вместе в научном коллективе академика А. М. Прохорова. Они тоже стали близкими друзьями с Ивой. Сейчас Иван — директор Института общей физики РАН, крупный ученый-физик. Другим близким другом Ивы из класса был Эдик Рубинштейн — ныне известный московский строитель, человек очень теплый и надежный. В их классе учился Володя Захаров — видный ученый-физик и незаурядный организатор — и Сергей Денисов — крупный отечественный физик-экспериментатор, работающий сейчас в Протвино...

С Сергеем Денисовым у меня связано одно детское воспоминание, которое по прошествии многих лет кажется мне особенно значительным. Он был именно тем мальчиком, который в марте 1953 г. отказался встать в пионерский караул у бюста товарища Сталина. Родители Сергея были репрессированы в 1940-е гг., и маленький мальчик задолго до XX съезда партии принял для себя мужественное решение, как относиться к личности «вождя всех народов». Об этом поступке шепотом говорили взрослые, но, слава богу, у учителей хватило ума и благородства не испортить жизнь маленькому смельчаку.

Со многими друзьями Ивы сегодня я пытаюсь поддерживать связь, но, к сожалению, не всегда хватает времени и душевных сил...

А у брата, казалось, был неограниченный ресурс душевных сил. Его хватало на все и на всех. Он обрастал друзьями год от года. Богаты дружбой были студенческие годы. К сожалению, не все милые образы Ивиных друзей-товарищей сохранила моя память. Я приношу мои извинения тем Ивиным друзьям, которых я не упомянул в этих воспоминаниях или не смог охарактеризовать достаточно точно, но это моя вина (Ивочка помнил и любил всех, даже оступившихся в дружбе с ним).

Работая после окончания физфака МГУ в теоретическом отделе ФИАНа у академика Евгения Львовича Фейнберга, к которому он попал по рекомендации академика С. Н. Вернова, Ива сблизился со многими талантливы-

ми теоретиками, которые и сейчас сохранили о нем добрую память. Это и Игорь Дрёмин, и Игорь Андреев, и Илья Ройзен, Дмитрий Сергеевич Чернавский, Гурген Аскарьян... В тот период своей жизни он встретил Лену Андрееву (сестру Игоря), которая стала его женой и родила ему двух замечательных детей — Ольгу (1966 г.) и Артема (1967 г.). Растут два Ивочкины внука: Виктор (сын Оли) и Владислав (сын Артема, родившийся после Ивочкиной смерти, в 1999 г.) — пока единственный наследник нашей фамилии. «Он так близко к сердцу воспринимал беды российской науки и своих друзей, обрушившиеся в последние годы, что его сердце не выдержало», — так об Иве сказал на похоронах замечательный ученый Гурген Аскарьян (который через год тоже умер от сердечной недостаточности).

Во время работы в ФИАНе Ива сотрудничал и с физиками старшего и среднего поколений — Дмитрием Владимировичем Скобельцыным, Александром Михайловичем Балдиным, Ефимом Самойловичем Фрадкиным, Виталием Лазаревичем Гинзбургом, и с более молодыми учеными — Генрихом Милехиным, Владимиром Яковлевичем Файнбергом, Владимиром Ивановичем Ритусом, Ренатой Калош, Володей Манько...

Пойдя по стопам брата и поступив на физфак МГУ сразу после того, как он его окончил, я близко столкнулся со многими товарищами брата, которые, любя Иву, помогали мне, тогда молодому студенту-физику, да и помогают теперь, так как многие работают либо в Дубне (где работаю я), либо в родственных научных центрах.

Алик Малов, Сергей Федотов, Слава Тонеев — люди большого общественного темперамента — всегда поддерживали меня как в науке, так и в общественных делах.

Рудик Фаустов, Борис Арбузов, Оля Зельдович, Дина Стоянова, Володя Беляев, Света Микоян (она училась не на физфаке, но была Ивиной приятельницей со студенческих времен), Валера Миляев, Боря Ишханов с большой теплотой вспоминают об Иве, и я на себе чувствую их тепло.

В последнее десятилетие жизни Ивочка активно работал по формированию нового направления науки — компьютерной оптики. Начатые в недрах ИОФ РАН разработки он продолжил в ЦКБ уникального приборостроения. Но развитие направления происходило в тесном сотрудничестве с научными центрами Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Самары, Дубны, Еревана и других городов как в СССР (России), так и за рубежом.

Часто научное сотрудничество перерастало в дружбу.

Виктор Сойфер и Владимир Павлович Шорин из Самары были желанными гостями в Ивочкином доме или на даче в Ново-Дарьине, где Ивочка особенно любил бывать в последние годы (после инфаркта, который он перенес в 1981 г.). Дачу в Ново-Дарьине в поселке АН СССР папа построил в 1957 г., она была любимым местом отдыха нашей семьи. Уже работая в Дубне, я часто приезжал к брату на дачу, где всегда было много друзей. Иногда он навещал меня в Дубне, обычно тоже в компании близких ему людей.

На даче у брата часто бывали Юрий Васильевич Гуляев (известный физик), Александр Николаевич Выставкин (известный ученый-радиоэлектронщик), Виктор Сойфер и Иван Щербаков (уже упоминавшиеся выше) с женой Соней, Слава Хомич (ныне известный ученый) и Женя Отливанчик с Мариной (сотрудники Ивиной лаборатории), Герман Ку克林, Ольга Жирякова, Надежда Мамаева, Галя Каменская (сотрудники АН).

Я люблю встречаться с ними, так как Ива вложил в каждого из своих товарищей частицу большой и доброй души.

Иосиф Норайрович был одним из инициаторов (и первым председателем) Совета молодых ученых и специалистов (СМУиС) г. Москвы. Приверженность этой общественной работе и я «слизал» у старшего брата (отсюда моя многолетняя активность в СМУиС ОИЯИ, города и области, преданность школам молодых ученых и школьным олимпиадам и т. п.).

Думаю, что к этому периоду относится Ивочкино знакомство с Геннадием Андреевичем Месяцем (он долгое время был председателем Всесоюзного СМУиС), которое в дальнейшем переросло в совместные дела в науке и дружеские отношения. Сегодня Геннадия Андреевича не надо представлять, так как его имя хорошо известно — выдающийся ученый и один из руководителей РАН.

Недавно мы вместе с В. Г. Кадышевским (который тоже очень тепло относился к Иве) были на приеме, устраиваемом МАИК «Наука/Интерпериодика» по поводу подведения итогов конкурса на лучшую публикацию года. Присутствовавший на приеме академик Юрий Васильевич Гуляев, узнав во мне Ивиного брата, произнес локальный тост в память своего друга — Иосифа Норайровича. Он сказал такие теплые и проникновенные слова, что сидевший рядом один высокий чин Русской православной церкви (память не сохранила его имя и титул) прочувствованно сказал: «Видно, Ваш брат был Божий человек, раз его так помнят». А потом добавил: «Покуда российские ученые помнят об ушедших друзьях, их не одолеть...»

Характерно, что брат оставил очень добрую память среди моих коллег, товарищей и друзей (знаю, что и Люсиных тоже). И Альберт Никифорович Тавхелидзе, и Владимир Георгиевич Кадышевский, и Виктор Анатольевич Матвеев (известные физики), и Генрих Колеров (физик, он ушел в год маминой кончины), и Леня Слепченко (физик, мой друг, ушедший два года назад), и Леша Барышников, и Саша Квинихидзе, и Сергей Кулешов, и Павел Боголюбов, и Санди Донков, и Страшимир Мавродиев, и Маг Матеев, и Руфат Мир-Касимов (физики, мои приятели) считали Иву близким по духу человеком, часто помимо меня встречались и советовались с ним и пользовались его поддержкой.

Юра Чилингарян (ныне армянский академик), Ли Мен Ха (корейский физик), Иржи Патера (чех, работающий сейчас в канадском физическом центре), и все те,

кого мы уже вспоминали, и многие другие, разбросанные по разным уголкам планеты, ощущают себя друзьями моего старшего брата, наполняя мое сердце гордостью за него и верой во всепобеждающую силу доброты и дружбы. Разве можно сказать, что его больше нет среди нас?

Ты так любил друзей,
Их шумной встречи сладость,
Застолья откровенный разговор...
Ушел... Но преданность друзей осталась.
Друзей ты собираешь до сих пор.

Спорт

Хотя спорт был почитаем в нашей семье, но настоящим чемпионом был только Ивочка.

Папа и мама играли в волейбол, в шахматы, были воршиловскими стрелками, т. е. имели «типичный набор» для физкультурника 1930-х гг. Позднее они сохранили большую любовь к плаванию и пешим прогулкам. Папа, будучи на отдыхе на Черном море, плавал по 2–3 часа, о чем как-то писал академик С. Вольфович в газете «Советский спорт», приводя папу в пример как крупного ученого, пронесшего через всю жизнь спортивные навыки и любовь к спорту. Неплохими спортсменами были дядя Алеша и дядя Боря (мамины братья). Первым нашим наставником в спорте (после родителей) был Камо Оганесян, сын папиного друга детства Огсена. Он в конце 1940-х гг. приехал в Москву учиться и жил некоторое время у нас (в тесных комнатках на улице Горького). Камо водил Иву, позже нас обоих, на футбол на стадион «Динамо» (тогда еще не было стадиона в Лужниках) и на другие спортивные соревнования. Иногда и папа ходил на футбол с нами, но это было достаточно редко. Папа вообще очень мало времени уделял отдыху и развлечениям, он всегда и весь был в работе.

Уже во взрослой жизни много приятных встреч было у меня с Камо Огсеновичем, который работал в Дубне и был известен как блестящий экспериментатор и хороший спортивный тренер, судья по тяжелой атлетике. Судьба распорядилась так, что Камо умер в один год с Ивой — 13 августа 1995 г.

Самыми незабываемыми детскими впечатлениями для меня были совместные с братом (иногда втроем: он бывал со своей девушкой) походы на соревнования по легкой атлетике, которой Ива был предан всю жизнь (опять же «по стопам брата» и я полюбил легкую атлетику и немного занимался в секции спортобщества «Труд»).

Во взглядах на спорт у нас с братом было только одно противоречие. Он болел за футбольную команду «Динамо», а я (почему-то) — за «Спартак».

Думаю, что я болел за «Спартак» под влиянием симпатий к этой команде академика Александра Васильевича Топчиева (папиного друга) и, в особенности, его сына Мити, который очень трогательно относился к Иве. Митя говорил: «Ива, извини, я очень уважаю и даже люблю тебя, но я болею за "Спартак"...»

Сам А. В. Топчиев, как и М. В. Келдыш, В. А. Энгельгардт, А. Л. Курсанов, В. А. Кириллин, Н. Н. Боголюбов и другие папины академические друзья, очень ценил Иву за ум, тактичность и неизменную доброжелательность. Ива, как старший сын, всегда был главным «шашлычником». Когда родители принимали на даче друзей, я помогал ему, замещал его, если Ива уезжал на целину или был на сборах.

Я всегда радовался спортивным достижениям брата, который очень хорошо бегал спринтерские дистанции (100, 200, 400 метров) и, соответственно, спринтерские эстафеты. Он имел несколько вторых разрядов в спринте и в прыжках в высоту, а стометровку бегал на уровне первого разряда (тогда это было 10,8 секунды).

Несколько раз он был чемпионом Москвы (среди юношей), победителем открытого чемпионата Звениго-

рода, призером первенств МГУ, обществ «Труд», «Буревестник»...

Часто Ива брал меня в качестве «группы поддержки». Я сидел на стадионе, гордился братом и мечтал тоже стать чемпионом.

Помню тренера, который тренировал Иву и немного меня в легкоатлетической секции общества «Труд». Его звали Борис Владимирович Валик, он был спокойным и обаятельным человеком, все силы отдававшим воспитанию молодых спортсменов; был еще тренер по фамилии Герчиков — по-моему, он был директором ДЮСШ. До сих пор по ночам мне снится шуршащая гаревая дорожка, «душистая» раздевалка на стадионе «Труд» и Борис Владимирович с секундомером в руках. «Ну, до Оси тебе пока далеко», — говаривал он. Почему-то в спортивной секции брата называли Осей.

Да, чемпионом я так и не стал. Годы проходят, и постепенно осознаешь, что далеко не все детские мечты могут уже реализоваться.

Наверное, под впечатлением этого переживания появилось такое стихотворение «Размышления»:

Где мои Олимпийские игры,
Их страстей запредельный накал,
От рекордов сведенные икры?
Я в число игроков не попал...
И ни разу на финише первым
Грудью ленточку не уносил,
Но играл, но любил, портил нервы
И стремился вперед что есть сил...
И в тумане полночного бреда
Мне привиделся жизни итог:
Жизнь прожить — это тоже победа,
Если выполнил все, что ты мог.

Работа

Мой брат никогда не был «сухарем» и аскетом, наоборот, он любил радости жизни во всех многогранных проявлениях. Однако работа всегда была главным элементом его жизни, он умел ради успеха дела, которому

служил, отказываться и от радостей жизни, и от простых путей в науке (как правило, на деле никуда не ведущих).

Его успехи в работе не были легкими. Думаю, что ему приходилось иногда делать выбор в пользу не очень благодарной деятельности в силу жизненных обстоятельств. Так, после внезапного ухода из жизни отца он согласился перейти на должность ученого секретаря ФИАНа, поскольку чувствовал ответственность за семью, а эта позиция позволяла получать немного большую зарплату. Он не оставил работу в области теоретической физики высоких энергий, но из-за административной нагрузки довольно поздно защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

Также из-за ответственности перед семьей он не смог принять очень привлекательное для него предложение академика А. Н. Тавхелидзе — возглавить Баксанское отделение ИЯИ АН СССР. Мама, младший брат, своя семья, дети нуждались в его опеке (предлагаемая должность была связана с длительным отсутствием в Москве), а работать в полсилы он не умел. Ему было присуще большое чувство ответственности перед близкими, друзьями и наукой (об этом ярко говорили на семинарах, проводимых в память об Иосифе Норайровиче, его товарищи).

Большой период его жизни был связан с работой в Отделении ФИАНа (затем ИОФ АН), которое создал Александр Михайлович Прохоров. Ива долгое время был замом по прохоровскому отделению. Поменял он и направление своей научной деятельности, овладев в короткие сроки навыками в нелинейной оптике. Мне кажется, что в результате непростых взаимоотношений, которые не по вине Ивы сложились в коллективе, он ушел из ИОФ АН и последние десять лет был начальником — главным конструктором ЦКБ уникального приборостроения АН СССР (с 1991 г. РАН). Годы его руководства ЦКБ были годами расцвета этого института, сотрудники до сих пор тепло и сердечно вспоминают Иву. Его заместители В. М. Неймарк и А. И. Иванов, другие

сотрудники (включая нынешнего директора ЦКБ В. И. Пустовойта, который пришел из ИРЭ*) всегда вспоминают о нем в памятные дни 8 марта (день рождения Ивочки) и 9 ноября (день его смерти). В здании ЦКБ установлена мемориальная доска в честь Ивы. В стенах ЦКБ он выполнил работы, связанные с космической тематикой и удостоенные Госпремии РФ в 1992 г.

Думаю, что анализ, безусловно, весомого вклада Ивы в развитие новых направлений науки и техники не лежит в русле жанра воспоминаний о брате. Может быть, эта книжка, которую держит читатель**, в целом позволит составить портрет И. Н. Сисакяна-ученого. Моя же цель — нанести штрихи к портрету брата...

Скажу только, что мне всегда очень приятно получать подтверждения того, что брата помнят как учителя (у него было много учеников и в ФИАНе, и в ИОФ АН, и в Физтехе, где он читал лекции, и в других центрах) и как ученого. Дубненский физик Лев Маркович Сороко в недавно вышедшей монографии «Мезооптика» обильно цитирует научные работы брата. Член-корреспондент РАН В. А. Соيفер на заседании в Президиуме РАН в прошлом году в своем обзорном докладе назвал имя И. Н. Сисакяна как одного из основателей нового научного направления — компьютерной оптики...

Сам я в ряду первых своих учителей с гордостью называю своего брата.

Ива считал своими главными примерами в науке папу, Евгения Львовича Фейнберга и Александра Михайловича Прохорова. Думаю, что и они могут гордиться своим учеником. Ива всегда жалел, что научная судьба отдалила его от Евгения Львовича, которого он очень любил, отдалила от проблем физики элементарных частиц (как мог, я старался держать брата в курсе собы-

---

* Институт радиоэлектроники.

** Очерк написан для книги о И. Н. Сисакяне «Прыжок перека- том» (Дубна: ОИЯИ, 2005).

тий, происходящих в этой интереснейшей области науки).

Его душа

Ива был человеком прозорливым. Помню, как еще в начале горбачевского периода на мои жалобы по поводу «пропесочиваний» на парткомах он не раз говорил мне, что скоро все поменяется коренным образом и не надо обращать на это большого внимания.

К сожалению, ожидаемые перемены кроме свободы принесли значительное обнищание, в том числе и науки.

Ива очень переживал происходящее. Он активно искал партнеров для того, чтобы получить заказы на уникальные приборы, разрабатываемые у него в коллективе, так как бюджетное финансирование, в особенности институтов прикладного профиля, практически обнулилось. Ива прикладывал нечеловеческие усилия, чтобы сохранить на плаву коллектив научных прибористов академии. К этому времени он также возглавил Совет по научному приборостроению («Академприбор»). Многие друзья помогали ему в то нелегкое время, среди них Валерий Александрович Михайлов (видный организатор, многолетний первый заместитель министра науки, ныне руководитель одного из департаментов правительства), Андрей Георгиевич Фонотов (в то время первый заместитель председателя ГКНТ), Миша Ковальчук (директор Института кристаллографии им. А. В. Шубникова РАН) и др.

Ряд проектов начал осуществляться совместно с зарубежными партнерами. От души пытался помочь моему брату Иосиф Тохадзе — мой старинный друг, волею судеб оказавшийся с 1977 г. в США.

В те годы Иве и его коллективу удалось выстоять, но здоровье брата сильно пошатнулось. Лечивший его врач — видный кардиолог профессор Абрам Львович Сыркин (опять же «по стопам брата» вслед за Ивой и я

попал к нему как пациент) говорил мне, что сердечные сосуды брата в очень плохом состоянии. Ива не очень решительно подумывал об аорто-коронарном шунтировании, которое могло бы его спасти, но, к сожалению, он не успел «созреть»...

Были и еще обстоятельства, которые определили ранний уход Ивы из жизни. Он очень нежно и заботливо относился к маме. Как я уже говорил, после смерти отца все заботы о ней и семье в целом легли на его плечи. Именно Ива, понимая, как тяжело одиночество, остался жить с мамой, хотя это, на мой взгляд, осложнило его личную жизнь. Но Ива даже думать не хотел о том, чтобы разъехаться по разным квартирам. Он всегда встречал с мамой Новый год и все другие значимые общие и семейные праздники. Мы с сестрой, конечно, тоже старались заботиться о маме, но в последние годы, как правило, находились вдалеке от нее (я в основном в Дубне). Каждый день я звонил маме, чтобы поделиться с ней новостью, получить заряд бодрости (она была очень оптимистичным человеком!). С тех пор всегда с грустью смотрю на телефон, вспоминая маму:

Я — в пути, устал, смотрю в окно...
Знаю: мама умерла давно,
Но меж нами сохранилась нить...
Как хочу я маме позвонить...

Понимая условность любого обобщения, в то же время скажу: именно благодаря заботам Ивы мама (несмотря на все трудности и ранние потери) прожила счастливую старость. Когда мамы не стало (последние месяцы она тяжело болела), Ива как-то сразу постарел, он стал чаще грустить, порой мне казалось, что он не находил себе места. Последние пять лет он стал говорить о смерти, особенно за дружеским застольем, которое он так ценил и верил (боюсь, напрасно) в его целительную силу...

А до этого трагедия, произошедшая в моей семье, безусловно, тоже нанесла удар по Ивиному легкоранимо-

му сердцу. В первые дни после гибели 18 февраля 1986 г. моей дочки Анечки Ивочка был главной опорой для нас с Таней, для мамы. Тогда я впервые видел, как Ива плакал... А затем — изнурительный судебный процесс над Аниными убийцами, переживания вокруг относительно «мягкого» приговора... Все это нам было бы невозможно пережить без Ивы. Демагогической болтовней для меня кажутся дебаты, развернувшиеся у нас в последнее время вокруг моратория на смертную казнь. Государство однозначно должно защищать жертву, а не убийцу.

Уже после Ивиной смерти я узнал, что он (не говоря мне ни слова) искал каналы, чтобы докопаться до истины и сурово покарать Анечкиного убийцу...

Он был красивым и мужественным, мой брат, надежным в деле и дружбе. Это многие люди чувствовали с первого взгляда. Думаю, что все женщины, которые его знали, были в него влюблены. Он чувствовал это и часто слегка кокетничал с милыми дамами, но всегда очень бережно относился к их чувствам, стараясь не использовать их симпатии в эгоистических целях. Одной из его любимых присказок был тост: «Чтоб нас девушки любили!» В то же время Ива был скромным и совсем не жаловал всякую показуху. Он очень не любил фотографироваться и давал интервью только по крайней необходимости.

Когда пишут даже о дорогом человеке, все равно неизбежно слишком много говорят о себе. Может быть, в этом нет ничего страшного, потому что, говоря о любом человеке, любом явлении в жанре воспоминаний, мы как бы преломляем их через призму собственного восприятия. Воспоминания — это, в конце концов, не статья в энциклопедии...

Позволю поэтому коротко еще раз остановиться на нашей дружбе, которой еще при Ивиной жизни стукнул 51 год... Но разве может дружба умереть с уходом одного из друзей? Так же, как я ежедневно испытываю свою связь с ушедшими родителями, так же ежедневно в мыслях обращаюсь к моему брату, который после 12 марта

1966 г. стал для меня «пророком» нашего отца. Наверное, греховно проводить такие аналогии, но это только образ, и верю, что Господь простит меня за это.

Все значительные шаги в своей жизни я делал, посоветовавшись с братом, последние семь лет — мысленно. Я стал физиком, а не писателем (хотя, как вы поняли, пописываю стихи), не биологом, не хирургом, как порой мечтал в детстве, главным образом, благодаря брату. Он старательно выводил меня на физико-математическую орбиту (правда, не без папиного участия). И решать замысловатые задачки, которые давал мне брат, для меня стало увлекательным делом. К тому же в те 1950–1960-е гг. считалось весьма престижным получать призы на физико-математических школьных олимпиадах, и даже красивые умные девочки с симпатией относились к таким «олимпийцам». Ива с удовольствием общался и помогал в занятиях учебной и спортивной моим школьным друзьям и подругам. Знаю, что теплые воспоминания школьного и дачного детства связаны с моим братом у Вити Саврина, Саши Бойко, Миши Савельева (через два года после Ивы и он ушел), Виталика Барбаша, Коли Губанова, Вити Мазо, Иры Александровой, Гули Илюшиной, Миши Дзамашвили и у многих других моих друзей-приятелей, которые в разные периоды жизни общались с Ивочкой.

Бережно хранится память об Ивочке и в семье сестры: Люся, ее муж Юлиан Арамович Будагов (тоже физик из Дубны), их дети — Людмила и Александр (и их окружение) — всегда с любовью вспоминают о нем.

Наташа, в моем союзе с которой Ива сыграл решающую роль, и наша милая дочка Настенька вместе со мной разделяют гордость за старшего брата, помогают мне поддерживать связь с Ивочкиными друзьями, которые по памятным дням звонят или заходят к нам домой, чтобы вместе вспомнить Иву. Наши ереванские, аштаракские, тверские, черниговские родственники и друзья семьи относились к нему всегда очень тепло и, уверен, будут долго его вспоминать добрым словом.

В этих кратких воспоминаниях очень много имен людей, с которыми Ива был связан. К сожалению, здесь далеко не все имена. Однако я сознательно старался вместить в рамки моего рассказа побольше его друзей и хороших знакомых. Сам Ива всегда очень бережно относился к людям и боялся кого-то обойти вниманием. Он действительно очень любил своих друзей...

7 ноября 1995 г., как всегда, на даче в кругу друзей он отметил уже потускневший, но привычный праздник. Восьмого — много гулял по опустевшему дачному поселку, вспоминал прожитое и строил планы на будущее... Но будущему суждено было развиваться уже без его прямого участия. 9 ноября с утра он собирался в Москву на встречу оргкомитета симпозиума, посвященного 90-летию отца. Но собравшиеся в Институте медико-биологических проблем О. Г. Газенко, А. А. Гюрджиан, Б. Ф. Поглазов (тогда директор Института биохимии им. А. Н. Баха, где папа проработал всю свою жизнь), И. И. Филиппович, Е. А. Красавин (профессор, радиобиолог) и другие так и не дождались его.

Ему стало плохо с сердцем. Приехал врач неотложки, померил давление (в норме), сделал ему укол для снятия спазма. Ива заснул на диване в большой комнате, где он так любил собирать друзей, — заснул, чтобы уже никогда не проснуться на этом свете...

...Ива всегда очень серьезно относился к любым людским увлечениям (или даже заблуждениям!), так же он относился и к моему стихотворчеству. Иве понравились стихи, которые я показал незадолго до его ухода, поэтому решил их ему и посвятить. Вот они:

Это буду не я —
Человек охладевший,
Понесут не меня
Под марш надоевший.

Схоронив, не грустите
И слез вы не лейте,
За столом закусите
И бокалы налейте...

А в компании тесной,
Может, сбудется чудо:
На минутку воскресну
И с вами буду...

На похоронах Ивы было очень много народа, очень много цветов... Иногда думалось, что при жизни эти знаки внимания были бы ему нужнее.

Говорилось много теплых слов. Вот Валерий Миляев — известный физфаковский поэт — цитирует стихи (боже, это мое четверостишие!):

И я не вечен, знаю сам.
Настанет день, меня не будет,
Но Богу душу не отдам,
Я вам ее оставляю, люди...

Да, прах Ивы покоится рядом с любимыми родителями на Новодевичьем кладбище, а светлая душа его осталась с нами и помогает нам в трудную минуту и ликует вместе с нами в минуты радости.

Порой мне кажется, что судьба могла бы быть благоклонней к моему брату. Он заслуживал большего признания в науке (в том числе быть избранным в Большую Академию), он мог бережнее относиться к своему здоровью, мог быть счастливее в личной жизни... Но это была бы жизнь другого человека, а не та яркая и добрая жизнь, которую прожил любимый брат мой — друг мой...

Москва–Дубна, сентябрь 2002 г. – 2003 г.

КАК ЛЁЛИК БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ

Дочке Настеньке

1. Про эти рассказыики

Когда папа был маленьким, у него тоже были папа и мама, и даже бабушка и дедушка, и даже братик и сестренка. Жили они все в Москве на улице Горького.

Тогда на Пушкинском бульваре старушки вредничали: «Горького-сладкого... Кому приспичило такое красивое название — Тверская — поменять?»

А сейчас уже другие старушки могут повредничать: улица опять стала Тверской, а старушки привыкли к Горькому.

Тебя, Настенька, часто интересуется вопрос, как было в ту пору, когда папа был маленьким. Вот я и придумал записать эти рассказыики про мальчика Лёлика, про его житье-бытье, про его друзей и необычные приключения.

2. Про маму и папу

Когда Лёлик появился на свет, еще шла война. Это была та далекая война с фашистами, которая, к счастью, на следующий год после Лёликиного рождения завершилась Великой Победой. Ее отмечают каждый год 9 мая, в день рождения твоей мамы Наташи.

В начале войны моя мама (твоя бабушка Варя) с детьми Люсей и Ивочкой были отправлены в эвакуацию в Киргизию — город Фрунзе, где не было военных действий, а вернулись оттуда только в конце 1943 г., когда

враги отошли от Москвы. Папа (твой дедушка Норик) пошел в 1941 г. в народное ополчение, но, пробыв в нем несколько месяцев, был отозван по просьбе его учителя — академика Алексея Николаевича Баха — для выполнения правительственного задания. Папа уже был профессором и известным биохимиком к тому времени. Многие его товарищи не вернулись с фронта, среди них любимый друг — Алексей Петрович Алексеев, который познакомил папу со своей сестрой Варварой Петровной Алексеевой (бабушкой Варей) в то время, когда они вместе учились в Тимирязевской академии в Москве.

Дядя Алеша был командиром стрелкового полка и храбро сражался за Родину, погиб он в январе 1944 г. в городе Калинковичи под Мозырем на территории Белоруссии.

В честь него меня папа с мамой и назвали Алешей.

Итак, в октябре 1944 г. в большой московской коммунальной квартире появился крошечный Лёлик. Еще в этой квартире на пятом этаже в доме 22а (он и сейчас стоит рядом с гостиницей «Минск»^{*}) проживало несколько семей — поэтому она и называлась коммунальной. Как часто вспоминала мама, жили весело и дружно. Это были семьи научных работников. Они всегда старались во всем помогать друг другу и понимать друг друга.

Мама, которая, как и папа, была ученым-агрохимиком, после рождения Лёлика уже не вернулась на работу. Тетя Дуся (родственница известного физика Сергея Николаевича Вернова) часто говорила маме: «Варя, что же ты не защитишь диссертацию? Тебя так хвалят твои сослуживцы». «А вот они, мои три диссертации, бегают», — говорила мама, смеясь, и показывала на своих детей. Тетя Дуся была добрейшей женщиной, образованной и вместе с тем глубоко верующей. Помню, что она с моей бабушкой Фаиной Яковлевной отвезла меня и свою внучку Леночку в Долгопрудный и, кажется, там

---

^{*} Москва реконструируется — и уже нет гостиницы «Минск», на ее месте строится новое современное здание (*примеч. авт. 2007 г.*).

нас и покрестили втайне ото всех. Тогда это было очень непросто, так как государством навязывалось неверие (атеизм).

В памяти остались лишь разрозненные картинки того периода, а кое-что дошло из рассказов старших.

3. Лёлик — шпагоглотатель

Все эти приключения Лёлика, которые ты найдешь в этом рассказике, он сам, конечно, не помнит. Но много раз, уже повзрослевшему мальчику, ему их пересказывали мама и папа.

Вот однажды (Лёлику тогда было всего несколько месяцев) мама готовила на кухне обед, а в комнате, где Лёлик играл, вдруг стало подозрительно тихо. Мама заглянула в комнату и увидела, что Лёлик, который ходить еще не умел, дополз до папиного письменного стола, выдвинул нижний ящик и с интересом вытаскивает из него разные вещички...

В тот момент, когда мама тихонько приблизилась к нему, Лёлик поднес что-то ко рту и быстренько проглотил. Мама в ужасе увидела у Лёлика в руках коробочку с остатками канцелярских кнопок. Мама быстро потащила его к тазу, чтобы он выплюнул «эту бяку», но во рту уже ничего не было. Мама зовет соседей на помощь. Папа, с которым советуются по телефону (он, как всегда, на работе), рекомендует дать ребенку побольше вареной картошки, чтобы она обволакивала острые кончики кнопок и те не проткнули кишки... Авторитет папы был высок: и соседи, и подоспевший врач ничего лучше не могли придумать. Так и порешили — давать картошку и ждать... Говорят, что Лёлик не плакал и довольно спокойно уплетал картошку. Можно только представить, какой это был тяжелый день для его родителей... И какая была радость наутро в горшочке обнаружить четыре целехонькие кнопки.

Лёлика стали называть юным шпагоглотателем, а старенький академик А. Н. Бах, узнав от папы об этом при-

ключении Лёлика, сказал: «Любознательный мальчик, биохимиком будет». Старик почти угадал.

Но на этом младенческие приключения Лёлика не закончились. Через несколько месяцев нарождающаяся любознательность привела его к колбочкам с химреактивами, хранившимися в папином книжном шкафу. К счастью, Лёлик не успел выпить содержимое колбочки, где была соляная кислота, потому что еще плохо держался на ногах: он упал, и кислота обожгла ему животик. Но опять, как говорят, пронесло.

И, наконец, кульминацией походов любознательного мальчика стало отравление несвежей колбасой, которую он попробовал без особого на то разрешения. Лёлику стало так плохо, что он потерял сознание. Папа, не долго думая, облил ногу Лёлика очень горячей водой, чем вывел его из шока и тем самым спас... Шрамик на левой ноге до сих пор напоминает об этом ужасном случае. Но, пожалуй, хватит рассказывать о таких приключениях, а то ты, Настенька, решишь, что Лёлик был чрезмерно озорным ребенком, а это не совсем так.

4. Эта сладкая улица Горького

Теплым детским воспоминанием остались предпраздничные, особенно предновогодние, дни на улице Горького. В булочной номер один (хотя все ее называли Филипповской) пахло всегда удивительно вкусно и продавались торты с большим шоколадным зайцем. По праздникам родители иногда покупали такой торт. О, чудесные прогулки с родителями по предновогодней Москве — елки, огоньки, лесенка-чудесенка!.. Почему-то больше даже помнится предпраздничная обстановка. Ожидание праздника, ожидание чуда, наверное, выше самого праздника.

В Новый год елки для детей по очереди устраивались почти в каждой семье. Еще одно преимущество коммунального проживания! Однако кто-то из старших соседских детей по секрету выдал маленькому Лёлику тайну

отсутствия в природе Деда Мороза. Лёлик не хотел смириться сразу с такой «несправедливостью» и не спал ночами, пытаясь найти все-таки доказательства существования сказочного деда, но потом смирился. А потом повзрослел и забыл на время про эту проблему. А сейчас, по правде говоря, Лёлику кажется, что существование Деда Мороза вполне возможно и доказательства тоже можно найти. Как посмотреть на вещи!

5. Первое путешествие

Из первых пяти-шести лет своей жизни Лёлик запомнил в основном свое житье-бытье в Москве. На лето выезжали на дачу, но, кроме нескольких эпизодов по рассказам старших, в памяти не сохранилось ничего. Рассказывают, что когда семья гостила на даче у Энгельгардтов (В. А. Энгельгардт — крупный биохимик, папин друг), двухлетний Лёлик вывалился из коляски и полетел в довольно глубокий овраг, но Лёликин брат Ивочка-Пимпочка, которому было восемь лет, поймал маленького «летчика» за ногу. Видимо, опять Лёлика подвела любознательность. Потянулся за бабочкой.

Но первое серьезное летнее воспоминание относится к 1950 г., и это было путешествие в Армению.

Это было неожиданное решение — отправиться туда всей семьей: мама, папа, Люся, Ива и Алеша. Очень настаивали наши друзья Карапетяны (Амалия Христофоровна и Саак Карпович, их дети — Лида, Варя, Долик и Давид): мама с папой, к радости детей, согласились принять это доброе приглашение. Ехали на поезде долго и интересно. Лёлик помнит, что эта первая поездка на поезде потрясла его гораздо больше, чем (через много-много лет) первый полет на самолете. Наверное, детские воспоминания всегда ярче...

В эту поездку Лёлик впервые осознал, что он не просто мальчик, а немного все-таки армянский мальчик. Конечно, и на улице Горького, в гостях, было много папиных родственников и друзей из Армении, особенно час-

то приезжали папина сестра — тетя Маруся, его друг детства Татевос, друг и коллега папы Норика — Гагик Степанович Давтян. После войны появился красивый молодой человек — сын папиных друзей — Камо Оганесян. Он водил Иву на футбол, поступил учиться на физфак и был всеобщим любимцем. Всю жизнь...

Но по-настоящему Лёлик прочувствовал свою сопричастность Армении только во время этой поездки. И причиной тому были многочисленные родные и знакомые, которые, как только заходили к ним в дом, начинали тискать Лёлика и говорить: «Балик-джан, ты посмотри вокруг, как красиво, это твоя Армения. Покушай, джаникес, это армянский помидор (или армянская айва)».

А вокруг действительно было очень красиво. И если нужно вызвать образ рая — Лёлик вспоминает тот летний абрикосовый сад своего детства.

Первые несколько дней после приезда в Ереван у Лёлика были проблемы с желудком: перемена климата, перемена пищи, говорили взрослые. Лёлика даже уложили в постель, и он сам как-то утром, когда ему стало получше, попросил манной каши, которую к тому времени уже не любил. Но манной крупы в доме у хозяек не оказалось. Пришлось поесть рисовую.

А за окном на маленьких осликах мацончики развозили молоко и мацони, выкрикивали на весь квартал что-то непонятное (на армянском языке), что пугало Лёлика и приводило в легкое недоумение (кроме привычного русского есть и другие — необычные — языки!).

Но недуг был недолгим, и предстояло изумительное путешествие к хрустальному озеру Севан. Здесь через 37 лет Лёлик с твоей мамой Наташей проведут предсвадебный отпук, предсвадебное путешествие.

Ездили мы и в Аштарак — на папину родину. Здесь через 31 год на проспекте, носящем имя папы (дедушки Норика), откроют ему памятник. Дети из школы имени Сисакяна возложат к нему цветы, а слова о папе скажут

великие сыны Армении: Виктор Амбарцумян, Геворг Эмин, Вардгес Петросян... Воссоздадут дом-музей твоего дедушки... Но это будет потом.

А пока Лёлик наслаждается красотами и блюдами Армении. В семье репрессированного в 1937 г. папиного брата в Аштараке, несмотря на то, что жилось им не просто, нас ожидает вкусный хоровец из молодого барашка — родные в гости приехали! К несчастью, Лёлик увидел этого барашка, пока тот еще гулял по травке, ни о чем не подозревая. Съесть этот хоровец Лёлик не смог и потом несколько недель не ел мяса. Чуть не стал вегетарианцем.

Верю, Настенька, что пройдут эти несправедливые войны в Закавказье, вековые связи, живущие в людях, победят амбиции политиков, и махнем мы всей семьей в Армению!

6. Лёлик идет в школу

Лёлик с нетерпением ждал, когда же он пойдет в школу. Старший брат был уже шестиклассником, а сестра — студенткой, когда, наконец-то, Лёлика записали в школу. Он часто болел ангинами, поэтому родители решили определить его в школу только в сентябре 1952 г., когда мальчику было уже почти восемь лет. Надо было немного окрепнуть.

В ночь перед 1 сентября Лёлик долго не мог заснуть. Он волновался, что не сможет спокойно просидеть целый урок, что вдруг набедокурит и строгий учитель выгонит его из класса. Передавались беспокойства, которые высказывали бабушка и дедушка, — они считали Лёлика большим непоседой и, видимо, чаще родителей сталкивались с его шалостями. Мама и, в особенности, папа свято верили (и оказались правы!), что их почти восьмилетний Алешенька будет прилежным и сильным учеником. Накануне первого в Лёликиной жизни Первого сентября мама сочинила такие стихи:

Мой Алеша маленький —
Он совсем как зайныка.
Мой Алеша подрастет
И учиться в класс пойдет.
Возьмет портфельчик новенький
Своей ручонкой голенькой,
Сядет он за парту, маленький такой,
А напишет буковки, как совсем большой.

И, наконец, наступил первый в его жизни учебный день, праздник знаний. В доме царила атмосфера праздника. Улыбающаяся мама, запах домашних пирожков с капустой, подарки — несколько довольно толстых книг (одна из них была — это в памяти сохранилось — «Сказки народов мира»).

И это великое чувство одновременно радости и большой взрослой ответственности овладело сердцем Лёлика и, наверное, осталось с ним на всю жизнь...

Мама очень любила 1 сентября. Это был для нее самый радостный, почти святой день.

Она ушла из жизни 1 сентября 1990 г.

Может быть, так Господь отметил святость маминой жизни — жизни ради детей. Но это будет через 38 лет после того давнего и памятного Лёликиного 1 сентября.

А пока он стоит на линейке в ряду постриженных наголо первоклашек в серых неказистых пиджачках с белыми накрахмаленными воротничками (тогда еще не было форм мышинового цвета, а девочки учились в отдельных от мальчиков школах).

Перед «опытными», а также «свежеиспеченными» школьниками выступил директор школы, заслуженный учитель РСФСР Николай Михайлович Беленёв. Это был маленький, подтянутый и очень худенький старичок, хотя лет ему было около пятидесяти (по сегодняшней для меня шкале — почти молодой человек), но тогда он мне казался воистину старичком. «Спасибо товарищу Сталину — за наше счастливое детство», — дружно скандировали ученики московской школы № 16. Да, такое было время. Все «Мурзилки» и «Пионер-

ские правды» выходили с портретом вождя. На следующий год, 5 марта, вождя не станет. И наш директор, шупленький Николай Михайлович, взгромоздившись на трибуну, скажет искренне почти комичное: «Дети, когда у меня умерли папа и мама, я не плакал. Сейчас я плачу, потому что умер товарищ Сталин». Это сейчас кажется почти смешно, а тогда мы заревели тоже.

Пока Лёлик и его друзья будут учиться в школе, много воды утечет. Через несколько лет развенчают культ личности Сталина, наступит «хрущевская оттепель». На смену почти казарменному стилю в школы придут ростки демократии... Да что говорить: та свободная атмосфера 17-й школы, где оказались в начале 1960-х Лёлик и его друзья, — просто нормальное человеческое явление. Лёлик и сейчас часто встречается со своим другом Витей Савриным, с благодарностью вспоминает творческие и радостные дни юности:

Цикады звенят, цикады
Симфонией в тишине...

(«Другу», 1961 г.)

Лёлик перезванивается с Ирой Александровой (первая любовь!), с Сашей Бойко, с Мишей Дзамашвили...

Ощущение от этой симфонии до сих пор охватывает Лёлика, когда он вспоминает ту пору. Вот на память приходят сцены из школьной поры.

Первая учительница — Александра Михайловна Матвеева, как нам тогда казалось с позиции первоклассников, женщина немолодая, очень правильная и очень строгая. Она могла прямо с партией «вытряхнуть» из класса распоясавшегося ученика. Лёлика Бог миловал, он был на хорошем счету, круглым отличником и старостой класса.

Было ли объективно наше мнение о ней? Конечно, нет. Во-первых, она была безусловно молодой женщиной. Ей было всего двадцать восемь лет.

Когда мы учились в четвертом классе, у нее родилась девочка. Помню, однажды мы зашли навестить заболев-

шую учительницу и столкнулись с ее очень неустроенным бытом, столь характерным для Москвы конца 1940-х – начала 1950-х гг. Что такое коммунальная квартира, я знал не понаслышке, но наша бедная учительница жила в коммунальной... комнате. Это было разгороженное занавесками и ширмочками помещение, где на небольшом пяточке ютилась Александра Михайловна с мужем и крохотной дочкой.

Учительница очень смутилась нашим приходом, но была искренне тронута вниманием. После этого она нам уже не казалась чересчур суровой и строгой.

Надо сказать, что наш и параллельные классы 16-й и 17-й школ, где Лёлик учился, дали довольно много известных людей. Несколько профессоров. Среди них Витя Саврин, Витя Мазо, Люба Михайлова (после замужества Кирпичникова — жена академика М. П. Кирпичникова), Саша Левич (сын ученика Ландау — известного физика Вениамина Григорьевича Левича). Игорь Кио (он учился на год старше) — известный иллюзионист. Юра Дёмин — генерал-полковник, главный военный прокурор РФ. Коля Коршилов — артист театра оперетты, чья жена — Татьяна Коршилова — была популярной телеведущей (она погибла в расцвете лет в автокатастрофе), Миша Дзамашвили — генеральный директор ЗАО «Аэроферст»...

Пройдет еще много-много лет: Лёлик повзрослеет, станет студентом, потом потеряет папу и станет совсем взрослым. Потом у него будет и любовь, и работа, и радости, и горькие потери (гибель дочки Анечки, уход из жизни мамы, внезапная смерть брата, потери друзей, родных); неожиданные и большие перемены произойдут и в жизни нашей страны, но это уже из жизни взрослого Лёлика (о ней ты все поймешь по его стихам). А рассказ о том, как Лёлик был маленьким, на этом можно и закрыть...

1995 г.

МОЙ КРЫМ. 60-Е ГОДЫ

В этом собственническом названии, конечно же, нет никаких притязаний на дивный полуостров. Просто Крым (как Москва, как Дубна!) стал неотъемлемой частью моей жизни, врезавшись в память эпизодами, связанными с самыми дорогими мне людьми, с событиями, которые и есть сама жизнь...

В Крыму я в первый раз увидел море. Увидел это сине-зеленое чудо и ощутил йодистый и соленый вкус морской воды.

Мое первое путешествие в Крым относится к лету 1960 г., когда мы почти всей семьей (мама, папа, мой старший брат-студент и я, пятнадцатилетний московский школьник) отправились в Нижнюю Ореанду — райский уголок под Ялтой, где находился престижный санаторий. «Почти всей семьей» — потому что моя замужняя сестра с трехлетним сыном в то время уже крепко обосновалась на лето в Дубне, где работал ее муж, а наша бабушка (мамина мама) помогала ей нянчить малыша.

В июне того же года мой папа Норайр Мартиросович Сисакян был избран академиком и членом Президиума АН СССР и поэтому получил возможность проводить отпуск в санаториях «кремлевки».

В нашей жизни нередко можно проследить некую «повторяемость», когда запоминающиеся события в иной момент времени с близкими людьми «повторяются» (в прямом или зеркальном варианте). Иногда это приятные, иногда горькие «повторы»... Вот приятный «повтор» — через 48 лет мне довелось повторить папин «дубль», но уже в Российской академии наук (правопре-

Именно в Крыму во время недолгого (по 24 дня!) отдыха с родителями в эти годы проходили важные этапы моего взросления.

Всего мне посчастливилось в 1960-е гг. четыре раза отдыхать в «Нижней Ореанде» с родителями: в 1960-м (как я уже писал, и с братом), в 1962 и 1964 гг. (с обоими родителями), в 1965 г. (только с папой, мама осталась в Москве, так как бабушка заболела раком). В 1961 г. в Крым не ездили (у папы был большой Международный биохимический конгресс в Москве), в 1963 г. папа с мамой ездили, но без меня (я был на целине, в составе студенческого стройотряда).

Папе нравился крымский климат: он по 2–3 часа плавал в море, а после обеда — по 15–20 км ходил быстрым шагом по живописным крымским тропам (например, до Мисхора и обратно). Иногда (сейчас жалею, что нечасто) я прогуливался с папой за компанию. Папа был очень интересным собеседником. Он любил рассказывать о занимавших его научных проблемах. Нравоучений никогда не читал и мало вспоминал о своем детстве (думаю, ему горько и тяжело было оживлять в памяти картины нелегкого босоногого детства). Но иногда по незначительным деталям можно было воспроизвести эпизоды папиной аштаракской жизни. Однажды он вернулся с длительной прогулки с тяжелым каменным валуном — его мама на таком камне отбивала мясо для кюфты (армянское блюдо — вареные мясные шары). Он всегда задумчиво замирал, увидев идущего по горной тропинке ослика. Уже после смерти матери тринадцатилетний Норик на ослике (которого звали человечьим именем Цолак) перевозил урожай с обширных виноградников в винокурню, помогая немолодому отцу в его нелегком крестьянском труде...

Во время крымских прогулок с отцом я принял решение поступать на физический факультет МГУ. До этого я хотел быть и писателем, и хирургом, и биологом... Отец признался мне, что в детстве он мечтал быть физиком или математиком, но «путевки комсомола» были

только на агрономический факультет (примета времени!). Он объяснял мне, что главное — это иметь хорошую образовательную основу, пройти хорошую научную школу... На надежной базе, которой является теоретическая физика, можно работать и в смежных областях науки (например, в биофизике). А для писателя главное — это школа жизни. Без жизненного опыта очень трудно «вымучивать из себя и стихи, и прозу». «Алеша, мой маршал, посмотри, сколько на полках магазинов пылится книг, которые никто не читает! — говорил папа. — А если в тебе живет писатель — он сможет писать и рукой профессионального физика. Вспомни, Чехов был врачом, Грибоедов — дипломатом, а Бородин, например, был и замечательным композитором, и выдающимся химиком...» Прожитые годы лишь подтвердили для меня папину правоту.

Во время крымских прогулок с папой (но уже позже) было также решено, что на преддипломную практику я распределяюсь на кафедру Боголюбова (квантовой статистики), а не биофизики, как я хотел первоначально (Блюменфельд, Шноль). Папа говорил, что только физика, химия и математика делают биологию наукой, поэтому такая основа, как квантовая статистическая механика, — это лучший трамплин для дальнейших шагов в изучении в том числе и биологических систем. Но думаю, что им руководили еще два соображения. Первое — это та непростая ситуация, которая сложилась, благодаря, в первую очередь, власти предрежущим, в биологическом мире («лысенковщина» 1948 г., ее рецидивы в 1960-е гг.). И второе — папа не хотел, чтобы его дети росли и развивались за его широкой спиной. Замечу, что при папиной жизни ни брат, ни сестра (несмотря на то, что уже были «оперившимися» научными сотрудниками в АН СССР, где папа на протяжении ряда лет занимал руководящие позиции) не защитили свои кандидатские диссертации... В дальнейшем развивались в этой жизни самостоятельно, как говорят, «идя своей дорогой»: Иосиф Норайрович (1938–1995) стал и докто-

ром физико-математических наук, и профессором Физтеха, лауреатом Государственной премии России, одним из основоположников компьютерной оптики, ведущим советским и российским научным прибористом, а Людмила Норайровна — доктором филологических наук, профессором МГУ, признанным славистом, автором ряда монографий (в том числе многотомного коллективного труда по истории литературы славянских народов, выдвинутого на Госпремию России, — труда знакового, так как он был написан и издан в период политического разобщения, но служил сближению и взаимопониманию братских нам народов).

Вспоминается один любопытный эпизод, характеризующий ту противоречивую эпоху 1960-х.

Дело в том, что практически на одной территории с санаторием «Нижняя Ореанда» (но через забор с контрольно-пропускным пунктом) находилась госдача для первых лиц государства. В первой половине 1960-х в июле–августе там любил отдыхать Никита Сергеевич Хрущёв. Папа был хорошо знаком с его дочерью Радой (которая слушала папин спецкурс на биолого-почвенном факультете МГУ, а позже работала в журнале «Наука и жизнь») и зятем А. И. Аджубеем — поскольку папа неоднократно выступал по программе медико-биологических исследований в космосе на страницах «Комсомольской правды» и «Известий», главным редактором которых был Алексей Иванович. Отдыхая в «Нижней Ореанде», папа не раз организовывал для друзей поездки в Институт виноделия и виноградарства «Магарач» с запоминающимися пашлыками на природе. Директором «Магарача» был папин докторант Георгий Иванович Катарьян — очень интеллигентный и симпатичный человек, который со своей милой женой Марией Ивановной не раз принимал нашу семью с друзьями в своем гостеприимном доме. Несколько раз в таких «вылазках» участвовали Рада Никитична и Алексей Иванович и их родственники (Юлия — дочь Никиты Сергеевича, Юла — внучка). О радостях крымского отдыха подробно писала моя любимая мама Варвара Петровна Сиса-

кян (Алексеева) в своих воспоминаниях «Малое из большой — недолгой жизни...».

Случай, который мне сейчас вспомнился, произошел летом 1964 г. (накануне отставки Н. С. Хрущёва). Перед ужином компания отдыхающих, в которую входил и Алексей Иванович Аджубей, и Джермен Михайлович Гвишиани (зять А. Н. Косыгина, позже академик) с сыном Алешей (сейчас член-корреспондент РАН, геофизик), и автор этих строк (тогда студент-физик), играла на волейбольной площадке. Туда имел обыкновение навдываться и Никита Сергеевич с Ниной Петровной. В окружении охраны он следовал на волейбольную площадку и довольно громким голосом давал советы играющим. Иногда даже подавал вылетевший с площадки мячик. Однажды и у меня с ним произошел небольшой комический эпизод, когда он (только что появившись на площадке) кинул мне (стоявшему на подаче) мячик со словами: «А мазать-то не надо», а я, не узнав Хрущёва, разгоряченный, ответил что-то ехидное типа: «А кто мажет-то? Без Вас разберемся...» По реакции окружающих я вдруг понял, с кем вступил в перепалку, и на одном дыхании выпалил: «Ой, извините, спасибо, Никита Сергеевич». «Вот и разобрались. Пожалуйста», — под общий смех волейболистов ответил Н. С. Хрущёв.

В тот памятный день Никита Сергеевич опять пришел на площадку перед самым ужином. А у меня была договоренность с папой (который совершал многочасовую прогулку до Мисхора) встретиться за полчаса до ужина в номере.

Из-за своего юношеского любопытства я задержался на площадке — интересно было поглядеть, как отдыхают сильные мира сего. На этот раз Хрущёв пришел с кем-то из гостей — если мне не изменяет память, это был Вальтер Ульбрихт (тогдашний лидер Восточной Германии). Папа, не дождавшись меня в условленное время в условленном месте, пошел мне навстречу и у самого входа на волейбольную площадку столкнулся с Никитой Сергеевичем. Тот был в этот вечер почему-то особенно возбужден и, увидев папу, приветствовал его

словами: «А, главный ученый пожаловал!» (Папа в то время был главным ученым секретарем АН СССР.) Папа от неожиданности опешил, но, улыбнувшись, поздоровался: «Приветствую Вас, Никита Сергеевич». «Что-то Ваша Академия наук совсем распоясалась — не хочет поддерживать ни Лысенко, ни его талантливых учеников*». А ведь они пекутся о благе нашего государства. Кому такая, с позволения сказать, Петербургская академия нужна?» — гневно воскликнул Никита Сергеевич. «Вся наша академия трудится только для блага государства. Вы знаете это, Никита Сергеевич», — выдавил из себя отец, но тот в окружении свиты проследовал в направлении своей крымской резиденции. В тот вечер папа был мрачнее тучи, он упрекал меня за то, что я вовремя не вернулся в номер и тем самым косвенно стал причиной нежелательного столкновения с Н. С. Хрущёвым... А я почувствовал тогда, какой тяжелой ношей для папы была любимая им работа.

Наутро Рада Никитична успокаивала моего папу: «Мы с Сергеем (братом Рады. — А. С.) не раз говорили отцу о несуразностях в учении Лысенко, упрекали его в несправедливости отношения к Академии наук, но он и слушать ничего не хочет. После каждого такого разговора по неделе с нами не разговаривает...»

Однажды я случайно (проснувшись ночью) подслушал разговор родителей. Мама выражала обеспокоенность тем, что, общаясь со знаменитостями в бытовой обстановке, их младший сын Алеша вырастет человеком, для которого не будет авторитетов. Санаторий «Нижняя Ореанда» в начале 1960-х гг. был местом отдыха многих известных людей: замечательных композиторов — Д. Б. Кабалевского и А. И. Хачатуряна, авиаконструкторов — А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, Арт. Н. Микояна, ученых — В. П. Глушко, В. Н. Челомея, А. В. Топчиева, видных государственных и общест-

---

* Думаю, что речь шла о неизбрании в академики Н. И. Нуждина и ряда последователей Т. Д. Лысенко.

венных деятелей — Л. И. Брежнева, Л. Ф. Ильичёва и др.

С Леонидом Ильичом у меня была одна случайная встреча лоб в лоб на пляже «Нижней Ореанды», когда он с охранником зашел в поисках дочери Галины, отдыхавшей в санатории. «Вы не видели Галю?» — с украинским говорком («г» ближе к «х») спросил меня Леонид Ильич. «Она, по-моему, на женском пляже», — ответил я. «А Вы знаете мою Галю? Впрочем, кто же ее не знает», — сам себе ответил с обаятельной улыбкой Брежнев. В те годы он был еще подтянутым и привлекательным мужчиной, говорят, доброжелательным человеком и проницательным руководителем...

И, конечно, люди на страницах газет и журналов, в телевизионных передачах и легендах о них выглядят иначе, чем в обыденной жизни...

Мой мудрый папа тогда спокойно ответил маме: «Алеша сам разберется, я верю. Зато он будет четко понимать, что не боги горшки обжигают». Папа любил использовать пословицы и поговорки, яркие цитаты не только в публичных выступлениях, но и в повседневной речи.

Впервые к истине, что «вожди — не боги», я прикоснулся в далеком 1952 г., будучи прилежным первоклассником. 7 ноября в день Октябрьской революции мы с папой отправились на Красную площадь, куда у папы был пропуск на одну из гостевых трибун. У дома 13 на Б. Калужской (где мы жили) встретили Александра Васильевича Топчиева, в то время главного ученого секретаря АН СССР (папа тогда был у него заместителем), с дочерью Леной. У Топчиева было приглашение на престижную трибуну рядом с Мавзолеем, и он предложил мне пойти с ним и с Леной (так как детей можно было проводить без дополнительного пропуска). И вот без четверти десять утра на трибуну Мавзолея (буквально в нескольких метрах от нашей трибуны) поднимаются знакомые по газетам и журналам лица; вот Молотов, Берия, Каганович, Булганин, Микоян... А кто это на два шага впереди от них? Небольшого роста, конопатый

старик с рыжими усами. «Сталин, смотрите, Сталин», — шепчет нам с Леной Александр Васильевич. А я стою — не верю, и слезы текут по моим детским щекам! Сталин, единственный, был абсолютно не похож на свои портреты, развешанные в то время на каждом шагу...

В моей душе поселился тогда предательский вопрос, который позже я задал моей всезнающей бабушке Фаине Яковлевне: «А товарищ Сталин ходит в туалет?» Понятно, какой ответ я получил (мол, все люди туда ходят), но это было мое первое глупое детское разочарование в вождях...

К крымским воспоминаниям того времени относятся и мои первые юношеские увлечения. Не все они увенчались ответными чувствами. Наташа Судец — очаровательная девушка (по моим воспоминаниям, похожая на Татьяну Лаврову), дочь маршала В. А. Судца (замминистра обороны СССР), была объектом моих незрелых переживаний. Характером она немного напоминала мальчишку — озорная, бесшабашная. Мы встречались с ней несколько месяцев, но наши отношения ни во что не сложились... Позже до меня лишь докатывались слухи о ее трагических жизненных перипетиях.

В Крыму я познакомил своих родителей с моей будущей женой Таней Гусевой (она отдыхала в 1965 г. в Мисхоре). Она им очень понравилась. Позже с Таней мы не раз бывали в Крыму (в Гурзуфе, но не в Алуште, которая в 1980-е гг. была местом моего отдыха с нашей дочерью Анютой; с Таней к тому времени сложились уже непростые отношения)...

В Крыму в 1960-е гг. я приобрел немало друзей и приятелей, которые потом стали частью моей жизни. Сережа Ильюшин, Андрей Карев, Боря Нурутдинов (Насретдинов) — их уже нет среди живых; Ира Арутюнян, Миша Смондырев — с ними по сей день меня связывают теплые человеческие отношения...

Несколько раз в Крыму попадал в совершенно анекдотические ситуации. Однажды на отдыхе в 1960 г. по приглашению Арама Ильича Хачатуряна я отправился прогуляться с ним по Ялте. Его жена Нина Васильевна

Макарова и сын Карен остались загорать на пляже, а мои родные предпочли прогулку в Ливадию. Арам Ильич был очень интересным собеседником, мы довольно долго гуляли по набережной, он много шутил. Надо сказать, что его часто навещал в «Нижней Ореанде» Арно Бабаджанян, отдыхавший в Мисхоре, и тогда устраивались застолья с изобилием веселых историй, анекдотов и различных шуток. Во время прогулки по Ялте (а по причине жаркой погоды и Арам Ильич, и я были в заграничных шортах) нас задержал милицейский патруль, который проводил облаву «на стилияг» (шорты на советском юге тех времен воспринимались как атрибут так называемых «штатников»). Мы попали в милицию, где все объяснения Арама Ильича, что он-де композитор, лауреат, депутат, сопровождались диким милицейским гоготом. «Советские композиторы не могут быть стилиягами!» А документов-то при нас не было. И не знаю, что бы с нами сделали (скорее всего, обрили бы наголо), но в моих объяснениях промелькнуло упоминание о «Нижней Ореанде»... Это насторожило милиционеров, которые, видимо, знали очень мало о советских композиторах, но зато ясно помнили, что в «Нижней Ореанде» отдыхают непростые люди... Звонок в администрацию санатория решил вопрос в нашу пользу. Милиционеры отпустили нас, нехотя извинились, но не преминули упрекнуть: «Вы уж, товарищ композитор, с Вашим мальчиком больше не ходите в таком неприличном виде». Поверить в правдоподобность этой истории для молодежи XXI в., наверно, довольно трудно, но про стилияг напомнил недавно фильм В. Тодоровского, и эта история стала понятна и сегодня.

Второй анекдотический случай относится к 1962 г. Семьи А. В. Топчиева и В. П. Глушко, а также прикнувший к ним автор этих строк отправились к водопаду Учан-су отведать знаменитых татарских чебуреков. Папа на отдыхе (как, впрочем, и всегда) вел очень здоровый образ жизни и поэтому опять же предпочел застолью длительную пешеходную прогулку.

Подъехав к ресторану, славившемуся чебуреками, мы обнаружили довольно большую очередь. Хотя и Топчиев, и Глушко были депутатами Верховного Совета, а Глушко и дважды Героем Соцтруда (т. е. имели право на внеочередное обслуживание), мы заняли очередь в ресторан и решили прогуляться к стремительному водопаду. Приблизительно через час вернулись и с полным на то моральным правом пытались восстановить свои права в очереди, но несколько подвыпивших очередников вдруг возмутились. А когда администратор пояснила, что депутаты вообще имеют право на внеочередное обслуживание, один из рьяных бюстителей справедливости с криком «Бей депутатов, они без очереди хотят тут развлекаться со своими б...» кинулся на Валентина Петровича и вмиг порвал его рубашку. Я вцепился в нашего обидчика и тоже нанес непоправимый ущерб его одеянию. Водитель обслуживавшего нас автомобиля (в штатском) замешкался лишь на мгновение, но затем довольно ловко расшвырял бузотеров. Вмешавшиеся администраторы и официанты ресторана быстро восстановили справедливость, и мы, раскрасневшиеся, в рваных рубашках, победно заняли места за свободным столиком.

Валентин Петрович быстро успокоился и хвалил меня за проявленную оперативность. Я был очень горд получить похвалу от одного из основоположников космонавтики (хотя в то время мы могли только догадываться о его поистине грандиозной роли в космических победах Родины). А таких вкусных чебуреков я не ел больше никогда в жизни.

...Прошло много лет. Большинство из персонажей этого повествования уже стали частью истории. Удивительно, как история, стремительно пролетая над нами, обжигает нас своими крылами. Безусловно, относясь не к участникам, а, скорее, к свидетелям нашей Большой истории, вношу свой «посильный» вклад в ее нерукотворный портрет...

В пути своем не раз ее мы встретили,
Она крылом, как птица, задевала...
История, твой каждый подвиг малый
Опишут не участники — свидетели...

Для полноты картины под названием «Мой Крым. 60-е годы», скажу, что в апреле 1966 г., уже после папиной смерти, Крым стал местом, где мне, студенту-дипломнику, посчастливилось (вместе с друзьями-однокурсниками Витей Савриным и Мишей Савельевым) участвовать в первой Школе по физике элементарных частиц (санаторий «Парус» близ Ялты). Здесь, можно сказать, начался мой путь в науку. От этой крымской школы берет свое начало многолетняя дружба и научное сотрудничество со многими замечательными учеными-физиками, моими коллегами: Альбертом Никифоровичем Тавхелидзе, Виктором Анатольевичем Матвеевым, Владимиром Георгиевичем Кадышевским, Бруно Максимовичем Понтекорво, Дмитрием Ивановичем Блохинцевым, а также зарубежными друзьями Магом Матеевым, Иваном Тодоровым, Нгуеном Ван Хьеу и многими другими.

А. Н. Сисакян — В. П. Сисакян, И. Н. Сисакяну (из писем, архив РАН):

Ялта, санаторий «Парус», 14 апреля 1966 г.

Дорогие мама и Ивочка!

Кончился первый день работы теоретической школы. Обстановка здесь исключительно благоприятная во всех отношениях. Устроили меня прямо-таки по-царски. В номере две комнаты, ванная, телефон и прочие удобства. Живут три человека: Золотарёв, Манько и я. Манько, по-видимому, из ФИАНа, и Ива его должен себе представлять. Санаторий великолепный. Приеду и подробнее опишу. Мне, правда, немножко неудобно, что я живу как бы на равных правах с людьми, которые несравнимо больше значат, в самом хорошем смысле. Но я, конечно, не принимаю все эти удобства на свой счет.

Сегодня слушали 4 доклада: Тавхелидзе — о кварковых моделях, Кобзарева — симметрии в слабых взаимодействиях, Тодорова — некомпактные группы, Ефремова —

алгебра токов. Более других был понятен первый доклад, за что можно благодарить только лекции Николая Николаевича. Основные идеи доклада Тавхелидзе у Боголюбова рассматривались. Абсолютно ничего не понял у Кобзарёва. В утешение остается банальный вывод — «не я один». Знаю, уже сейчас понятно, что кроме пользы ничего не будет.

Вчера мы были у Елизаветы Филипповны. У нее, к сожалению, сейчас ремонт, но ребята сейчас устроились в доме напротив «Паруса». Все довольны. Хорошо, что я здесь с ребятами, а то я был бы совсем один, в том смысле, что самые, не считая меня, «малообразованные» люди здесь были бы аспиранты (!) и младшие научные сотрудники (!!). Звезд здесь очень много: Боголюбов, Понтекорво, Гельфанд, Сударшан, Маршак.

Мамуля, как вы там сейчас живете, как ты себя чувствуешь? Наверное, к другим мыслям и заботам еще прибавилось и беспокойство за меня. Мамочка, старайся обо мне беспокоиться поменьше. У меня все впереди, и будет тоже хорошо и впереди. Я чувствую себя хорошо. Грустно только немножко...

Как бабушка? Я очень корю себя, что не сказал ей «до свидания», когда уезжал. Она, наверное, заметила это, и ей было неприятно, но вы, пожалуйста, объясните ей, что я был взволнован Таниным отсутствием и поэтому рассеян. Чтобы в какой-то мере сгладить свою вину, посылаю бабушке открыточку — по ней можно легче представить, где мы сейчас находимся. Напишите мне немножко, пожалуйста. По дому, по вас и Тане уже скучаю.

Целую мамочку крепко-крепко. Ива и мама, передайте от меня привет Люсеньке (особенно ей), бабушке, ребятам, Лене, Юле. Иве привет от Манько! Привет от ребят!

Алеша

В 1966 г. и много раз позднее в Крыму (в Алуште, Ялте, Симферополе) мне посчастливилось быть рядом (и в научном и в жизненном плане!) с моим Учителем — Николаем Николаевичем Боголюбовым (всегда повторяю, что моими главными учителями были родители и Н. Н. Боголюбов).

В 1970-е, 1980-е, 1990-е гг. и уже в новом веке Крым часто оказывался для меня местом многих интересных научных событий. Чего стоит Школа ЦЕРН–ОИЯИ 1975 г., где мне впервые пришлось прочесть пять двухчасовых лекций по физике множественного рождения частиц на английском языке! На этот «подвиг» вдохновил меня Дмитрий Васильевич Ширков, а помощь друга Лени Слепченко сыграла решающую роль в этом нелегком свершении.

Дом отдыха (с конгресс-центром) «Дубна» в Рабочем (Профессорском!) уголке стал любимым местом для нескольких поколений ученых и жителей Дубны и дружественных наукоградов.

В последние годы дважды мы были там на отдыхе с моими любимыми женой Наташей и дочкой Настей. Через 40 лет в Алуште мы провели несколько дней в компании с Виктором Анатольевичем Матвеевым и его милой женой Розой. «Повторяемость», но уже в иное время в иной стране.

Непросто было выиграть битву за «Дубну» в Алуште! Но благодаря грандиозной помощи Бориса Евгеньевича Патона этот необычный научно-рекреационный центр на украинской земле остался частичкой Объединенного института ядерных исследований (штаб-квартира и основные мощности которого, как известно, расположены в Дубне).

Все вокруг меняется... Но неизменными остаются синеголубые соленые волны Черного моря, вечные невозмутимые горы и завораживающий крымский пейзаж. Неизменными... Но разве не несут они теперь на себе отпечаток жизни и переживаний тех людей, которые влюбились в Крым и считают его частичкой своей жизни?

Дубна–Москва, 2009 г.

ИНДИЕЦ ЖЕНЯ

Из путевого блокнота

Брюссель на этот раз встретил нас холодом и снегом. В воскресный день мы с моим другом, известным физиком Владимиром Кадышевским, изрядно нагулявшись по центру «сердца Европы», должны были отправиться в гости к Рубену Вартапетяну, как и мы, физику, работающему в последние годы в Брюсселе в ИНТАСе*. Рубен объяснил нам, как найти автобусную остановку, чтобы добраться до его дома, но погода стояла отвратительная — ветер и мокрый снег, и автобус не подъезжал к остановке уже полчаса. Мы сильно запаздывали, поэтому не без колебаний, понятных бывшему советскому (ныне российскому) интеллигенту, взяли такси...

Таксист — относительно молодой человек, лет около сорока, с типичной индийской внешностью, с трудом понимал наши путаные объяснения, куда нам надо ехать, так как адрес Рубен продиктовал по телефону и мы, видимо, не точно записали французско-фламандское название улицы, а наше французское произношение где-то давало сбой... Но вдруг таксист перешел на довольно хороший русский язык, уловив, что между собой мы перебрасывались русскими восклицаниями.

«Я тоже говорю по-русски, я учился в Москве», — изрек водитель.

Немая сцена...

---

* Фонд поддержки науки стран СНГ.

Честно говоря, последние годы не очень-то стало приятно встречать людей, сильно интересующихся Россией. Сочувствуют, любопытствуют, ужасаются...

А наш таксист продолжил не вопросом о ситуации в России, как мы ожидали, а тихо сказал: «Я очень скучаю по Москве, у меня там осталась первая любовь... Она жила около МАДИ, где я учился до 1981 г. Поменяла телефон, переехала? Не могу с ней связаться. Но я обязательно найду ее и помогу, если чем-нибудь смогу облегчить ее жизнь». Он посмотрел на нас грустными глазами, полными слез, и сразу перед мысленным взором пронеслась грустная история первой любви... и невозвратная Москва 1980-х, и ностальгическая тоска. И он, и она (видимо!) устроили свою жизнь: семья, дети, работа. А ноет сердце от сладких и одновременно щемящих воспоминаний...

И тут наш водитель вдруг стал читать Пушкина: «Я Вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим...» Он читал и читал великого русского поэта, и в салоне брюссельского такси поселилась чисто российская грусть...

«В каком месяце юбилей Пушкина? — переспросил он, узнав, что в этом году отмечается 200 лет со дня рождения поэта. — 6 июня я буду в Москве, я давно собираюсь вновь увидеть свою вторую родину...»

«В России все будет хорошо, самое худшее — позади, ничто не мешает, чтобы Россия стала передовой современной страной. Лет этак через 50 так и будет», — как бы успокаивал нас наш новоявленный друг.

Пятьдесят лет — и много, и немного; дети и внуки увидят возрожденную Россию...

Следующая фраза нашего водителя несколько озадачила нас: «И вторая моя любовь была в России». Неужели нам суждено обмануться в романтическом настроении и выслушать (после столь лирического начала!) целый перечень пассий любвеобильного индийца? «Я очень любил... Владимира Высоцкого».

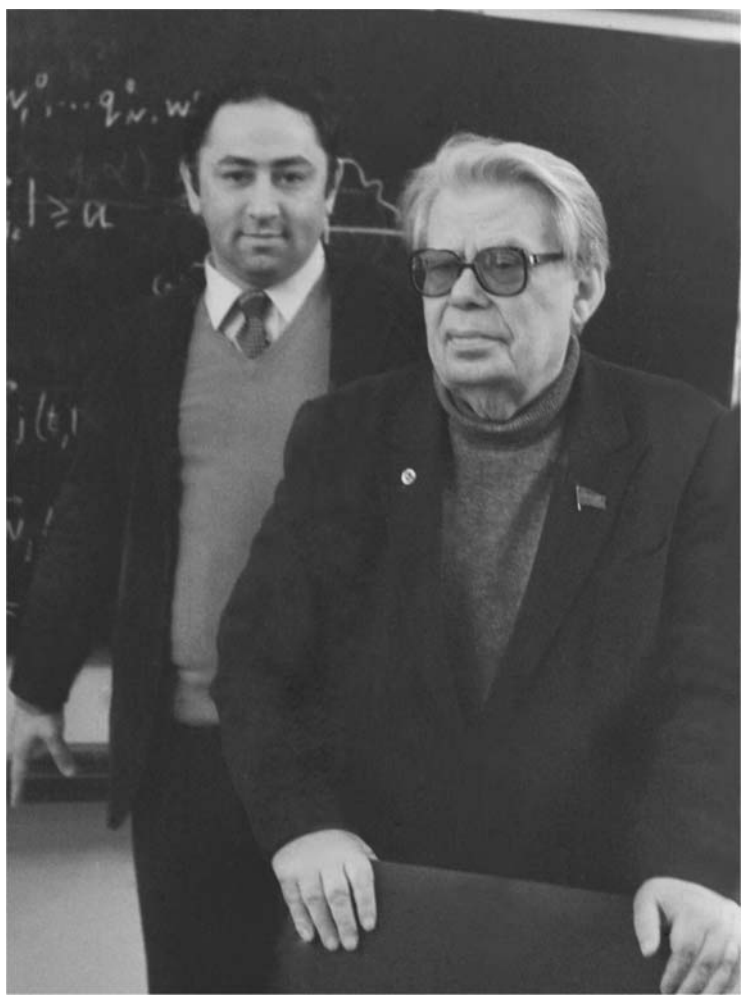
Вторая немая сцена. «Он умер летом 1980-го, когда я был на каникулах. Как жаль, что я не попрощался тогда со своим любимым поэтом».

Обескураженные, мы почти с нежностью смотрели на нашего водителя, который преподавал нам урок преданности и любви к нашей Родине.

«Как Вас зовут?» — спросили мы, прощаясь. «Женя», — ответил он.

Февраль 1999 г.

С Н. Н. Боголюбовым

Н. Н. Боголюбов, А. Н. Сисакян, С. П. Кулешов

А. Н. Сисакян, Н. Н. Боголюбов с супругой Е. А. Пирашковой

С С. Н. Верновым

Н. Н. Боголюбов, А. Н. Сисакян, И. М. Франк

Г. Н. Флеров, А. Н. Сисакян, Э. Капусцик, В. Г. Кадышевский

А. Н. Сисакян, Ю. А. Трутнев, В. Л. Аксенов

С М. Г. Мещеряковым

С В. Д. Кекелидзе и Н. С. Амаглобели

В. А. Амбарцумян и Н. Н. Боголюбов

С А. М. Петросьянцем

Я. А. Смородинский, Д. И. Блохинцев, А. М. Балдин

Н. Понтекорво, Б. М. Понтекорво, В. П. Джелепов, А. Н. Сисакян

С. А. Н. Тахелидзе

В. А. Рубаков, А. Н. Сисакян, В. А. Матвеев

Е. Л. Фейнберг и Г. А. Месяц

С О. Л. Кузнецовым

С А. А. Логуновым

В. А. Саврин и Б. И. Садовников

А. Н. Сисакян, В. П. Саранцев, Ю. Ц. Оганесян

*Отец Виктор проводит обряд крещения в церкви
Похвалы Пресвятой Богородицы*

С В. Г. Кадышевским

Д. В. Ширков, М. Н. Боголюбов, А. Н. Сисакян

Н. М. Сисакян

Семья Н. М. Сисакяна: В. П. Сисакян, дочь Людмила, сыновья Иосиф (справа) и Алексей

В. П. Сисакян

И. Н. Сисакян

С сестрой Л. Н. Будаговой и ее мужем Ю. А. Будаговым

Ира Александрова

Татьяна Бек

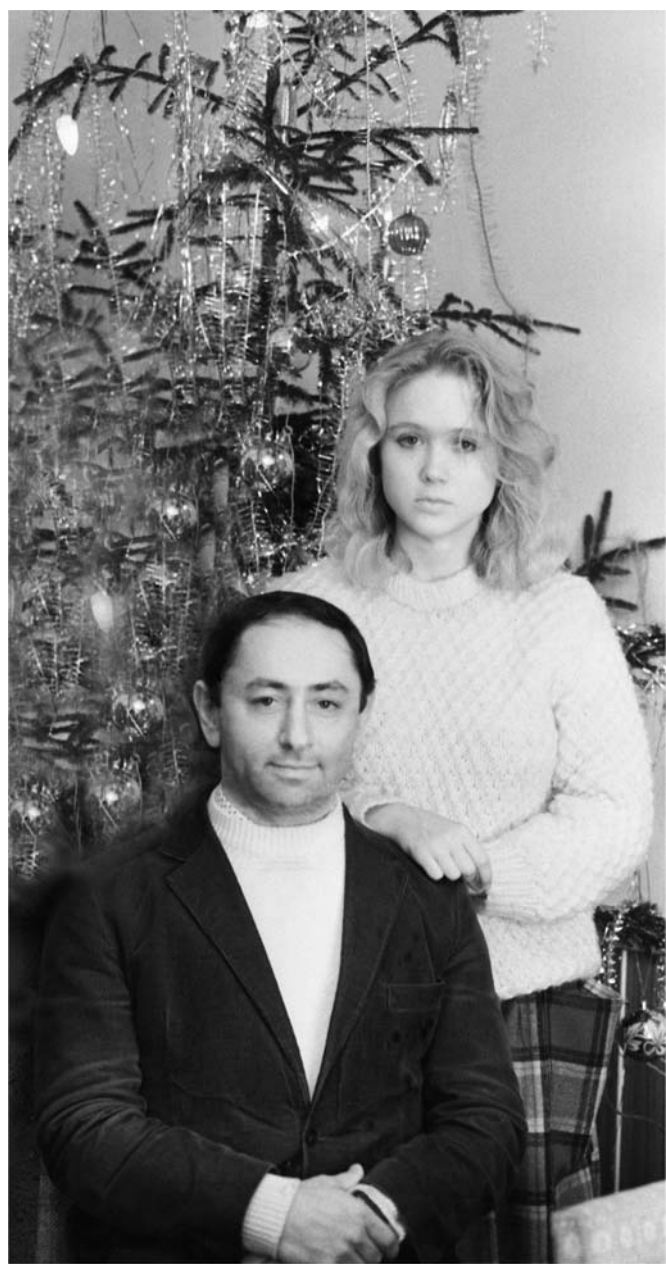

С Л. А. Слепченко

С М. В. Савельевым

С дочерью Аней

С супругой Натальей и дочерью Настей

Дочь Анастасия с супругом Виктором

Часть II

ДНЕВНИК МОЕЙ ДУШИ
Стихи разных лет

РАНА

В тот самый миг я осознал,
Когда больнее трудно ранить,
Главнейшие из всех начал:
Друзья и Творчество... и Память.

1986 г.

ОТКРЫТЫЕ СЕРДЦА

*Окна и двери люблю открытые,
Открытые сердца.*

ОТКРЫТИЯ

Поскольку нет на земле открытия,
Понятого до конца,
Окна и двери люблю открытые,
Открытые сердца...

1999–2002 гг.

ПРОХОЖИМ ДУБНЫ

И в ваши вглядываюсь лица
Весь день я, с самого утра.
От многих Веры и Добра
Неповторимый свет струится...

2001 г.

УЧЕНЫМ — ОСНОВАТЕЛЯМ ДУБНЫ

Вам строить досталась счастливая доля,
Достойная лавров венца.
Мы счастливы будем, достанется коли
Нам это сберечь до конца...

Март 2001 г.

ГОВОРЯТ

Говорят: гениальное — просто...

Мы исчезнем — и нет вопроса...

Высыхает река — есть русло,

Нет артиста — живет искусство.

Июль 2001 г.

НА СЕМИНАРЕ

А свойство чудное «сходимость»
Для физики — необходимость,
Как для возмездья — неизбежность,
Как для любви — простая нежность...
1999–2002 гг.

ТАЙНА

А. Н. Тавхелидзе

Ту тайну из старинной сказки
Предам немедленно огласке:
Все королевство умирало,
Когда любви в нем было мало.
2000 г.

ХУДОЖНИК

Юрию Сосину

Лишь больше страдает, немного,
Лишь чувствует тоньше, чуть-чуть,
А качества эти — от Бога,
И в этом художника суть...

Январь 2000 г.

МИГ У ХОЛСТА

Творца невыразимый лик,

Предчувствие войны —

раздавленные вишни —

Я на холсте увидел в этот миг...

Они как люди раненые вышли...

Январь 2000 г.

ЗАВЕТ

В. Летохову

Сойти с ума
От этого завета:
Летит лишь тьма
Быстрее света...
2001 г.

ШАЛЬНАЯ МЫСЛЬ

В. Г. Кадышевскому

И Чаадаеву под стать
Меня шальная мысль преследует,
Что роль России — показать,
Каким путем идти не следует...

Май 1999 г.

РИТМ

Мы то не замечаем, что привычно.
Но, ритм в тиши улавливая, вдруг
Осознаем, что все вокруг ритмично:
И музыка, и каждый жизни круг,
И обращенье Солнечной планеты,
И даже светоносные лучи,
И строчки неизвестного поэта,
Что произносим шепотом в ночи.
Август 2001 г.

ВЕТЕР

1

На песке разборчивые строки
Ветер выводил в вечерней мгле,
Но кому и что хотел поведать —
Неизвестно ни одной душе.
Он совсем немного покружился
И исчез, как мудрый великан,
Так и не узнав, что он не понят
Ни людьми, ни морем, ни луной.

2

Он оставил на песке волнение —
Зыбкий, но небесный свой сигнал,
Что успел зажечь воображение,
Но, накрытый волнами, пропал...

Рим, июль 2001 г.

АКСИОМА

Как аксиому это принимаю:
Я, каждый день рождаясь, — умираю.
Сегодня просыпается с утра
Уже не тот, который жил вчера.
Февраль 2002 г.

ПОСТИЖЕНИЕ

Природу постигать полезно.
Но только помни: всякий раз,
Когда заглядываем в бездну,
Она заглядывает в нас...

1999–2002 гг.

ГОРЕ ОТ УМА

Как неожиданно глубоки
Мысли, пришедшие ночью лунной:
Если вокруг дураки,
То для чего быть умным?

1990-е гг.

КОШКА В КОЛИЗЕЕ

По Колизею кошка бродит,
Шарахаясь, как будто бредит.
Так каждый ненароком сбрендит,
Коль места в жизни не находит...

Июль 2001 г.

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Все утверждения — условны,
Декларативны, однобоки...
И букв набор — еще не слово,
Подстрочники — еще не строки.

Май 2001 г.

СЛОВА

Слова на ветер вылетают,
Прожив лишь миг на свете, тают...
А то, что молвил Иисус, —
Две тыщи лет не сходит с уст.

12 апреля 2001 г.

СТИХ И Я

*Науке лирик предназначен:
Без рифмы формулы сухи.*

ПОЭТ. СКВОЗЬ ВЕКА

Века проходят сквозь событий толщи,
Замешивая слезы на крови.

А он все пишет об одном и том же:
О Вере, о Надежде, о Любви!

1999–2002 гг.

СТИХ И Я

Науке — лирик предназначен,
Без рифмы — формулы сухи.
Душа должна быть тоже зрячей,
И ей, как свет, нужны стихи.

1999–2002 гг.

РУКОПИСИ

Рифмы шуршащие — свалены в ящики,
Словно сухая трава...

Там среди листьев — миры настоящие,
Спрятанные в слова...

2003 г.

МЕЧТА

Давнее тревожное стремление —
Написать хорошие стихи,
И найти в них самовыражение,
И остаться среди земных стихий.

Каплей в море (или, бог с ней, в луже)
И комком земли родной могу
После смерти, но, позвольте, лучше
Клеточкой, хоть маленькой, в мозгу.

В этом главном из земных творений,
Что в себя вмещает как одно
Формулы Эйнштейна, строчки Гейне,
Чудное Джорджоне полотно...

Все равно: ты вертишься — не вертишься,
А Природа все-таки права!
Выше живота и даже сердца
Есть у человека голова...

1960-е гг.

ПОЭТ. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Неоткрытый Природы закон —
Он уже существует и правит...
Стих, еще не написанный, он
Уже жжет мою душу и плавит...
1999–2002 гг.

МОИ СТИХИ

Как часто стихи заменяли мне дом,
Улыбку любимой и мысли о том,
Чтоб в жизни несладкой опору найти...
И много стихов сочинял я в пути.
Другие стихи причиняли мне боль,
Не в силах ее был унять алкоголь...
Стихи — это слез непролившихся ком
И жизни моей недолистанный том.
24 ноября 2002 г.

НОЧНЫЕ СТИХИ

Стихи я ночью пишу... Как в шутку,
Бросаю с нежностью на весы
Мои невыспанные минутки
И дважды прожитые часы...

Январь 2001 г.

ПОЭТ. ОЧИЩЕНИЕ ДУШИ

С расстановкой, не спеша —
Так люблю читать стихи я.
Даже если и плохие —
Очищается душа.

1999–2002 гг.

ПОДОРОЖНИК

Я — поэт и словно подорожник
У обочины в пыли торчу.
Прикоснись ладонью осторожно —
Ссадины сердечные лечу...

3 декабря 2003 г.

СТИХИ И Я

1

Мертва наука без искусства,
Оно ей прибавляет чувства.

2

В загоне — лирики,
В почете — физики.
Мне кажется, что это ерунда,
Придумали, наверно, это циники...
Мы в жизни друг без друга — никуда.

3

Здесь жизнь — строка,
Дыханье — рифма,
Сердцебиенье —
Ритм, угаданный меж строк,
И строгости здесь нету алгоритма,
А каждая неискренность — подлог.

4

— Где они, ненаписанные стихи?
— Учат их нерожденные дети...
Всех попробуй на свет извлеки —
Станет тесно на этой планете.

5

Брожу, одет не по погоде,
Но ясно вижу при луне...
Стихи во мне, как брага, бродят,
Стихи — они живут во мне.
Как неожиданные гости
Стихи ко мне приходят вдруг,
И если даже не попросите,
Я зарифмую все вокруг.
Сижу, не выпил ни стакана,
Прозревшим филином во тьме,
Остановите графомана,
Писать не позволяйте мне...

2000 г.

НОЧНЫЕ РИФМЫ

Проснешься ночью —

часто плохо спится —

И перелистываешь прошлого страницы.

Ночные рифмы, как друзья, нас окружают:

Одни ласкают, а другие жалят...

2002 г.

В ОЖИДАНИИ

Татьяне Бек

Какое чудное мгновенье,
Когда приходит вдохновенье!
Какой невыразимый гнет —
Ждать: вдруг Он больше не вдохнет...
2002–2003 гг.

ПОЭТЫ

1

Поэты — то мишени,
То стрелки,
Не виноваты,
Но за все в ответе.
Им не прощают
Ни за что на свете
Красивой,
Но неискренней строки...

2

«Поэт в России —
Больше, чем поэт».
Его перо —
Как вечный пистолет:
Слова —
То мимо цели пролетают,
То рикошетом бьют
Ему вослед...

3

Стихи живут во мне,
Являются во сне,
И в этот миг
Мне надо очень мало:
Проснуться вовремя
В томящей тишине,
Чтоб на листке рука
Те строчки записала...

4

Моим стихам нужна... влюбленность,
Как формулам — определенность.
Как сделать так, чтоб эта малость
Нам чаще в жизни доставалась?

5

— Оставь стихов плетенье, друг,
Есть много дел иных, полезней!
— Писание стихов — недуг,
И трудно справиться с болезнью...
Февраль 2002 г.

ДО КОНЦА

Ю. А. Трутневу

Не хочу, чтоб был сценарий средний,
Нам с тобой с руки такая пруть:
Выложиться, словно шанс последний,
А прицел такой, как будто вечность жить.
2 ноября 2002 г.

КАРДИОГРАММА

Абраму Львовичу Сыркину

Эти строчки из зубчиков, впадинок, пиков
Называют не иначе как кардиограмма...
Казалось бы — ничего особенного,
Но какие «ужастики» заметит здесь опытный врач!
Не дай бог паре зубчиков перевернуться.
Это, скорее всего, просто инфаркт.
А их неправильное чередование —
Это аритмия, стенокардия...
И много-много всего
Очень неприятного и грустного.
Кардиограмма — это график сердца.
Я предлагаю с сегодняшнего дня
Кардиограммой объявить только строки... стихов.
Порой они даже больше говорят о сердце.
А если по бумаге перестанут плыть эти строчки,
Значит, просто мое сердце
Остановилось...

2003 г.

ПЛАНКА

*Она со строгостью судьи
Все выше выставляет планку.*

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

Когда появилась эта вечная мерзлота

В моем сердце?

Даже если на него светит солнце,

Оно не оттаивает до конца...

Даже если к нему прижимается

Теплое сердце любимой,

В нем как будто остается

Холодный кусочек свинца...

Может, это случилось, когда я потерял маму,

Или раньше, когда не стало отца?

Или дочь убитая живет в моем сердце

Маленьким ледяным комочком?

Или просто годы, измены, уходы, закрытые двери,

потери,

Которым не видно конца, бред ночной без лица —

В тундру сердце мое превратили, и нарушен баланс

Между солнечным днем и пронзительной ночью?

Пусть на этот вопрос не могу я ответа найти,

Все равно мое сердце любому теплу только радо...

В потепленье глобальное верю — чтоб с ума не сойти,

Согревает еще поцелуй — от любимой награда...

Якутия, август 2007 г.

ПЛАНКА

Слежу за прихотью судьбы,
Вставая утром спозаранку.
Она со строгостью судьбы
Все выше выставляет планку.
Струной вытягиваясь гибкой,
Барьер я преодолеваю —
Она ж с коварною улыбкой
Все выше планку поднимает.
Превозмогать судьбы пределы
Нет силы с прыткостью юнца...
Но до меня ей нету дела —
Пусть так и будет до конца...
Март 2000 г.

МОИ ГОДА

Все неприятней утром
        в зеркало смотреться,
И чаще ночью
        перебои в сердце,
Но днем могу
        об этом позабыть,
А вечером решаю:
        «быть или не быть...».

2002–2003 гг.

МОЕ БОГАТСТВО

Как часто я себя
        ловаю на мысли,
Что это не жиры, а годы
        на боках обвисли,
Но чтобы соблюсти
        лицеприятство,
Совру, что в тех «мешках» —
        мое богатство...

2004 г.

ТЕМА

Жизнь всегда свою навяжет тему,
Все нерукотворное творя,
Длинную диктует мне поэму,
А поэма эта — жизнь моя...

СОВЕТ ВРАЧА

В. И. Перельгину

Нам здоровье купить
Не случится,
Научитесь копить —
По крупице...

2002–2003 гг.

ПРОЗРЕНИЕ

А к сорока я понял вдруг,
Что сам себе я лучший друг,
И сам себе я злейший враг,
И самый наилучший врач,
И сам себе — палач.

1980-е гг.

ГОВОРЯЩАЯ ПУСТОТА

Мир будет пуст и одинок,
Когда переступлю порог...
И пустота лишь в тишине
Напомнит миру обо мне.

Декабрь 2003 г.

ДВОЯКОСТЬ

Как ласковы бывают волны —
Словно руки любимой...
И как волны бывают жестоки —
Подобно любимым рукам.

Все в жизни бывает двояким:
Враги превращаются в братьев,
Друзья превращаются часто
В непримиримых врагов...

Со всем этим нужно смириться,
Все это вполне объяснимо...
Лишь только себя не коверкай,
Себе лишь не смей изменять.

Апрель 2004 г.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Все перечитываю старые стихи,
И тени прошлого мою тревожат душу.
В былое окунуться я не струшу.
И камнем тянут в прошлое грехи...
Они — мои ошибки и печали
И нежности земная благодать,
За них бы мог полцарства я отдать,
Да все уже и без меня раздали...
1999 г.

ОТЦЫ И ДЕТИ

У нас две проблемы:
дураки и дороги...

Н. В. Гоголь

Насте, Наде, Оксане

Почему так сложен и тревожен
С юностью натужный разговор,
И какой ответ сейчас возможен
На вопрос, звучащий как укор?
Не смогли, не вышло, не сумели...
Что ответить в суматохе дел?
Жили мы, печалились и пели,
То, что вышло, — это наш удел.
То дурак мешал нам, то дорога...
Скоро сами убедитесь в том:
Не судите предков слишком строго —
Не судимы будете потом.

2001 г.

ПЕСНЯ

Ах ты, улица Горького,
Улица нашего детства,
Не найду я на карте тебя,
Нет такой на земле.
Но от воспоминаний
Никуда нам с тобою не деться,
Здесь я начал любить
В том далеком и полном дождей октябре.

И уходит романтика
Девочкой с беленьким бантиком,
Умирают друзья, и подводит любовь.
Ну а улица Горького
Красочным праздничным фантиком
Появилась в судьбе,
Став Тверскою красавицей вновь.

Александр Сергеевич
Грустно глядит на прохожих,
Будто не узнает нас с тобою
Любимый поэт.
На родителей все же
Мы становимся больше похожи
Под растущую тяжестью
Прожитых лет.

Но вернулась романтика
Дочкою с розовым бантиком,
Не забыты друзья,

В жизни вечна любовь.
Я по улице Горького
Стареющим франтиком
Прогуляюсь с моей ненаглядною вновь.

1990-е гг.

ПИЕТА ПОЭТОВА

*Ангел мой, и я не могу иначе:
Услышь Пиету — поэтову...*

ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА

М. Савельеву, В. Саврину, А. Бойко

Мы тянулись обычно к хорошему,
Но, сгорая порой от стыда,
Мы бутылку портвейна поплеше
Распивали в окрестных садах.
Под душевные споры о ведьмах
Мы тихонько смолили «Дукат»,
О девчонках грустили, не ведая
Наших будущих взрослых утрат.
2000 г.

ДОЛГИЙ ПУТЬ

Я — в пути, устал, смотрю в окно...

Знаю: мама умерла давно,

Но меж нами сохранилась нить...

Как хочу я маме позвонить!

Сентябрь 2001 г.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО

Где они, ощущения детства,
Этих прожитых дней аромат?
Там они,
        стоит только взглядеться,
Где родители,
        дочка
                        и брат
В окруженьи деревьев лежат...
1999–2002 гг.

СВИДАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Дочке Насте

Я помню бабушку мою,
Родные, теплые ладони...
Такие бабушки тихонько,
Как песни, сказки нам поют.

Бужу я в памяти черты
Лица, где каждая морщинка
Как в тридешатое тропинка
И мудрости, и доброты.

Вот дух лепешек с молоком,
Как в детстве, радует мне ноздри,
И грустью наполняет воздух
Тот дух лепешек с молоком.

И мне бы — прежде чем идти —
Из теплых рук твоих — лепешку...
Судьбой отпущенную ношу
Мне легче было бы нести.

Свиданья с детством коротки,
Но сколько раз припомню снова
Тобой оброненное слово:
«Скучают только дураки...»

1980-е гг.

БЕЗ СЛОВ

Памяти отца

Мало слов говорил,
Одевался не броско,
Помню
Редкие в Крым путешествия
Летом...
Нас воспитывал —
Узенькой света полоской,
Что струилась в ночи
Из его кабинета.
...Мне все чаще теперь
Не хватает отца.
Как бы он поступил,
Окружен круговертью?
И привычка
Без слов понимать,
До конца,
Наш продлит разговор,
Рано прерванный смертью.
12 марта 2001 г.

В АШТАРАКСКИХ ПРОСЕЛКАХ

Почему мне ночами
Бессонными мнится,
Что на улицах встречу
Ушедших любимые лица?..
Почему в аштаракских проселках
Глазами ищу сорванца?
Как ребенка хочу я утешить
Родного отца...

Аштарак, ноябрь 2000 г.

ОТЦУ

От тебя мне судьба досталась,
И когда-нибудь поутру
Не сердечною «недостаточностью»,
А избыточностью помру...

1980-е гг.

ВСПОМИНАЯ МАМУ

Ах, жаль, что мы уже не дети...
Грусть вновь и вновь гнетет упрямо,
Что никогда на этом свете,
Увы, не будет нашей мамы...

1990-е гг.

ТЫ ТАК ЛЮБИЛ ДРУЗЕЙ

Памяти брата Иосифа

Ты так любил друзей,
Их шумной встречи сладость,
Застолья откровенный разговор...
Ушел... Но преданность друзей осталась.
Друзей ты собираешь до сих пор.
1999–2002 гг.

ВЕРНУСЬ

Памяти брата Иосифа

Это буду не я —
Человек охладевший,
Понесут не меня
Под марш надоевший.

Схоронив, не грустите
И слез вы не лейте,
За столом закусите
И бокалы налейте...

А в компании тесной,
Может, сбудется чудо:
На минутку воскресну
И с вами побуду.

УШЕДШЕМУ

Памяти брата Ивы

Твой ответ не прозвучит словами
На вопрос, поставленный в упор.
Ты ушел, но в мыслях между нами
Может быть продолжен разговор...

8 марта 2001 г.

МНЕ СНИТСЯ ПАПА

Мне снится папа и его друзья,
Они меня с собой зовут куда-то,
Но я им отвечаю виновато:
«Я жив еще,
И с вами мне нельзя...»

1999–2002 гг.

АНИНОЙ МАМЕ

В тревожной памяти плывут
Родные лица.
Они — как прожитые годы —
Вечно с нами.

Я думаю о женщине,
Которой часто снится,
Как дочь убитая к ней жметя
Теплыми губами...

18 февраля 2004 г.

ШЕСТНАДЦАТЬ ТЮЛЬПАНОВ

Тане

У портрета шестнадцать тюльпанов —
Как взрыв.

Ты по-детски рыдаешь
Навзрыд.

Ну а горе такое,
Как у стариков.

И оно не вмещается
В строчки стихов.

В ее вазе шестнадцать тюльпанов
Всего.

Вдруг улыбка коснулась лица
Твоего,

Ты сказала: «Как мало —
Шестнадцать лет,

Ну а в вазе свободного места
Нет...»

1986–1988 гг.

БУТОН

Памяти дочери Анечки

Родившись, чтобы стать цветком,
Ни в чем не виноватый,
Как никому не нужный ком,
Бутон лежит измятый...
Его с дороги подниму,
Мне видеть это жутко.
Как больно повторить ему
Судьбу твою, Анютка...

18 февраля 2001 г.

ТАКИЕ ДНИ, ЧТО ЖИТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ

Такие дни, что жить не хочется:

Все забываю, даже имя свое,

Помню одно лишь отчество —

Имя, отец, твое.

25 января 1987 г.

ТЕНЬ

Прозрачность окон
Пронзает свет,
И мне мерещится в мгновенье:
Лучи ложатся на паркет —
Волос пшеничных продолженье.
Дом наполняется теплом
И музыкой. Играет скрипка.
К окну открытому челом
Стоишь. И детская улыбка
Встречает этот новый день,
Весны семнадцатой начало.
На солнце вдруг упала тень —
Тебя не стало.

1986–1988 гг.

ПИЕТА

Памяти дочери Ани

Мария веками над сыном
плачет,
Боль свою в мрамор укryw...
Поэтому,
Ангел мой, и я не могу
иначе:
Услышь Пиету — поэтову...
Декабрь 2003 г.

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Любовь — она бывает разной...

ТВОЯ УЛЫБКА

Даже тоненький солнечный лучик
Может мне настроенье улучшить,
Только б ты мне не хмурилась вслед,
Не молчала так грустно в ответ.

2002 г.

САМОЕ ДОРОГОЕ

Я вижу с вершины
Прожитых лет
С зоркостью мудреца,
Что ничего драгоценней нет
Дружбы... дочери и отца.
15 октября 2001 г.

ДРУГУ ДЕТСТВА

Твой Бог — квадрат, а мой — овал:
В ребячьей страсти, в ивах,
Я некрасивых целовал,
Мечтая о красивых...

2002 г.

УСТАЛОСТЬ

Время идет — нет ни сна, ни отдыха.
Так пригрядет мой последний час:
Мне не хватать будет остро воздуха,
Как сейчас не хватает Вас.

Ноябрь 2003 г.

ТЕМ, ЗА КОГО МОЛЮСЬ

Тем, за кого молюсь,
я строки посвящаю.
Тем, за кого молюсь,
желаю я любви.
Тем, за кого молюсь,
на свете все прощаю.
Прости и ты меня —
в молитве назови...

К НАТАШЕ

Сколько на судьбу ни сетуй —

Не смягчить страстей накал...

Говорят, что Бога нету.

Кто же мне тебя послал?

1999–2002 гг.

СНЕГ И ЗВЕЗДА

Непозволительную роскошь на тебя сердиться
Я не могу себе позволить никогда...
Наверно, смысла нет печалиться и злиться
На то, что снег идет и падает звезда.

СКВОЗЬ ГОДА

Я люблю тебя, ты — меня,
И любовь растет день ото дня.
Вот она уже большая.
Сердцем, кровью ощущаю:
Нашу любовь храня,
Люби меня...

Ну а если беда промчится,
Что с любовью нашей случится?
Дай ответ.
Она не может пропасть — ты знаешь...
Только глаза чуть прикрываешь...
Да — нет?

Вдруг наша дверь чуть приоткрылась,
Ясно все стало, скажи на милость,
В эту ночь...
Глаз не продрав, в длинной пижаме,
Плюх под бочок — к папе и маме —
Наша дочь!

1980-е гг.

ВОПЛОЩЕНИЕ

Настеньке

«Умысел проявляется в действии»,
Целомудренность — в благоденствии,
И, благодарный судьбе,
Я проявляюсь в тебе...

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Любовь — она бывает разной:
Неистойвой, однообразной,
И вечной, и невозвратимой,
И той, что вновь проходит мимо...

2000 г.

МНОГОТОЧИЕ

Твой уходящий силуэт
В кардиограммном ритме, странно,
Исчез с дисплейного экрана,
Оставив прединфарктный след...
2002 г.

КУСТ НА ТЕПЛОТРАССЕ

Энергия неразделенной страсти
Мне придает нежданно много сил:
Я словно куст, обманутый на теплотрассе,
Под первым снегом почки распустил.

24 ноября 2002 г.

КРАСОТА СПАСЕТ МИР

Когда весь мир возненавидишь,
Лишь Красота спасет, наверное.
В толпе красивую увидишь —
Проходит настроенье скверное...

Март 2000 г.

МЫ ЗАЖИГАЕМ ОГОНЬ

Мы зажигаем огонь камина,
Электрическую лампочку или
Новогоднюю свечу.
Но вот что-то вспыхнуло в сердце —
И оно замирает длинно...
«А кто же зажег в нем огонь?» —
Я удивленно шепчу.
Неужели она, или мы, или Он,
Или каждый сам загорается, если влюблен,
Наподобие мотылька над свечой?
Любовь — безоружна...
И еще: если сердца зажигаются,
«Значит, это кому-нибудь нужно»?

ЧУДО ЛЮБВИ

Увижу Вас — и замирает сердце,
И верить начинаю в чудеса,
Попутный ветер дует в паруса...
Но боль ликует в час, когда Вы сердитесь.

Лицо откройте. Теплою ладонью
Коснитесь благостно моей руки.
И чудо, как в сказаньи от Луки,
Случится в тихом неказистом доме:

Уйдет печаль, что на лице моем
За прожитые годы отразилась.
Как мало надо нам, скажи на милость,
Чтоб шли мы взявшись за руки вдвоем.

Уйдет порок, что сковывал меня,
Свободен буду вновь в моем движении...
Что знаем мы, живущие в смятении,
Простых вещей с рожденья не ценя?

Июль 2005 г.

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Альбому много лет.
Листаем и вздыхаем:
Того на свете нет,
А тот не узнаваем...

Октябрь 2001 г.

ПОДАРОК ГОСПОДЕН

*Благословляю подарок Господен:
Творчество, дружбу, память.*

ТЫ НЕ УШЕЛ В НЕБЫТИЕ

Памяти учителя — Н. Н. Боголюбова

1

Учитель, таинство твое
Я понял лишь сейчас:
Ты не ушел в небытие,
А растворился в нас.

2

Мы в расставанья горький час
И по себе чуть-чуть взгрустнем:
Ушедший отразится в нас,
Но мы не отразимся в нем...

3

Друзья уходят... Мышцы рвутся,
И не выдерживает сердце...
Уж не на кого опереться
И не на кого обернуться.

1999–2000 гг.

ДРУГУ

Виктору Ивановичу Саврину

Цикады звенят, цикады
Симфонией в тишине...
Сегодня весь мир надо
Садам
Увидеть мне.
Сегодня я вижу ясно
В ночном голубом дыму
По-рериховски красный
Восход,
Пожирающий тьму.

Сегодня волну серебристую
И светлую солнца нить,
В себе все самое чистое
Другу хочу подарить.
Дрогнувшими глубинами,
Искрами звезд пьяня,
Небо глядит,
Как любимая,
С нежностью на меня...
Цикады, цикады, цикады
Сегодня всю ночь звенели
То нежною серенадой,
То вдруг — «Болеро» Равеля.

1960-е гг.

СНОВА В ТБИЛИСИ

Майе и Алеко Тавхелидзе

Над облаками в синей выси
Парю, задумчивый слегка,
Я улетаю из Тбилиси...
Пока, друзья мои, пока.
Сегодня взгляд я бросил странный
На чудо закавказских стран.
Впервые паспорт иностранный
Я предъявил... От старых ран
Ты не оправился, Тбилиси...
Унылых беженцев жильё
Ждет живописцев новых кисти —
Страданье выразить твоё.
Друзья состарились немного,
Черты их лиц мне так близки...
Их Пиросмани звал в дорогу,
На холст накладывал мазки.
Октябрь 2000 г.

УШЕДШЕМУ В ГОРЫ

Памяти Михаила Шабашова

Любил сонет,
Компот из вишни...
Он был поэт,
Немного лишний,
Как все поэты, фантазер...
Так рано он
Ушел поэтому
И не вернулся
До сих пор.
Февраль 2000 г.

9 АПРЕЛЯ

Памяти Леонида Слепченко

Леонид Алексеич,
Что случилось с тобою?
Твои острые плечи
Обнимаю я с болью...
Твои бледные губы,
Что девчонок ласкали,
Их уже не погубят,
Изогнулись в печали...
Твои руки в уколах,
Но бессильны медсестры.
Боль уход твой ускорит,
Это чувствую остро...
Потеряли мы друга.
Плоть со временем тает...
Как без Лёни нам худо,
Как его не хватает...
2000 г.

ДРУЗЬЯ

Где мои друзья?
Куда все подевались?
Я без них скучаю
Всякий раз,
За столом беседе предаваясь.
Наша дружба согревала нас.
Нынче все мои друзья
В разброде.
Кто куда девался,
А иных уж нет...
Ну а ты, мой милый,
Рядом вроде,
Но от нашей дружбы —
Только вред.
2003 г.

РЕКВИЕМ

Памяти друга — М. В. Савельева

То вверх, то вниз нас бросает
Жизненной круговертью...
Не верим, но каждый знает,
Что жизнь итожится смертью.
Саван тысячелистный
Долгие годы ткался,
Покуда тоненькой нитью
Путь твой не оборвался.
Трогательные и печальные
Слова теперь говорим...

Так отчего молчали,
Пока еще был живым?
Так отчего не смели
Живому дарить цветы?
Выразить не сумели
Трепетной теплоты...
Людей вереницы печальные
К тебе потянулись с утра.
Пройденный путь за плечами.
Мудрости и добра
Меньше на свете стало...
Это — упрек живым.
Что же тепла в нас мало?
Живем — не животворим...

1990-е гг.

УШЛИ

Ушли... Забвенья паутиной
Покрыт ваш путь,
но чудо в том —
Остались:
на моем лице — морщинкой,
На сердце —
ишемическим рубцом...

Январь 2004 г.

ИЗДЕРЖКИ ПРОГРЕССА

Твердят, заботясь о прогрессе,
Что человек хороший — не профессия.
Итог — вокруг профессионалы,
Ну а людей хороших мало...
2002 г.

ИСПАНИЯ. ЛОРКА

Шел он гордо, срывая
в пути апельсины.

Н. Асеев

Испания — шпанская мушка,
Шалманы, шпана и шпионы...
Шипучку занюхаем сушкой,
С шампанским люблю шампиньоны.

Испания — тонкая штука:
Что стоит напев серенады,
В котором любовь и разлука...
Но что мне в Испании надо?

Хочу разыскать я тропинку,
Которую вытоптал Лорка.
Искал он во всем сердцевинку,
Себя он оплакивал горько,

Когда по Валенсии гордой
Его на расстрел уводили —
Душа его птицей с пригорка
Взметнулась, зайдясь от бессилья.

Тропинка протоптана длинно,
Ведет к апельсиновой роще,
А море луну, будто плод апельсина,
С тех пор в испугленьи полощет...

Испания, июль 2004 г.

ПО СЛЕДАМ Л. ГУМИЛЁВА

Покидаю мою сторону.
Я лечу в Астану...
Азиатская кровь возыграла,
Казахстанский влечет интерес,
Я смотрю, ошалевший, с небес,
Будто дел мне в отечестве мало.

Стюардесса-казашка вослед
На меня оглянулась сурово,
Углядела черты Гумилёва.
Я же ей улыбнулся в ответ...

НОСТАЛЬГИЯ

Я иду, шагаю по Парижу
И Нотр-Дам перед собою вижу,
Очерченный в небесной синеве...
Святые изумрудные на крыше
По шпилью к облакам
Стремятся выше,
А я иду... А мысли о Москве.
Сентябрь 1999 г.

ПИЛОС. ЧАСОВНЯ

Лео Резванису

Сады — оливки, виноград —
И бухта — Наварино, Пилос...
Здесь битва с турками случилась
Почти что двести лет назад.
Британцы, русские, французы
Сплотились в тройственный союз.
Перед сраженьем выпив узы,
Свой ратный потащили груз.
...Здесь моряки последний раз,
Отважно выстояв сраженье,
Османцев приведя в смятенье,
Молились в предрассветный час.
Тот остров посещают редко.
Вот он привлек науки цвет,
И наша русская студентка
На русский крест кладет букет.
Здесь поглотил героев омут,
Но не прервал святую нить:
Покуда Русь героев помнит,
Ее величье не сломить.

*Греция, Европейская школа
по физике высоких энергий
Август 2002 г.*

ЧЕЛОВЕК

Живу, всего мира концерты
Дрожат на моих перепонках,
И каждую мыслью планеты
И рифмами я переполнен,
И все ароматы на свете
Хранят мои чуткие ноздри.
Тревогами прошлых столетий
Пронизан в груди моей воздух.
Черты от Ньютона и Гёте
Во мне, присмотревшись, найдете.
1990-е гг.

BARC*

Взглянув на карту невзначай,
Бомбей я вспомню многоцветный,
Как пили мы индийский чай
В лаборатории секретной...
Здесь побывали мы не зря:
Ужасно много съели риса,
Во рту — пикантный вкус аниса
И запах пригорный — в ноздрах.
Индусы — бывшие буддисты,
И, новый смысл придав богам,
Неведомый ни вам, ни нам,
Они успели пробудиться...
Их трудно в чем-то укорить —
Все помыслы чисты и ясны,
Они служили не напрасно,
Не зная — быть или не быть...
И где-то нас они мудрей.
И выглядит немного дико,
Что высмеял их старый Диккенс
С дистанции семи морей...
Бомбей, декабрь 2000 г.

---

* Bombay atomic research center.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Друзьям из Академгородка

Это — рок, но и денно, и ночью
Без единой указки Кремля
Прирастает провинцией мощно
Терпеливой России земля.
И не ведает зритель московский,
Что, как исстари, рыбой об лед
Рвется ввысь из глуши Циолковский,
«Бедный гений» без слуха поет...

*Новосибирский Академгородок
Ноябрь 2002 г.*

ПРОЗРЕНИЕ

В толпе пронзят предательские строки
(Они рождаются, как прозрение, вдруг):
Мы так в миру безумно одиноки
И так со всем повязаны вокруг...

2003 г.

ТЕОРЕМА

Мозг, ерундой перегружен,
Вывел простейшую из теорем:
Если хоть одному ты нужен —
Значит, ты нужен всем...

1999–2000 гг.

НАШИ БЕДЫ

Казалось, до свободы мы дожили.
Так почему грустнеют наши лица?
Портреты предков не видны от пыли,
И дети уезжают за границу...

Декабрь 2001 г.

ЖИВИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК

Что на земле источник силы?
(Однажды сам себя спросил.)
Любовь друзей, улыбка милой,
Безмолвье родственных могил.
1990-е гг.

ПОДАРОК ГОСПОДЕН

День — бесконечен, безумен и жарок,
Полон желания чуда.

Как сохранить этот хрупкий подарок,

Не расплескать?.. Покуда

Мне ощущать дыхание зноя,

В беге не чуя ног, —

Не попрошу у судьбы покоя,

Переступлю порог...

Боль не проходит, солнце восходит,

Чтобы лучами ранить.

Благословляю подарок Господен:

Творчество, дружбу, память.

1980-е гг.

УЛЫБКА МЫСЛИ

*Не надо, право, сомневаться,
Что все способно улыбаться...*

УЛЫБКА МЫСЛИ

1

Не надо, право, сомневаться,
Что все способно улыбаться,
Что все б творения прокисли
Без помощи... улыбки мысли.

2

Нас с прошлым связывает память,
А с будущим — воображенье,
Способна мысль лечить и ранить,
Она — всеильна, без сомненья...

21 июня 2005 г.

ПОКРОВ

В мой день: осенняя листва
К продрогшей мостовой прибита.
Покров святой — всегда защита.
Как, мама, ты была права,
Назвав младенца Алексеем —
Защитником, добро чтоб сеял.
Я сеял — всходы (где они?)
Покажут будущие дни.

13–14 октября 2004 г.

ПРОШЛОЕ

Сестре Людмиле

Между нами так много случилось хорошего...
Жизнь течет,
        превращая все это в отрывки из прошлого.
В прошлом — мамина грусть и улыбка отца.
Наше прошлое с нами живет до конца.
Апрель–май 2005 г.

4

А где наши девочки?
Куда подевались?
Где кос заплетенных
тугие узлы?
В старушек, похоже,
загримировались,
За горы, за доли
ушли...

5

Стремлюсь, бегу —
остановиться страшно,
Но нет конца безумному пути...
Судьбой моя дорога опарашена,
И никакого света впереди.
Привидится: еще совсем
немного —
Концу любому будешь
только рад.
И некого спросить,
куда дорога.
А спрашивать зачем —
вестимо, в ад...

Краков, 2004 г.

АРМЯНСКИЕ МЕЛОДИИ

Н. А. Платэ

1

О чем дудук тоскует — понял я,
О чем зурна рыдает — догадался:
Века скорбит Армения моя,
А плач ее в мелодии остался...
Мотив армянский сохранит в веках
Печаль по многим недожитым жизням...
Где Ван, где Арарат и где Арцах?
В душе... Но нету их в моей отчизне.

2

Опять тебе больно, Армения —
Отца моего колыбель...
Твое безгранично терпение,
И плачет об этом свирель,
И песня об этом тоскует —
В слезах захлебнулся Арцах...
Не эту ли горечь несу я
В печальных армянских глазах?

3

Где веселые ритмы, в которых
искрится вино
И безудержен солнечный миг
ликования?

На полотнах Сарьяна,
В лучах, что струятся в окно,
В «Танце с саблями»,
В нашей любви — до потери сознания!
Ереван, 2–4 декабря 2005 г.

19 ИЮНЯ 1956 ГОДА. ДЕДУШКА

Как это было давно — как будто бы в жизни иной...

Девятнадцатое июня

тысяча девятьсот пятьдесят шестого года,

Половина третьего ночи, бабушка меня разбудила

И сказала, что дед умирает...

Ты лежал такой родной и уже незнакомый —

Бледный, как наволочка, белый...

И ртом, обрамленным усами,

Ты жадно впивался в пространство.

Я же в темную ночь окунулся...

Поселок затих в ожидании —

Сквозь нее пролегла тропинка

В наш маленький дачный здравпункт.

Страх леса ночного как будто

Затмил во мне оторопь Смерти.

Я — мальчик двенадцатилетний —

Бежал через лес в испугу.

Поджилки от страха дрожали,

Вокруг ничего я не видел,

И сковывал ужас все тело...

Я знал, что есть шанс, и бежал!

Но шанса не предусмотрела

Судьба... Доктор — деда приятель —

Закрыв белый свой чемоданчик,

Сказал: «Это жаба грудная,

А я, к сожаленью, бессилен».

И бабушку лишь очень тихо
Он потрепал по плечу...

А бабушка — как онемела,
Но шалью меня укрыла,
Так до утра просидели мы,
Сироты, на крыльце.

Ты же лежал холодный.
В комнате пахло «Шипром»,
И поселился холод смерти
В моей душе...

Знаю я точную дату повзроslенья начала,
Знаю запах несчастья и ощущение беды,
И у всего этого — теплые бабушки руки
И деда родного ускользающие черты...

19 июня 2006 г.

О ГЛАВНОМ

Женщина — это маленькая Вселенная,
В ней сосредоточено все...
Но спрятано до поры до времени,
Пока она не полюбит.

От любви она распускается
Словно цветок,
Чтобы родить самое главное —
Чем будет гордиться Вселенная...

А когда между женщиной и мной
Пролетает искорка любви,
Я чувствую свою сопричастность
К тому, что вершится во Вселенной...

И это, право, не так уж и мало!

14 марта 2008 г.

ФОТО ОТЦА

Молюсь на фото потускневшее отца.
Грешу, но святость в сердце не унижу.
Тепло струится от его лица —
Мы Бога чувствуем через того, кто ближе...

24 мая 2006 г.

МОЛЮСЬ ОБ УШЕДШЕМ

Папе

И жметя к пламени рука,
Чтоб не погасла свечка, —
Жизнь человека коротка,
И только память — вечна...

2006 г.

ГОРДОСТЬ

Насте

Быть я стремился всю жизнь удальцом!

Что помогало?

Гордился отцом...

В старости может одно мне помочь —

Гордость за дочь...

Упсала, 30 июня 2005 г.

ГЕОМЕТРИЯ ДУШИ

Посвящается Наташе

БОЛЕЗНИ РОСТА

Никто в болезни той
Не может нам помочь...
Диагноз наш простой —
У нас взрослеет дочь.
2009 г.

ЛИКИ СТАРОСТИ

1

Мне по жизни всего очень много досталось.
По квартире теперь замаячила старость —
То появится в крови моей сахарком,
То сердечную болью, то дочери женихом...

2

Знаю: не подарок я,
Повзрослела наша кроха...
Все же, милая моя,
Мы живем не так уж плохо.
Потому что поутру,
В нашем доме просыпаясь,
Я едва глаза протру —
С нежностью тебя касаюсь...
2009 г.

ПРОСТИТЕ

У многих должен я просить прощенья
За то, что перед ними виноват...
Как часто не хватало мне терпенья,
Бывал не прав, гордынею объят...

На девушек смотрел я с восхищеньем,
Когда уже тебе принадлежал...
Но не завидовал, не мстил, в смятении
Из ножен не выхватывал кинжал.

Мне ненависть была не по натуре,
Умел прощать любимых и врагов...
Но часто, забывая о фигуре,
С друзьями пил до первых петухов.

Порой тоска и смутная тревога
Меня терзают на исходе дня...
Я согрешил на свете очень много —
Простите, если можете, меня.

2009 г.

МОЕ ОБЛАЧКО

Ты, конечно, назовешь это странностью,
Но стихи вокруг нас наполняют пространство,
Стихи живых и ушедших поэтов,
Стихи — спетые и неспетые...

И в этой огромной галактике
(Ты только как следует взглядишь!)
Есть облачко из стихов моих
  то колючих, то ласковых,
Оно — моя прожитая и непрожитая жизнь...

Март 2009 г.

ПОЭТ-ЗВЕЗДОЧЕТ

«Почто стихи писать? Пустое...
Их вряд ли кто-нибудь прочтет», —
Изрек, у телескопа стоя,
Средневековый звездочет.

Стихи к светилам улетали —
Звезд животворный свет не гас,
Но, души рифмами питая,
Они сегодня греют нас...

Март 2009 г.

НАШИ СТРЕМЛЕНИЯ

Стремленьем выживать ведомы,
Завидев суету и дым,
Мы в кокон собственного дома
Порою спрятаться спешим...
И редки среди нас иные,
Презревшие покой и ложь,
Кто вслед за Жанной д'Арк и ныне
Твердит: «Если не я, то кто ж?»
2009 г.

СТАРУШКА В ПРАГЕ

Седая леди пиво пьет из кружки
В компании подруг немолодых.
А где же наши русские старушки?
Среди туристок не заметно их.

Добраться б летом до убогой дачки,
А в воскресенье — к мужу на погост...
Какие уж там пиво да шпикачки?
Их вся-то жизнь теперь — Великий пост...

Май 2009 г.

В ЧЕМ РАЗНИЦА

А. Б. Чубайсу

А это мое признание
забудьте, куда-нибудь деньте:
Наука превращает деньги в знания,
А инновации — знания в деньги...
Март 2009 г.

ЖАЖДА

Успеха жаждем в исступлении.
А надо в этой жизни много ли?
Но не хватает нам смирения,
Как ласки не хватало Гоголю...
2009 г.

О НАГРАДАХ

В. И. Арнольду

Как хорошо, что никакие ордена и звания
Ни капли не имеют отношения
К тому, что нас приводит к пониманию
Природы, к вечному вперед движению...

18 июня 2008 г.

О ЗДОРОВЬЕ

Памяти Ф. Раневской

Не наводите тень на плетень,
Мечтая выбить сто очков из ста...
Здоровье — это когда каждый день
Болит (слава Богу!) в разных местах.

Июль 2008 г.

ДУША И ПЛОТЬ

Им в моем теле не ужиться в мире —
Как двум хозяйшкам в одной квартире...
К себе прислушайтесь — поймете
Тот вечный спор души и плоти.

2008 г.

ПОСЛЕ ДРАКИ

«Запомни, уступает умный», —
Шептала мама ночью лунной.
Душа страдала, ныли уши.
Теперь я знал, что дураком быть лучше...
Декабрь 2008 г.

ТРИПТИХ О МОСКВЕ

1. Прогулка

Как хорошо осенним вечером
Гулять, толпою не замеченным,
Как в детстве, внемля шум Москвы.

Потоки желтые и красные
Тревоги унесут напрасные,
Ослабят груз людской молвы...

Приятна мне столицы магия,
Куплю пломбир в универмаге я,
На время затеряюсь в нем.

Зажмурюсь, ослеплен рекламой, —
Привидится, что папа с мамой
Под ручку в даль бредут вдвоем...

2. Стихи

На берегу Москвы-реки
Я в детстве сочинял стихи.
Теперь (уже довольно долго)
С моею рифмой рядом Волга...

3. Воспоминания

Живут в Москве мои воспоминания.
Что тельца их нестройные хранит?
Могил ли родственников незыблемый гранит,
Или знакомых улиц обаяние?

Ноябрь–декабрь 2008 г.

КНИГА ВЕЧНОСТИ

Без вдохновенья мы глухи и немы —
Из чувств и строк слагаются поэмы.
Сюжеты Книги Вечности просты:
Из наших судеб все ее листы...

2009 г.

АРОМАТ ПИРОГОВ

Я люблю пирожки с капустой.
Я люблю их с самого детства,
Обогретого маминой лаской
С ароматом стряпни по утрам...

Ты печешь пироги большие —
Их размера вполне хватает,
Чтобы рот мой сперва наполнить,
А затем переполнить душу
Моей взрослой к тебе любовью...

2009 г.

ФОРМУЛА

Символы выстраиваю в ряд,
Что без слов так много говорят...
Мысль парит как птица,
А для птиц
нет ни предрассудков,
ни границ...

2009 г.

ТЕПЛО ЛЮБВИ

Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить...

С. Щипачёв

Насте и Вите

Что любовь?

Как в стужу — тёплый свитер...

И каких сравнений только нет!

Творческий союз:

поэт и композитор —

Так любовь определил поэт...

Москва, 23 июня 2009 г.

НЕ ТАК

Все в жизни приключается не так —
Послушно подчиняешься, не ропщешь...
Как наша жизнь похожа на спектакль!
Но кто, скажи, тот строгий постановщик?
2009 г.

НЕПОПРАВИМОЕ

Памяти Юры Недачина

Как будто все на свете сказано
О жизни и о смерти...
И сколько теплых слез размазано
На милых щек холодной тверди...
Но вот опять непоправимое
Случилось с близким...
И снова в горле спазм, не вымолвим
Ни слова... Тиснет
В груди от непролитых слез,
Мутит и выпить хочется...
Чу, воеет у соседа пес
Свой гимн пророческий...
Как мало на земле таких,
Как Юра, — стоящих...
По-настоящему живых,
А не притворщиков.
Он человеком дела был —
Не имитатором...
И как никто (что было сил!)
Справлялся с «Атомом».
Он был... (как время не идет
Ему прошедшее!)
Всегда шагающим вперед.
Всю жизнь прошествовал...
*В ночь с 21 на 22 октября 2009 г.
Дубна*

ИМИТАТОР

Нам дело экранируют бумажки,
Ухмылки, недомолвки, промокашки...
И как за лицемерие расплата —
Здесь правит бал заезжий имитатор.
2009 г.

СЛЕДЫ ВЛЮБЛЕННОСТИ

Я люблю и боюсь тебя,
Боюсь твоей внезапной отчужденности.
А нежные следы моей влюбленности
Салфеткою, как грим, сотрешь со лба...
2009 г.

ВТОРЯ ПЛАТОНУ

А. Б. Куделину

Когда любимой пишешь — не спеши:
«Письмо есть геометрия души...»
Изгибам строк, начертанных несмело,
Сродни лишь линии пленительного тела...

Июнь 2009 г.

ПАМЯТЬ И ВРЕМЯ

Мы каждый час хороним наше время —
Хронометры не знают направленья,
Лишь только устремляются всегда
Они из Ниоткуда в Никуда...

Часы хранит-хоронит наша память,
Способная сама лечить и ранить...
Как это больно: каждый эпизод
В глубины нашей памяти уйдет...

Как это тягостно, и в то же время мило,
Что наша память — вовсе не могила...
Вот истина на кончике пера:
Она лишь мостик в Завтра из Вчера.

Дубна, июль 2009 г.

АЛЕКСЕЙ СИСАКЯН

Дружба

Творчество

Память

2009

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

О. Л. Кузнецов,
профессор, президент РАЕН

«Ожидание чуда» — так называлась одна из поэтических книг Алексея Сисакяна. И чудо происходило. Чудо превращения доброго, умного слова в хорошее настроение, в ясное осознание того, что благодаря поэту мир изменился, и изменился к лучшему.

Мы часто сетуем на время. Вот, мол, раньше были времена, личности, дела... А сейчас...

И сейчас, как и раньше, есть личности уникального творческого темперамента, подлинные генераторы устойчивого развития социума, люди редкого ума и таланта, доброты и красоты, одинаково уверенно идущие по пути научного поиска и поэтического озарения. Один из них — мой добрый друг и соратник Алексей Сисакян...

Из книги: *Сисакян А. Н. Избранное* в 2 томах. Т. 1. Четыре стороны. М.: Русский рейтинг, 2004. С. 5.

Алексей Леонов,
летчик-космонавт СССР

...Приятно было сделать для себя открытие в том, что Алексей Норайрович Сисакян, физик-ядерщик, сын известного ученого — основоположника космической биологии и медицины академика Н. М. Сисакяна, с которым мне довелось сотрудничать в начале 60-х гг. прошлого века, пишет «акварели» в стихах!

Безусловно, иногда они наивны, печальны и грустны, иногда пафосны и возвышенны, где-то — самокритичны и самоироничны, а где-то — профессионально остры.

Впрочем, о творчестве Алексея Сисакяна можно говорить много, но хочется отметить одно — его стихотворения написаны без фальши, с непритворной честностью как по отношению к себе, так и по отношению к читателю: «И строгости здесь нету алгоритма, / А каждая неискренность — подлог...»

Из книги: *Сисакян А. Н. Избранное* в 2 томах. Т. 2. Энергия доброты. М.: Русский раритет, 2004. С. 5.

Михаил Пластов,
сопредседатель Союза литераторов России

...Алексей Сисакян не просто хороший поэт, он — яркое дарование, чей поэтический мир, может быть невольно, несет отпечаток знания о глубинных, невидимых невооруженному глазу, тайных законах Природы.

Стихи этого поэта снова и снова позволят вам, дорогой читатель, оценить красоту простых и вечных ценностей человеческого бытия: любви, надежды и веры. Они станут вашими друзьями и не покинут вас в трудную минуту.

Из книги: *Сисакян А. Н. Избранное* в 2 томах. Т. 1. Четыре стороны. М.: Русский раритет, 2004. С. 7.

Александр Леонович **Субъективно — о личном и общем**

...Первое знакомство с рукописью А. Н. Сисакяна оставило обезоруживающе откровенное впечатление от непотаенной грусти, порой пронзительной печали по тем, кто был с ним рядом, одни — чуть в отдалении, другие — чересчур близко. Искренняя горечь утрат, непосредственное ее переживание, волны неизрасходованной теплоты, порожденные остротой и внезапностью потерь, трогательные эпизоды взаимоотношений — все это казалось каким-то нехарактерным, что ли, по выразительным средствам для нынешних времен, скупых на проявление сильных и неподдельных чувств...

...Ощущаю по биению пульса книги, что ее автор понимал, вернее, — снова оговорюсь, — чувствовал необходимость разделить ношу своей памяти. И не столько, чтобы облегчить собственный путь, сколько показать другим, всем нам, что беспамятство — это жизнь без дара. А воспоминания — не повод для одной лишь ностальгии по оставившим нас людям и утраченному времени, но охранная грамота, укрепление нашего общего иммунитета в освоении сложного, непредсказуемого, многообразного грядущего...

Такие раздумья постепенно отодвинули в сторону притязания на специальное извлечение из этих текстов некой обращенной в будущее морали. Она — в самих портретах, штрихи к которым живописуют те ощущения от соприкосновений с носителями оптимизма, что испытал автор воспоминаний и что он пытался, как эстафетную палочку, передать дальше. Личное, частное, иной раз весьма драматичное, переплавляясь в общее,

становится жизнеутверждающим. Или, словами Норайра Мартиросовича Сисакяна, которому посвящен один из очерков этой книги: «Жизнь по своей природе, по всей своей сущности — явление противоречивое и вместе с тем оптимистическое».

Печаль — светла, память — благодарна, поручение — исполнено...

Татьяна БЕК

Откройте дверь поэзии*

Алексей Сисакян по своей человеческой натуре — сугубый лирик. Лирик, абсолютно искренний, вдохновенный, открытый настежь, — и открытость эта существует в двух бытийно-творческих ипостасях. С одной стороны, поэт экстравертен, как в детстве простодушен, начисто лишен притворства и фальши, весь, как говорится, нараспашку без утайки... С другой — он принципиально не закрыт (попросту не способен, и слава Богу, закрываться!) от каких бы то ни было внешних явлений, посяганий, впечатлений, о коих он мог бы сказать строчками Пастернака: «Я вами всеми побежден — и только в том моя победа». Поэтическая победа А. Сисакяна, явленная в этой предварительно итоговой книге, состоит в органике и единстве его внутреннего и наружного мира, в его выносливой беззащитности, в доброте, в честности. В стихах книги кричит и бормочет, ликует и всхлипывает, весело празднует чужие рожденья и обессиленно хоронит самых-самых близких не просто чей-то личный лирический герой как литературно заостренное «эго», но — гораздо больше! — точно воссозданный сверстник, сопечальник, родственник автору современник. Стало быть, перед нами не просто автопортрет, но обобщенный наш с вами образ.

...Люблю сисакянову гражданственность, не конъюнктурную, нет, но опять же — дневниковую (а кто ска-

---

* Сисакян А. Н. Куст на теплотрассе. Избранное. М.: ИКЦ «Академкнига», 2004. С. 4–10.

зал, что тетрадь ежедневника не может быть купелью могуче универсальных и всечеловеческих открытий?). Пример — посвящение нашего талантливого (предлагаю неологизм) лирофизика друзьям из Академгородка, не без легкой иронии озаглавленное «Оптимистическая трагедия»:

Это — рок, но и денно и ночью
 Без единой указки Кремля
 Прирастает провинцией мощно
 Терпеливой России земля.

И не ведает зритель московский,
 Что, как исстари, рыбой об лед
 Рвется ввысь из глуши Циолковский,
 «Бедный гений» без слуха поет.

Впервые прочитав стихи А. Сисакяна в достаточном объеме и с должным вниманием, я — помню — воскликнула в письме к нему: «О, Вы — поэт нетипичный: донельзя открытый, до странности добрый и какой-то нераздельно грустный-радостный...» В этом духе написала и не устану повторять.

...Он — упрямо счастливый экзистенциалист, умеющий трагические ситуации и опасно пограничные состояния переводить в музыкальный заряд, в выстраданную гармонию, в креатив, в любовь к миру и к людям — назло унынию и вопреки всему.

В сисакяновых стихах сверхного определений поэзии — он словно бы не может налюбоваться и наизумляться на свою вторую творческую участь (первая, главная, общепризнанная — наука), которая ему открылась и не оттолкнула. Он все никак не привыкнет к их альянсу, волнуется как мальчик, смотрит на свою любимую остраненно (от слова «странно») и говорит захлеб, спотыкаясь в словах, небуднично. С кем он только ее, сокровенно милую, не сравнивает: «Мне боль сердечная — собака-поводырь, / Выслеживаю рифму»; «Стихи — фонарик — разобраться, / Что там, под ребрами у нас»; «Мой стих — кораблик — ускользнет от рифа»;

«Боль и слезы здесь взамен чернил»; «Стихи во мне, как брага, бродят...» И это только часть метафор, на которые А. Сисакян — мастер и которыми он то всерьез, то не без смущенной улыбки аттестует свое святое ремесло. Все же не удержусь и процитирую еще одно из подобных определений, привлекательное в своем синтезе высокого и будничного, пафоса и доброй самоиронии, без которой не было бы нашего мудрого романтика:

В обыденности будней Лиру
Обидели, на гвоздь повесили...
Пустите Музыку в квартиру,
Откройте дверь Поэзии!

Без «гвоздя в обыденности будней» финальный призыв ничего бы не значил и никого бы не трогал, а с гвоздем — и звучит, и значит, и «никаких гвоздей». В этом (лирика — проза быта — трагизм — юмор — снова лирика) весь Сисакян и все его недюжинное обаяние.

...Для А. Сисакяна весь привычный мир как идиома. По словарю: это оборот речи, значение которого не определяется значением входящих в него слов (непереводим на другой язык). Так вот, наш поэт, ничего на другой, т. е. внепоэтический, язык не переводя, постоянно взрывает изнутри расхожие истины и привычные обороты. В итоге он без нажима заставляет себя и нас услышать затертое и якобы банальное с позиций неоновизны — как впервые. И мы тоже с ним вместе воспринимаем мир заново — раскрывши рты от парадоксальной свежести. Снова и снова — бой идиомам ради полноценной жизни значений.

6 июня 2003 г.

Генрих Варденга

Откройте дверь поэзии*

Впервые стихи Алексея Сисакяна были опубликованы в 1962 г. в газете «Московский комсомолец». В студенческие годы он активно участвовал в литературных вечерах в МГУ и в агитбригадах студенческих стройотрядов. Затем почти 40 лет его стихи были знакомы только друзьям и близким. В 1999 г. они и помогли сделать его творчество достоянием более широкой аудитории: вышел в свет сборник стихов А. Сисакяна «Мой мир зарифмованный...», тепло встреченный читателями. В течение 1999–2001 гг. его стихи публиковались также в пяти коллективных сборниках и в периодических изданиях, в том числе в журнале «Юность» (2000. № 7).

Я не верю в потустороннее существование, но убежден во вполне земной духовной продолженности завершенной жизни — это очевидно, если речь идет о великих деятелях культуры или истории. А у людей обыкновенных этот второй срок, отмеренный им судьбой, задается их человеческой весомостью и крепостью связей с людьми, окружавшими их:

Альбому много лет,
Листаем и вздыхаем:
Того на свете нет,
А тот узнаваем...

И срок этот, конечно же, задается еще и отпущенным этим оставшимся даром благодарной памяти об ушед-

---

* Сисакян А. Н. Ожидание чуда. Дубна: ОИЯИ, 2002. С. 221–230. С сокр.

порой соблазнам звуковой инструментовки: «Пропеллера пропела лопасть» или: «Апрель... Определя земля...»

...Но при всем том главной особенностью поэтической природы Алексея Сисакяна следует признать тот неоспоримый факт, что на всех стихах лежит отпечаток его личности, что все они органически связаны с его биографией и отмечены глубокой исповедальностью, смелостью его самообнажения — той самой «лирической дерзостью», которую превыше всего ценил Лев Толстой в Афанасии Фете.

Генрих Варденга **Сердечная избыточность***

Открытость и раскрепощенность задают подкупающе безыскусную и искреннюю интонацию высказывания. Ни разу не возникает ощущение вымученности или позы, поэтому так органично предстает перед нами внутренний мир поэта и так доказанно-убедительны его формулы творчества:

Стихи не лестница: забраться
На Геликон или Парнас,
Стихи — фонарик: разобраться,
Что там, под ребрами у нас.

И вторая — великолепная по своей афористичности:

Если трудно дышится —
Все равно дыши.
Если трудно пишется —
Не пиши...

И эта естественность свойственна всем эпизодам чувствования, которые побудили к стихотворчеству — вплоть до самоиронии («...стареющим франтиком прогуляюсь...») или сарказма («Анониму», «Секретному работнику»).

...О поэте судят по его лучшим стихотворениям. И в творчестве А. Сисакяна есть удачи безусловные. Они встречаются и в ранней его лирике («Осенняя грусть», например), но чаще — в лирике зрелого периода, когда способность «плести из строчек кружева» счас-

---

* Сисакян А. Н. Мой мир зарифмованный... Дубна: ОИЯИ, 1999. С. 114.

тливо дополняется зоркостью видения жизни и мудрой лаконичностью. Помимо уже цитированных такие его афористические четверостишия, как «И Чаадаеву под стать...» или «Не звонишь, не навещаешь...», буквально вонзаются в память. Этому же ряда стихотворение «Отцу» завершается словами:

Не сердечной «недостаточностью»,
А избыточностью помру...

Я желаю Алексею Норайровичу, чтобы избыточность эта не скудела как можно дольше — на радость его близким, сослуживцам, а теперь еще и читателям.

Лия Позднякова
«Академкнига» напечатала стихи
физика-теоретика*

Объявленный в 1960-х гг. спор между физиками и лириками можно считать законченным. В наше время он не имеет былой актуальности. Тем более что физики доказали, что могут быть поэтами и бардами не хуже, чем экспериментаторами. В этом еще раз убедила нас книга стихов Алексея Сисакяна, вышедшая в издательстве «Академкнига».

...Сборник под названием «Куст на теплотрассе» подобрал в себя избранные стихотворения из предыдущих сборников, а также новые произведения из цикла «Дневник моей души».

...В сборнике встречаются глубоко интимные стихи, в которых чуть-чуть приоткрываются личная жизнь и переживания поэта. Особенно ярко это чувствуется в стихах, посвященных родителям: «Мне мамы часто не хватает...», «Мне снится папа и его друзья, / Они меня зовут с собой куда-то...» И рядом с ними стихи остросоциальные, политические, в которых звучит боль за судьбу страны. Любой человеческий поступок резким эхом отдается в душе поэта и проливается горячей строкой на лист бумаги:

Мечтали из себя мы выдавить раба,
Но выжали до капли совесть...
И вся-то наша жизнь:

---

* Известия. 2004. 7 апр. С сокр.

Борьба, гульба, пальба.
Найдется ли печальней повесть?

Поэт очень тонко проникает в суть происходящего, и даже отсылка к Окуджаве («...как известно, наша судьба то гульба, то пальба...») добавляет стихотворению значимости. Это еще один голос в хоре тех, кто всей душой болеет за людей и за Россию.

Стихи очень короткие. По большей части это четверо- или восьмистишия. Но, как известно, «краткость — сестра таланта». В этом-то их ценность. Короткие образные формулировки (близкие к афоризмам) легко запоминаются и так и просятся в эпиграфы. «Стихи — не лестница: забраться на Геликон или Парнас...»

О. Я. Боксер, М. А. Пекелис

Есть все основания верить, что Алексей Сисакян — один из ведущих поэтов-ученых России — проявит себя в лирике человека науки не менее сильно, чем в философской, любовной и пейзажной лирике.

Из книги: Поэты-ученые современной России. М., 2005. С. 71.

Кратко о героях этой книги*

АЛЕКСАНДРОВА (ДУБРАВИНА) Ирина Анатольевна (1944–2007), инженер, закончила Институт стали и сплавов. Подруга детства А. Н. Сисакяна.

АМАГЛОБЕЛИ Нодар Сардионович (1930–2004), физик, академик АН Республики Грузии, ректор Тбилисского государственного университета (1985–1991). Лауреат Государственной премии Грузинской ССР (1985). Награжден орденом Дружбы (Россия, 1996).

АМБАРЦУМЯН Виктор Амазаспович (1908–1996), астрофизик, академик и президент АН Армении (1947–1993), академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда (1968, 1978). Основатель и директор Бюраканской астрофизической обсерватории (1946). Лауреат Государственных премий СССР (1946, 1950), Государственной премии Российской Федерации (1995). Награжден золотой медалью им. М. В. Ломоносова АН СССР (1971).

БЕК Татьяна Александровна (1949–2005), русский поэт, литературовед. Лауреат поэтических премий года журналов «Звезда» (Санкт-Петербург, 1995) и «Знамя» (Москва, 1997). Стихи переведены на английский, немецкий, шведский, датский, итальянский, болгарский, польский, грузинский и украинский языки.

БОГОЛЮБОВ Николай Николаевич (1909–1992), математик и физик, академик АН СССР (РАН), АН Украины, дважды Герой Социалистического Труда (1969, 1979), осно-

---

* Справки даны на основе Большого энциклопедического словаря (М.: Большая Рос. энцикл., 1998); информационно-биографического справочника «Объединенный институт ядерных исследований» М. Г. Шафрановой (М.: Физматлит, 2002).

ватель научных школ по нелинейной механике и теоретической физике. Лауреат Ленинской премии (1958), Государственных премий СССР (1947, 1953, 1984). Награжден золотой медалью им. М. В. Ломоносова АН СССР (1985).

ВЕРНОВ Сергей Николаевич (1910–1982), физик, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда (1980). Исследовал космические лучи в верхних слоях атмосферы и вне ее. Лауреат Ленинской премии (1960), Государственной премии СССР (1949).

ЕСАЯН Олег Есаевич (р. 1946), чрезвычайный и полномочный посол Армении в Белоруссии, член-корреспондент Российской гуманитарной академии. Автор ряда научных работ, посвященных экономическим проблемам, в том числе Нагорного Карабаха, депутат Верховного совета НКАО (1991–1992), а в 2000–2005 гг. — спикер Парламента НКР.

КАДЫШЕВСКИЙ Владимир Георгиевич (р. 1937), физик-теоретик, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН. Основные труды в области теории симметрии элементарных частиц, квантовой теории поля, геометрических и теоретико-групповых методов в физике. Директор ОИЯИ (1992–2005), президент Союза научных обществ России (1993–1999).

КУЗНЕЦОВ Олег Леонидович (р. 1938), геофизик, доктор технических наук, профессор, президент РАЕН, ректор университета «Дубна» (1994–2008), с 2009 г. — его президент. Лауреат Государственной премии СССР (1982), премии Правительства РФ (2008), заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации (1992).

МАТВЕЕВ Виктор Анатольевич (р. 1941), физик-теоретик, доктор физико-математических наук, академик РАН, член Президиума РАН. Основные труды в области кварковых моделей элементарных частиц и ядерных сил, автомодельного поведения и масштабнo-инвариантной асимптотики в физике высоких энергий, структуры вакуума в калибровочных теориях. Директор ИЯИ РАН (с 1987). Лауреат премии Ленинского комсомола в области науки и техники (1973), Ленинской премии (1988), Государственной премии РФ (1998).

МЕЩЕРЯКОВ Михаил Григорьевич (1910–1994), физик, член-корреспондент АН СССР (РАН). Основные труды по ядерной физике, физике высоких энергий. Один из руководителей строительства первого советского синхроциклотрона на энергию 680 МэВ. Лауреат Государственных премий СССР (1951, 1953).

ПАРШИНЦЕВ Виктор Владимирович (о. Виктор) (1943–2007), протоиерей, настоятель храма Похвалы Пресвятой Богородицы в г. Дубне, кандидат биологических наук, в 1978–1992 гг. работал в ОИЯИ, активный организатор ежегодных конференций «Наука. Философия. Религия».

ПЕТРОСЬЯНЦ Андрей Михайлович (Андраник Мелконович) (1906–2005), инженер-механик, доктор технических наук, профессор, академик АН Армении, член Шведской королевской академии инженерных наук и ряда других иностранных академий. Первый заместитель министра среднего машиностроения (1953–1962); председатель Государственного комитета по атомной энергии СССР (1963–1987). Полномочный представитель правительства СССР в ОИЯИ (1962–1987). Участник Великой Отечественной войны. Лауреат Государственной премии СССР (1949). Герой Социалистического Труда.

ПОНТЕКОРВО Бруно Максимович (1913–1993), физик, академик АН СССР (РАН). Родился в Италии, с 1950 г. работал в СССР. Автор идеи о существовании двух типов нейтрино и осцилляций нейтрино. Лауреат Ленинской премии (1963), Государственной премии СССР (1954).

САВЕЛЬЕВ Михаил Владимирович (1945–1998), физик, доктор физико-математических наук. Труды по математической физике. Работал в ИФВЭ (Протвино).

САРАНЦЕВ Владислав Павлович (1930–1995), физик, доктор физико-математических наук, профессор. Основные работы по физике и технике ускорителей.

СИСАКЯН-АЛЕКСЕЕВА Варвара Петровна (1910–1990), агрохимик, жена академика Н. М. Сисакяна. Работала в ВИУА (Всероссийском научно-исследовательском институте удобрений и агропочвоведения им. Д. Н. Прянишникова).

СИСАКЯН Анна Алексеевна (1969–1986), дочь А. Н. Сисакяна. Убита во время разбойного нападения в собственной квартире в Москве.

СИСАКЯН Иосиф Норайрович (1938–1995), доктор физико-математических наук, профессор. Директор — главный конструктор ЦКБ уникального приборостроения АН СССР (РАН) (1986–1995). Автор нескольких десятков изобретений и патентов. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники (1992).

СИСАКЯН Норайр Мартиросович (1907–1966), биохимик, академик АН СССР, академик АН Армянской ССР. Автор пионерских работ по биохимии субклеточных структур и технической биохимии. Один из основоположников космической биологии и медицины. Президент XIII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (1964–1966). Лауреат Государственной премии СССР (1952).

СЛЕПЧЕНКО Леонид Алексеевич (1943–2000), физик, доктор физико-математических наук, профессор, старший научный сотрудник ИФВЭ ТГУ и ОИЯИ. Основные научные работы по квантовой теории поля, физике элементарных частиц (в том числе по инклюзивным процессам с большими поперечными импульсами).

СМОРОДИНСКИЙ Яков Абрамович (1917–1992), физик, доктор физико-математических наук, профессор. Автор ряда монографий, в том числе (совместно с Л. Д. Ландау) «Лекций по теории атомного ядра». Лауреат Государственной премии СССР (1951).

ТАВХЕЛИДЗЕ Альберт Никифорович (р. 1930), физик-теоретик, доктор физико-математических наук, профессор, академик АН Грузии, академик РАН. Основные труды в области квантовой теории поля и теории элементарных частиц, теории кварков, хромодинамики. Директор ИЯИ РАН (1970–1986), президент АН Грузии (с 1986). Лауреат Государственной премии СССР (1973), Ленинской премии (1986), Государственной премии РФ (1998). Награжден золотой медалью МААН (1998).

ТРУТНЕВ Юрий Алексеевич (р. 1927), физик, академик РАН, Герой Социалистического Труда. Труды по теорети-

ческой физике. Лауреат Ленинской премии (1959), Государственной премии СССР (1984).

ФЕЙНБЕРГ Евгений Львович (1912–2006), физик, академик РАН. Труды по распространению радиоволн, акустике, физике атомного ядра, элементарных частиц, космических лучей. Лауреат Государственной премии СССР (1983).

ФЛЁРОВ Георгий Николаевич (1913–1990), физик, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда (1949). Открыл спонтанное деление тяжелых ядер (1940, совместно с К. А. Петржаком). Лауреат Ленинской премии (1967), Государственных премий СССР (1946, 1949, 1975).

ФРАНК Илья Михайлович (1908–1990), физик, академик АН СССР. Лауреат Нобелевской премии по физике (1958). Один из авторов теории излучения Черенкова–Вавилова. Лауреат Государственных премий СССР (1946, 1953).

Литературные публикации А. Н. Сисакяна

1. Московский комсомолец. 1962. 7 янв. (№ 5 (7261)). С. 6 (рубрика «Стихи молодых»).
2. Московский университет / Моск. гос. ун-т. 1964. 7 апр. № 23 (2067). С. 4.
3. Московский университет / Моск. гос. ун-т. 1964. 13 нояб. № 63 (2107). С. 3.
4. Юность. 1999. № 7.
5. Мой мир зарифмованный... Дубна: ОИЯИ, 1999.
6. Там, где березы растут сквозь тротуары: Антология дубненской поэзии. Дубна, 1999. С. 67.
7. Юность. 2000. Июль—август. С. 82.
8. Встречи в «Поэтической гостиной»: Сб. стихотворений. Дубна, 2000. С. 15—19.
9. Дубна. Наука. Содружество. Прогресс. 2000. 14 июля (№ 29 (3518)).
10. Вести Дубны. 2000. 10 нояб. (№ 89 (125)). С. 4.
11. Встреча. 2000. 12 мая (№ 34 (419)). С. 4.
12. Вести Дубны. 2001. 5 янв. (№ 1 (1265)). С. 4.
13. Вести Дубны. 2001. 12 янв. (№ 2 (1266)). С. 4.
14. Вести Дубны. 2001. 6 марта (№ 12 (1281)). С. 3.
15. В начале было Слово... : Сб. духовной поэзии Талдомского благочиния. Талдом, 2001. С. 143.
16. Дубна литературная: Прил. к газ. «Вести Дубны». 2001. Ноябрь. (№ 9). С. 1.
17. Белые снегири: Лит.-худож. журн. М.; Вербилки, 2001. № 18—21. С. 13.
18. Дубна. Наука. Содружество. Прогресс. 2002. 6 сент. (№ 35 (3623)). С. 3.
19. Дубна литературная: Прил. к газ. «Вести Дубны». 2002. Март (№ 11).

20. Юность. 2002. № 9. С. 70–71.
21. Дубненские известия. 2002. 20 дек. (№ 38). С. 12.
22. Ожидание чуда. Дубна: ОИЯИ, 2002.
23. О времени и о себе: Науч. и худож.-публицистический альманах. Вып. 2. Дубна, 2002. С. 76.
24. Встреча. 2003. 16 апр. (№ 15 (675)). С. 13.
25. Встреча. 2003. 9 июля (№ 27). С. 15.
26. Дубна. Наука. Содружество. Прогресс. 2003. 4 июля (№ 27 (3665)).
27. Русь: Общерос. писательская газ. 2003. № 15 (17). С. 24.
28. Дубненские известия. 2003. 27 февр. (№ 8 (47)). С. 4.
29. Дубненские известия. 2003. 3 июля (№ 26 (65)). С. 12.
30. Дубна. Наука. Содружество. Прогресс. 2004. 5 марта (№ 8 (3696)). С. 8.
31. Известия. 2004. 3 апр. (№ 60 (26617)). С. 13.
32. Химия и жизнь. 2004. № 6. С. 45.
33. Встреча. 2004. 16 сент. (№ 37). С. 13.
34. Куст на теплотрассе. М.: ИКЦ «Академкнига», 2004.
35. Избранное: В 2 т. Т. 1: Четыре стороны: Стихотворения и проза. М.: Русский раритет, 2004.
36. Избранное: В 2 т. Т. 2: Энергия доброты: Стихотворения и проза. М.: Русский раритет, 2004.
37. Юность. 2005. № 10. С. 103–105.
38. Встреча. 2005. 6 янв. (№ 1). С. 4.
39. Гусиное перо: Альманах поэзии. Дубна, 2007. С. 35–37; 79.
40. Физики–лирики. Дубна: ОИЯИ, 2002. С. 100–114.
41. Золотое слово: Журн. Акад. русской словесности и изящных искусств. СПб., 2006. № 3. С. 66–67.
42. Такая любовь. Дубна: ОИЯИ, 2007. С. 7–50.
43. Улыбка мысли. Дубна: ОИЯИ, 2007.
44. Дружба. Творчество. Память. М.: Престиж Бук, 2008.
45. Время выбрало нас: Альманах участников творческого конкурса «Гусиное перо-2008». Дубна, 2008. С. 32–34.
46. Наука и жизнь. 2009. № 10. С. 79.

Об авторе

Алексей Норайрович Сисакян родился 14 октября 1944 г. в Москве в семье научных работников. Его отец — Норайр Мартиросович Сисакян (1907–1966) — был известным биохимиком, одним из основателей космической биомедицины. Мать — Варвара Петровна Сисакян-Алексеева (1910–1990) — агрохимик, писала стихи.

После окончания в 1968 г. физического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова А. Н. Сисакян начал работать в Лаборатории теоретической физики (ныне носящей имя Н. Н. Боголюбова) Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) в г. Дубне. В 2005 г. А. Н. Сисакян избран Комитетом полномочных представителей правительств стран-участниц ОИЯИ директором Объединенного института ядерных исследований.

Он один из основателей, вице-президент и заведующий кафедрой теоретической физики Международного университета природы, общества и человека «Дубна», а также профессор МГУ, заведующий кафедрой Московского физико-технического института.

А. Н. Сисакян — автор около 400 научных работ в области физики элементарных частиц, теоретической и математической физики, академик, член Президиума Российской академии наук, президент Союза развития наукоградов России, первый заместитель председателя Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. А. Н. Сисакян награжден десятью орденами и медалями стран-участниц ОИЯИ, в том числе российскими орденами Почета и Дружбы, почетный доктор ряда университетов, член нескольких академий и научных обществ.

Алексей Сисакян — автор 8 поэтических сборников, его стихи печатались в нескольких коллективных сборниках и периодических литературных изданиях («Юность», «Химия и

жизнь», «Наука и жизнь», «Золотое слово», «Русь» и др.). Первое стихотворение опубликовал в 1962 г. в газете «Московский комсомолец». Член Российского межрегионального союза писателей (Санкт-Петербург). Награжден Пушкинской медалью «За сохранение традиций в русской литературе», медалью им. М. Ю. Лермонтова.

Содержание

Пролог	3
------------------	---

Часть I ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

Учитель	7
Страницы памяти	11
К портрету Сергея Николаевича Вернова	18
И. М. Франк	26
Ученый-легенда	30
Красивое имя — удивительный человек	36
Артистичный М. Г.	41
О Викторе Амазасповиче	46
Встреча в Минске (Зарисовка)	51
Рыцарь дружбы и созидания	53
Вспоминая Я. А. Смородинского	57
Наш добрый сосед	61
Слово о друге	64
Крылатые фразы	69
Легендарный Юрий Алексеевич Трутнев	75
Учитель брата	79
Татьяна Бек	85
Ира	90
Наш университет	95
«Хорошее — останется»	102
Дом ученых	108
Чудо	112
Штрихи к портрету отца	118
Твой день рождения	145

Век Сисакияна. Слово об отце	149
Письмо к погибшей дочери	154
Мама. Грусть воскресного вечера	162
Брат мой — друг мой	167
Как Лёлик был маленький	190
Мой Крым. 60-е годы	200
Индиец Женя (Из путевого блокнота)	214

Часть II
ДНЕВНИК МОЕЙ ДУШИ
(Стихи разных лет)

Рана.	218
---------------	-----

Открытые сердца

Открытия	220
Проходим Дубны	221
Ученым — основателям Дубны	222
Говорят.	223
На семинаре	224
Тайна	225
Художник	226
Миг у холста	227
Завет	228
Шальная мысль	229
Ритм	230
Ветер	231
Аксиома	232
Постижение	233
Горе от ума.	234
Кошка в Колизее	235
Простые истины.	236
Слова	237

Стих и я

Поэт. Сквозь века	240
Стих и я	241

Мой кораблик	242
Рукописи	243
Мечта	244
Поэт. Закон природы	245
Мои стихи	246
Ночные стихи	247
Поэт. Очищение души	248
Подорожник	249
Стихи и я	250
Ночные рифмы	252
В ожидании	253
Поэты	254
До конца	256
Кардиограмма	257

Планка

Вечная мерзлота	260
Планка	261
Мои года	262
Мое богатство	263
Тема	264
Совет врача	265
Прозрение	266
Говорящая пустота	267
Двойкость	268
Тени прошлого	269
Отцы и дети	270
Песня	271

Пиета поэтава

Друзьям детства	274
Долгий путь	275
В поисках утраченного	276
Свидание с детством	277
Без слов	278
В аштаракских проселках	279
Отцу	280

Вспоминая маму	281
Ты так любил друзей	282
Вернусь.	283
Ушедшему	284
Мне снится папа.	285
Аниной маме	286
Шестнадцать тюльпанов	287
Бутон.	288
Такие дни, что жить не хочется	289
Тень	290
Пиета.	291

Такая любовь

Твоя улыбка	294
Самое дорогое.	295
Другу детства.	296
Усталость	297
Тем, за кого молюсь.	298
К Наташе.	299
Снег и звезда.	300
Сквозь года.	301
Воплощение.	302
Такая любовь	303
Многоточие	304
Куст на теплотрассе.	305
Красота спасет мир	306
Мы зажигаем огонь	307
Чудо любви	308
Старый альбом	309

Подарок Господен

Ты не ушел в небытие	312
Другу	313
Снова в Тбилиси	314
Ушедшему в горы	315
9 апреля	316
Друзья	317

Реквием.	318
Ушли.	319
Издержки прогресса	320
Испания. Лорка	321
По следам Л. Гумилёва	322
Ностальгия.	323
Пилос. Часовня	324
Человек.	325
ВАС.	326
Оптимистическая трагедия.	327
Прозрение	328
Теорема	329
Наши беды.	330
Живительный источник	331
Подарок Господен	332

Улыбка мысли

Улыбка мысли	334
Покров	335
Прошлое.	336
О творчестве.	337
Шестидесятники	338
Армянские мелодии.	340
19 июня 1956 года. Дедушка	342
О главном	344
Фото отца	345
Молюсь об ушедшем	346
Гордость	347

Геометрия души

Болезни роста	350
Лики старости	351
Простите	352
Мое облачко.	353
Поэт-звездочет	354
Наши стремленья	355
Старушка в Праге	356

В чем разница	357
Жажда	358
О наградах	359
О здоровье	360
Душа и плоть	361
После драки	362
Триптих о Москве	363
Книга Вечности	364
Аромат пирогов	365
Формула	366
Тепло любви	367
Не так	368
Непоправимое	369
Имитатор	370
Следы влюбленности	371
Вторя Платону	372
Память и время	373

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

<i>О. А. Кузнецов</i>	377
<i>Алексей Леонов</i>	378
<i>Михаил Пластов</i>	379
<i>Александр Леонович</i> . Субъективно — о личном и общем	380
<i>Татьяна Бек</i> . Откройте дверь поэзии	382
<i>Генрих Варденга</i> . Откройте дверь поэзии	385
<i>Генрих Варденга</i> . Сердечная избыточность	388
<i>Лия Позднякова</i> . «Академкнига» напечатала стихи физика-теоретика	390
<i>О. Я. Боксер, М. А. Пекелис</i>	392
Кратко о героях этой книги	393
Литературные публикации А. Н. Сисакяна	398
Об авторе	400

Литературно-художественное издание

Сисакян Алексей Норайрович

ДРУЖБА. ТВОРЧЕСТВО. ПАМЯТЬ. 2009

Редактор *Е. В. Калининкова*
Компьютерная верстка *И. Г. Андреевой*

Подписано в печать 7.12.2009.
Формат 84 × 108/32. Усл. печ. л. 25,6. Уч.-изд. л. 22,7.
Тираж 1000. Заказ № 56820

Издательский отдел Объединенного института ядерных исследований
141980, г. Дубна, Московская обл., ул. Жолио-Кюри, 6
E-mail: publish@jinr.ru
www.jinr.ru/publish/